

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.Ф.Ухванова-Шмыгова

КАУЗАЛЬНО-
ГЕНЕТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД
В КОНТЕКСТЕ
ЛИНГВИСТИКИ
ДИСКУРСА

МИНСК
БГУ
2014

УДК 81'42
ББК 81.055
У89

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Д. Г. Богушевич*;
доктор филологических наук, профессор *В. В. Макаров*

Ухванова-Шмыгова, И. Ф.

У89 Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : БГУ, 2014. – 223 с.
ISBN 978-985-566-043-0.

Монография, написанная на основе ранее опубликованных и частично переработанных материалов (статей из научных сборников, выступлений на конференциях и круглых столах), предлагает одно из направлений развития лингвистики дискурса – каузально-генетическое.

Каузально-генетический подход представлен в книге с позиций методологических, теоретических, категориальных и методически релевантных, а также в аспекте его применения в анализе дискурсов с целью выявления специфики организации и функционирования всегда актуальных в социуме типов дискурса – институционального, политического, дискурсов юмора и народной сказки.

УДК 81'42
ББК 81.055

ISBN 978-985-566-043-0

© Ухванова-Шмыгова И. Ф., 2014
© БГУ, 2014

*Посвящается моим родителям и брату –
Антонине Афанасьевне,
Фролу Порфирьевичу
и Георю Фроловичу
Ш м ы г о в ы м*

*и моим учителям –
Адаму Евгеньевичу С у п р у н у
и Георю Антоновичу Д ы л е в с к о м у*

ПРЕДСЛОВО

Для кого-то жизнь – это миг полета, а для кого-то – дорога, на которую его вывели родители и сказали: «Иди и ищи». И человек идет по ней и ищет, обретая и теряя, теряя и обретая.

Так и я – иду и ищу, теряю и обретаю. Мое обретение – люди. Моя потеря – люди. А я иду, отмеряя прожитые годы родными, друзьями, учителями, учениками. Их свет во мне. И я уже не знаю наверняка, что у меня своего. Из прошлого я – отражение их. Из будущего они – отражение меня.

Сколько звеньев сомкнулось в этой цепи? Для одних историческая память весьма коротка. Для других – относительно длинна, и измеряется она теми, кто обрел письмо. И, значит, общение не теряется ни через года, ни через века. Но есть и те немногие, кто дотронулся до исключительного – до бесконечности, уходящей за пределы человеческого опыта в мир подсознания, интуиции и предвидения. Общаясь, мы можем безошибочно вычленишь (осознать, увидеть, услышать, почувствовать, угадать) значимое для каждого окружение – его **кортеж**.

У меня есть еще одно измерение обретения и потерь – это **знания**. Новые знания отрицают предыдущие, но остаются во мне историей, этапами, еще одной мерой жизни.

И, наконец, у меня есть обретения и потери в **языках и кодах**. Они постоянно видоизменяются, переосмысляются, наполняются все новым и новым содержанием. Мы как бы воссоздаем их вновь и вновь, несчетное множество раз по каждому конкретному информационному поводу и тут же «предаем», отделяя от конкретной ситуации и отправляя в

мир абстракции и многозначности, приложимости к другим событиям и субъектам.

И хотя мы живем и общаемся в одном мире, в одно время, на одном языке, учимся постигать одни и те же знания, все-таки у каждого они имеют свое наполнение, свой вес, каждый находится на своем этапе их постижения, отражения, конструирования. И кортеж у каждого свой. И язык. И это – не мираж, не призраки пещеры, как их когда-то назвал Фрэнсис Бэкон. Это – реальность нашей жизни, источник ее неоднозначности, сложных хитросплетений, неповторимости. Возьмите любой текст, и вы найдете множество трактовок и пониманий того, что было написано по определенному поводу определенным лицам и обещало быть вполне однозначным посланием. Значит, у меня есть еще одна мера себя – мое понимание знакового ряда. И это понимание – мое обретение и потеря.

Но, очевидно, в равной степени все это – обретение целых поколений, групп, народов, всех землян. Они богаты нами. Мы – ими.

Так все же что мы знаем о себе, о мире, о социальном взаимодействии и его продукте и репрезентанте – тексте?

Текст – объект исследования всех гуманитарных наук, а для социальных наук он является документом, продуктом социального взаимодействия, по которому «считывается» информация об обществе, о человеке. Как? Для этого существуют специальные методики, приемы, технологии, как количественные, так и качественные.

Содержание текста воистину многообразно, подвижно, многозначно, многоаспектно. Закрывать глаза и декодировать исключительно манифестируемое содержание текстового пространства схематично, с помощью поверхностного сканирования, сузив его до неких фиксированных рамок – рамок программы, предлагаемой методиками, работающими с массивами текстов? Или все же отважно броситься в отдельное, единичное текстовое пространство, в поиск его глубинной сугубо качественной информации, рискуя при этом «утонуть» в водовороте множества пересекающихся ключей, несущих свежесть и неординарность мышления не только автора, но и читателя – их совместного «проживания» текста, превращая тем самым текст уже в иное качество – д и с к у р с ?

Наука сегодня готова принять оба подхода; о втором и пойдет речь в данной книге.

Раздел 1

КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

1.1. МНОГОЗНАЧНОСТЬ И МНОГОПЛАНОВОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ» И «ДИСКУРС»

Понятие *дискурс* пришло в лингвистику вместе с признанием необходимости выхода исследователя за пределы узкого понимания языкового знака как элемента системы, замкнутой на себе самой. Признание (реальное, а не декларативное) открытости языковой системы, проявляющееся в факте динамического взаимодействия знакового и реального мира, изменило исследовательские приоритеты. Возросло значение исследований функционирования языка в период социальных перемен, характеризующийся вовлечением значительно большего числа людей в коммуникативные процессы на макроуровне изменением коммуникативных условий – рождением как новых информационных технологий, так и новых типов текстов, новых жанров, новых дискурсов. В свою очередь лингвистика, раздробившаяся на множество узких дисциплин, ощущает потребность в объединении усилий при обсуждении таких актуальных тем, как, например, дискурс власти и контрдискурсии.

Общение на макроуровне неизбежно приобретает социально-значимый характер, поскольку идеологическое начало плана содержания возводится в его доминанту, что максимально расширяет сферу функционирования, особенно политического дискурса. В связи с этим в современной гуманитарной науке полезно оговаривать широкое и узкое значение терминологии, в том числе терминов «текст» и «дискурс».

В настоящее время в активе исследователя текста накопилось много методологических парадигм. Одна из них родилась вместе с **информационной теорией**, которая трактует текст как информационный след, саму же информацию – как устранение неизвестности. Теория вводит категорию «качество информации». В рамках ее анализа замеряются такие характеристики информации, как плотность, глубина, широта, выявляются индекс информативной ценности, читабельность, избыточность, разнообразие, оценочная направленность.

Культурологическое направление включает в исследовательскую парадигму субъектную ситуацию общения («в производстве текстов СМИ участвует и зритель/читатель»). Из этого следует, во-первых, возможность «своего прочтения» текстов адресатами (тексты СМИ либо открыты, т. е. могут по-своему трактоваться аудиторией, либо закрыты, а значит, имеют одно-единственное прочтение), во-вторых, признание влияния на содержание исследуемого текста всего массива текстов, функционирующих в обществе (явление, получившее в культурологии название «интертекстуальность»). Однако основное внимание культурологи уделяют не субъектам коммуникации, а самому тексту, взятому в его статике. Здесь доминируют структурные подходы (велико влияние семиологии и семиотики), когда анализ содержания направлен на выявление многоплановости текста, его потенциала (текстовая полисемия). Однако просматривается также влияние и литературно-критической исследовательской парадигмы (внимание к функционированию текстов с позиции их формы (жанровый анализ, нарративный анализ)). Культурологическая установка реализуется с помощью лингвистических категорий, в ней находит применение и категория модальности (исследование текстов с позиций реальности/ирреальности). Таким образом, это направление вплотную приближается к междисциплинарной исследовательской парадигме.

Семиотико-структурное направление исследует обширный культурный и лингвистический контекст соотнесений (frame of reference), тексты рассматриваются как процессы означивания и декодирования (путем взаимного «отражения» культуры и знаковой системы). Большое влияние на гуманитарные науки семиотической модели Ч. Пирса в виде треугольника привело к тому, что доминирующей стала та парадигма, которая имеет три вида содержания – денотативное, коннотативное и мифологическое (идеологическое), в то время как четырехпозиционная семиотическая модель Г. Клауса до настоящего времени не получила широкого распространения.

Перформативная (деятельностная) исследовательская парадигма (к лингвистике деятельности она не имеет прямого отношения) уравнивает знаковую деятельность с практической, а текст (как знак реальности) исследуется с позиций того, как он себя «ведет в обществе», насколько соответствует общепринятым нормам, в какой степени отражает объективное положение дел (шкала истинности/ложности).

Критическая исследовательская парадигма рассматривает типичный «контент» (содержание текста) в контексте неравенства, причины которого коренятся в различных формах дискриминации (социальной, этнической, политической, религиозной, гендерной и т. д.). Основная задача ана-

лиза текста сводится к тому, чтобы показать роль языка в возникновении и закреплении асимметричных отношений между людьми.

Лингвистическая исследовательская парадигма многолика и вбирает в себя многое из того, что выработала социальная наука. В настоящей работе мы не стремимся дать все лингвистические направления анализа текста и дискурса, да это и невозможно. Но то поле, которое мы охватили, представлено такими теоретическими направлениями, как функционально-деятельностная лингвистика, этнометодология, прагмалингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, каузально-генетическое моделирование, дискурс-анализ, контент-анализ. Практически все они выводят лингвистический анализ в область социальной науки, всем им есть что сказать о специфике функционирования политического дискурса и дискурса СМИ, все они значимы в дискуссии об исследовательских программах и выработке оптимальных методик изучения политического текста.

Но что такое текст и что понимается под дискурсом?

Можно было бы ограничиться определением дискурса как единицы речи, а текста – как единицы языка. В принципе, это было бы верным, однако недостаточным, когда мы входим в интердисциплинарное дискуссионное поле. Полагаем, что здесь требуется всесторонняя характеристика понятия «текст», которая объединила бы усилия, охватила все возможные подходы к его изучению и моделированию.

Такое определение может быть сделано на базе каузально-генетической исследовательской модели, позволяющей синтезировать различные исследовательские установки и подходы. Эта теория рассматривает план содержания текста как с позиций его **статики** (репрезентативная, феноменологическая характеристика содержания – *phenomenon-biased content*) и **динамики** (категориальная характеристика содержания – *idea-biased content*), так и с позиции **деятельности** (универсальная, функциональная характеристика содержания, включающая и репрезентативную, и категориальную). Причем во всех случаях мы стремимся выявить двустороннюю сущность всех элементов содержания, которая и обеспечивает его многоплановость, «многоликость», вечное движение и в то же время точность выражения и утилитарность.

Текст как динамическое явление (функциональная данность текста) включает в себя следующие аспекты:

1) текст – это коммуникативно-информативная категория: ее ядро формируется постоянным взаимодействием двух исходных композиционных (системных) элементов содержания – пропозиции и иллокуции. Данная содержательная дихотомия может быть прочитана как «предмет-

но-ориентированное – субъектно-ориентированное содержание текста». *Реализация коммуникативной функции*: передача чего-то кому-то;

2) текст – это познавательная-оценочная категория: процесс постоянного взаимодействия двух исходных (системных) композиционных элементов содержания – денотации и интерпретации, которые могут быть прочитаны как «знание – отношение». *Реализация функции познания*: отражение реальности и ее оценка;

3) текст – это психосоциальная категория: взаимодействие двух исходных композиционных (системных) элементов содержания – сущности и смысла. *Реализация функции идентификации, самоосуществления*: индивид как творец (преобразователь) внутреннего и внешнего мира.

Текст как статическое явление (реальность и репрезентация) в свою очередь предполагает учет следующих позиций:

1) текст – это действительность, освоенная рационально (структурно) и/или эмоционально (иерархически). *Текст = картина мира*;

2) текст – это знаковая действительность, освоенная индивидуально (линейно, т. е. в поступательном движении) и социально (системно). *Текст = знаковая картина мира*;

3) текст – это субъектное взаимодействие (кортеж), освоенное как ценность (иерархически) и как ритуал (линейно). *Текст = интерсубъектная (межсубъектная) картина мира*;

4) текст – это знаковое субъектное взаимодействие (знаковый кортеж), освоенное как жанр (системно) и как композиция/сценарий (структурно). *Текст = интертекстуальная картина мира*.

Эти параметры позволяют охватить весь диапазон возможностей содержательного анализа текста в его статической данности.

Текст как знак (деятельностная характеристика текста) проявляет себя в следующем:

1) текст – это прагматический знак. Прагматика выражает себя в знаке через социализацию действительности и индивидуализацию речевого поведения (текст есть поступок индивида). Таким образом, основные направления изучения текста как прагматического знака рассматриваются с позиций прагматики отражения и прагматики поведения. *Текст как прагматический знак есть социально продуцируемая деятельность и индивидуальное поведение (индивидуальный поступок)*;

2) текст – это познавательный знак. Познание наделяет мир личностными смыслами (отражение каждым субъектом «своего» фрагмента мира), но осуществляет это в типовых поведенческих моделях (текст есть социально-заданная поведенческая форма). Таким образом, изуче-

ние текста как познавательного знака есть изучение его участия в познавательной деятельности индивида и социума. *Текст как познавательный знак есть индивидуально продуцируемая деятельность и социальное поведение (социальный поступок);*

3) текст – это синтагматически связанный (организованный) знак, а значит, его содержание зависит от межтекстовых линейных взаимодействий. Иначе говоря, его содержание прочитывается благодаря его включенности в отобранные социумом (исторически зафиксированные) секвенции («цепочки») текстов, которые, однако, могут трактоваться индивидами по-разному. *Текст есть историческая, открытая для интерпретации деятельность* (индивид строит свой ряд текстов и тем самым свое содержание);

4) текст – это парадигматически связанный знак, а значит, его содержание зависит от межтекстовых системных взаимодействий. В данном случае его содержание прочитывается благодаря его включенности в текстовые поля, которые, хотя и предопределены индивидуальной деятельностью, но прочитываются только с позиций социальной значимости. *Текст есть деятельность, определенная системой, т. е. закрытая* (индивид выбирает значение из социально определенных парадигм текстов).

Рассмотрение понятия «текст» в треугольнике «функция – репрезентация – деятельность» дает направление координаты для развития этого понятия в приложении к текстам, функционирующим в обществе (будь то политический текст или текст сказки) в его синтезированном прочтении.

Таким образом, мы подходим к понятию «текст» в максимально широком диапазоне, который охватывает все исторически значимые трактовки текста.

Понятие «дискурс» так же многозначно и многопланово. Само понятие «дискурс» пришло в лингвистику вместе с понятием «дискурс-анализ» (discourse-analysis, Textlinguistik), когда внимание исследователя стало переключатся с текста не только на «подтекст», но и на «затекст». Наиважнейшим становится *контекстное поле*, в частности социальный контекст, а затем и знаковый контекст, прочитываемый теперь значительно шире; интертекстуальность – текстовые поля и текстовые секвенции; интердискурсивность. Понадобилось включить в анализ такие категории, как жанр, нарратив, сценарий (литературоведческая парадигма в новом «прочтении»), фрейм, миф (эпистемическая парадигма), аудитория, роль, статус (социологическая парадигма), интерпретация (герменевтическая парадигма). Как мы видим, дискурс-анализ игнорирует не только границы

каждого конкретного текста, но и дисциплинарные разграничения, приобретаемая статус междисциплинарного исследовательского направления.

И все же при всей широте подхода на понятие «дискурс» можно посмотреть и как на более узкое, чем понятие «текст». *Дискурс* – это (так же, как и текст) *деятельность, феномен и функция* (идея) одновременно. Но в дискурсе деятельность сужена до ее социально ориентированных речевых проявлений. При рассмотрении дискурса в качестве феномена (следа), оставленного деятельностью, акцент делается на то, что это феномен (след) социально ориентированной речевой деятельности (социологический документ), «прочитанный» лишь с этих позиций (см. дискурс власти, гендерно-маркированный дискурс и др.). Наконец, дискурс, если и рассматривается с позиций его функциональной нагрузки, то сугобо в функции социальной ориентации и организации.

В качестве иллюстрации вышесказанного посмотрим на определения политического текста и политического дискурса.

Политический текст – это вербализованная политическая деятельность во всех ее проявлениях: как знаковых/символических (номинативная и аккумулятивная деятельность), так и незнаковых (тексты-перформативы). Это понятие охватывает тематический объем и стилевые особенности реализованной в языке и средствами языка политической активности.

Политический дискурс – это совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее.

1.2. ИНТЕГРАЦИЯ ПАРАДИГМ И МЕТОДОВ В ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯХ

Вывод синтаксиса за пределы предложения в гиперсинтаксис (Палех), макросинтаксис (Тойн ван Дейк), синтаксис текста (Дресслер); выход в прагматику речи, а затем и речь как социальное действие (в контексте изучения перформативной стороны речи), интеграция гуманитарных исследований – это, на мой взгляд, не просто смена исследовательского объекта, но и весьма четко очерченная смена доминанты, а именно: переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса. Соответственно, лингвистика дискурса принесла с собой и новые методы познания объекта. Вместе с разведением понятий «текст», понимаемый как *структура*, и «дискурс», а также как *актуализация этой структуры*, произошло и разведение ме-

тодов анализа потенциального содержания (структура-фокусированный анализ) и актуального содержания (контекст-фокусированный анализ). Методический аппарат пополнился множеством частных методик, технологий, практик, сосредоточивших внимание исследователей вначале на расчленении исследовательского объекта (на основании семиотических и семиологических теорий содержания), а затем и на его интеграции – что есть содержание в своей функциональной данности.

Важно отметить, что параллельно дискуссиям «Что есть содержание текста/дискурса?» появляются дискуссии «Где оно?». При этом мы наблюдаем ту же последовательность действий ученых – от расчленения, разведения объекта на составляющие к единению и видению его в интегративном ключе. Так, вначале мы наблюдаем стремление отделить «содержание автора» от «содержания аудитории». Бенвенист определил дискурс как «речь, присваиваемую говорящим». В результате дискурс (*discours*) стал прочитываться в качестве авторского или субъективного повествования (иллюция), а речь (*recit*) как речь, независимая от автора, как объективная данность (пропозиция). В результате такого деления дискурс-исследования обрели некую свободу концентрировать свое внимание на субъективном и, что важно в нашем контексте, не только авторском содержании, но и на содержании, которое рождается в аудитории. И уже затем это содержательное пространство, как бы делимое между адресантом и адресатом, начинает осознаваться и трактоваться, интерпретироваться в ключе движения коммуникантов навстречу друг другу, в ключе взаимодействия.

Все это говорит о неизбежности признания множества методов и методик, технологий, а значит, моделей дискурс-исследований. Добавим, что и саму перспективу лингвистических исследований в Лингвистическом энциклопедическом словаре Ю. С. Степанов определил как **сочетание и комбинирование разных методов** [1, с. 298–299]. И именно такой подход мы наблюдаем в дискурс-лингвистике. Тенденция к сочетанию и комбинированию в ее логическом развитии приводит исследователей к такой методологической перспективе, как интегративная, которая, конечно же, не предполагает простое суммирование подходов, а именно синтез подходов, что помогает увидеть иное в исследовательском объекте, а по существу, найти *новый предмет исследования*.

В контексте такого поворота дискуссии можно вновь обратиться к Лингвистическому энциклопедическому словарю, в частности как этот словарь трактует понятие «методология» [2 с. 299–300]. Так, эта словарная статья, написанная Л. С. Мельничуком, фиксирует, что исследовательская методологическая парадигма в любом случае обращается к трем уровням

осмысления – **общефилософскому, общенаучному и частному**, являющемуся достоянием конкретной дисциплины. Понятно, что каждый из этих уровней за всю историю развития науки обогатился значительным набором исследовательских подходов. Однако в словаре самый высокий уровень – общефилософский – представлен лишь одним измерением – марксистским (что неудивительно с учетом того, где и когда словарь был издан). Данное измерение означало соподчинение лингвистической науки принципам и законам материалистической диалектики.

Сегодня, отказавшись от марксизма как от «единственно правильного подхода», мы вообще почти перестали говорить о высокой теории (в англоязычной традиции – перспективе, *perspective*), поставив на первое место общенаучную методологию, а порой и ее не касаемся, а обращаемся сразу к частной методологии, а точнее, к методикам, технологиям анализа. Означает ли это, что мы не пользуемся никакой методологией? Конечно, нет. Мы все равно находимся в той или иной перспективе, независимо от того, осознаем мы это или нет. А ведь осознание/неосознание есть факт свободы /несвободы ученого. Несвобода значит непонимание, почему я делаю так, а не иначе. Я это делаю лишь потому, что так делают другие ученые? А почему они делают именно так?

Я полагаю, что понимание приходит со знанием методологии, которая только и может выступать в качестве арбитра в научном споре. Решать спор на уровне выбора методик, равно как и на уровне определения выборки (какая лучше?), – бесперспективно.

Какие же общефилософские методологии имели место в истории научного познания? Хотя лингвистический словарь об этом умалчивает, нам важно это знать, ибо тогда мы лучше поймем, что находилось в то или иное время в фокусе внимания лингвиста-исследователя и что теперь находится в фокусе внимания, когда мы выходим на дискурс-перспективу.

Исторически мы говорим о существовании шести общефилософских методологий (теорий-парадигм): (1) **холистической парадигмы**, аристотелевской, видящей мир и познающего субъекта в единстве и взаимодействии; (2) **позитивистской**, отделяющей объективное от субъективного, факт от идеи о факте; абсолютизирующей факт; (3) **интерпретативной**, игнорирующей факт (материю), абсолютизирующей идею; (4) **критической**, поднимающей на высоту абсолюта идею полезности и волю познающего и, главное, действующего субъекта к преобразованию мира; (5) **постмодернистской**, по-своему уточняющей позиции «реальность – идеальность – волеизъявление» и выходящей на иные ценности бытия и познания, а именно: она переводит фокус внимания на субъективный

опыт человека, на идею «плавающей» формы, имплицитное содержание (затекстовое), идею без формы, волю без субъекта (некое мистическое начало), переходит от поля реального, задающего референцию, к полю субъективному – виртуальному; (б) **интегративной**, или *синергетической* (обобщающей весь предыдущий опыт познания, сводящей разнодействующие, разнонаправленные силы в определенное единство, суть которого не простая сумма исходных величин, а новое разрешение, новая целостность).

Интегративная парадигма предполагает соучастие всех вышеназванных перспектив. Для познания реальности, включающей познание социальной реальности, необходимо многогранное видение изучаемого явления, нахождение места каждому из этих подходов в единой интегративной модели. Да и сочетание количества-качества видится иным. Здесь ценность – во множественности методик, но и минимальности анализируемых текстов.

1.3. ОТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ К КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Модернизм – крупное художественно-эстетическое явление XX в. – выступил по отношению к социуму как культура отрицания, связав себя тем самым с так называемой традицией воинствующего антитрадиционализма. Поставив под сомнение возможности прежних культурных структур адекватно отображать реальность, модернизм создает новый язык и, таким образом, как бы перекодирует культуру, делая творчество способом познания мира и *новым мировоззрением*. Язык модернистов включает в себя такие художественные средства, как *поток сознания, ассоциативный монтаж, коллаж, освобождение цвета и стилевое новаторство*. Это ведет к деконструкции живого языка на всех его уровнях – фонетическом, синтаксическом, лексическом, а также речевой деятельности, например письма. Именно модернизм стоит у истоков поэтики *открытого произведения* путем включения зрителя и читателя в процесс творчества [3, с. 438]. Иначе говоря, *модернизм пришел к нам с верой, что понимание социального опыта не только возможно с помощью искусства, но и является его прямым делом*. Художественно-эстетическое движение и породило свой *гранднарратив*, т. е. теорию, основными категориями которой стали понятия *мимезис, репрезентация, идеология и субъективность*.

Смысловым ядром *теорий репрезентации* является тезис о том, что реальность – это продукт дискурса, который ее не воспроизводит, не

дублирует, не *списывает* с образца, не (ре)презентирует, а конструирует (конституирует, кодирует). Кодирование придает реальности особый смысл. Таким образом, репрезентируется не реальность, а ее субъектная конструкция. Даже в том случае, когда знак иконичен (как, скажем, телевизионный текст), из реальности можно извлечь лишь то содержание, которое *мы* вложили в нее. За материальным скрывается идеальное.

Теории мимикрии строятся на признании того, что образ (имидж) является отражением референта. В обществе, в котором имидж истинен, а реальность сомнительна, взаимоотношения между образом и реальностью находятся как бы в состоянии болезни. Существуют целые индустрии тиражирования образов, что все больше усугубляет эту болезнь и делает аудиторию объектом манипуляций.

Любопытно, что использование теорий репрезентации и мимикрии в одном исследовании нарушает традиционные методологические границы. Так, теории репрезентации нередко используются критическими подходами, в то время как теории мимезиса – позитивистской перспективой. Это наводит на мысль, что новизна исследовательских подходов или решений в том, что они *интерпарадигмальны*, т. е. в них наблюдается смешение критического письма (литературоведческое и кино-/театроведческое направление), (анатомического) семиотического анализа (структурно-функциональное направление: расщепление формы и содержания).

Теории субъективности переводят репрезентацию из социального мира идеологий в частный мир сознания. Идеологическая репродукция и репрезентация становятся частями одного и того же процесса. На этой почве и вырос *постмодернизм*.

Постмодернистская перспектива и ее самоопределение

В настоящее время сохраняется определенная многозначность термина *постмодернизм*. За этим словом могут *стоять* следующие реалии: 1) особый, характерный стиль; 2) движение, сформированное в 1960-е, 1970-е или 1980-е гг. в соответствии с развитием определенных средств коммуникации и технологий; 3) условие или средство типизации всего набора социально-экономических факторов; 4) особый способ философского исследования, который ставит под сомнение данные философского дискурса; 5) особый *тип политики* (социального или асоциального поведения); 6) независимая форма культурологического анализа, сформированная всеми вышеназванными факторами [4, с. 327]. Причем общей тенденции и определенности в этом вопросе не наблюдается.

В определенном смысле типичным для современного мира является такое положение вещей, когда мнение о постмодернизме высказывать приемлемо, ничего не зная о нем, его генезисе и современном состоянии, а просто декларируя свое отношение к нему: *я за него или против* [5, с. 287]. Впрочем, тенденция не описывать, а критиковать указывает на то, что постмодернизм – это также и идеологический дискурс, в котором описание неотделимо от оценки.

В постмодернизме можно выделить два направления. Они различаются тем, как понимают свою социокультурную роль: либо как героический период революционных экспериментов, призванных трансформировать всю культуру, либо как период элитизма. Одним постмодернизм видится в качестве *неоконсервативного люфта*, для других это уход от субъективного (закрытого в скорлупе своего «я») *мира авангардной изнанки* (Коллинз) в реальность будней, где истина не рациональна (Графф), *и не документальна*. Познание требует своего рода изоляции. Место познающего субъекта – быть в самоизгнании, а язык (форма) и техника (стратегия) не средство достижения результата, а сам результат (ср. взгляд Барта на роль художника, удаляющегося от общества и стремящегося достичь совершенства в своем ремесле, создав новый язык, новую технику письма, где сама техника, сам процесс творчества и есть реальность).

Таким же образом определяется место дискурса в познании реальности. Дискурс – это такая же реальность, как предметный мир, как субъекты и другие дискурсы в их взаимодействии. Наш мир – это стиль, а стилизация есть сама жизнь. Стиль облекается в определенную форму, и эта форма (типовое решение стиля) также претендует на то, чтобы быть реальностью. *Ничто не заменяет нечто*, всему есть место и все должно учитываться в познании. Причем вокруг царит плюрализм, и говорить надо скорее не о стиле, а стилях и соответственно – типах, дискурсах, мирах. Уже не о двух сторонах знака идет речь (*знак как двуликий Янус, одно лицо которого обращено к реальности, другое к понятию о реальности*), а о сосуществовании множества миров реальных и виртуальных. Эти *расплодившиеся миры* реализуются во множестве практик и изучаются множественством методик.

Реальность в постмодернизме выступает с вопросительным знаком (где она?). Ее нет и в то же время она есть во множестве вариантов, планов, аспектов: в факте и артефакте, которые не составляют дихотомию, так же как виртуальное не противопоставляется реальному. Декларируемая постмодернизмом потеря реальности – это скорее потеря связи между ее объектами, признание того, что мир фрагментарен и бессистемен. По-

этому он не поддается оценке, к нему неприменим идеологический критерий. Реальность покрывает все – и внезапное и знаковое пространство. Реальность равна имиджу, а имидж реальности. Это конструкция без структуры, *текст без дисциплины*. Это – просто реальность.

Человек в постмодернистской модели исчезает как индивид, но возрождается в стиле и типе, в знаке и поведении. Он – сама реальность и в то же время продукт речевых практик, многообразных дискурсов. Его *самость* формируется дискурсом (своим и чужим) и обнаруживается в нем. У него много лиц, ролей, образов. *Потеря субъекта* такая же игра, как и потеря реальности.

В описании человека и реальности постмодернизм использует новые категории, не имевшие самостоятельного значения в первых трех перспективах (позитивизме, интерпретативной и критической парадигмах), – знаковую реальность и знаковый субъект.

Знаковая реальность. Знак в постмодернизме почти сакрален. Он вездесущ. Знаком может быть все. Поэтому и текст становится знаком и перестает восприниматься как заданная структура. Более общие формы, такие как *жанр, средство передачи, цикл*, сливаются с содержанием, т. е. перестают различать означаемое и означающее.

Знаковое поведение. Появляется новый стиль – *пастиш*, под которым понимается *чистая стилизация* (несущая новое, собственное содержание), стилизация ради стилизации (ср. этот подход с традиционными, трактующими стилизацию как репрезентацию чего-то, где стилизация – подчиненное понятие).

Наука в постмодернизме спорит сама с собой. Она отказывается от гранд нарратива, но в то же время порождает неограниченное множество других теоретических конструкций, что способствует дальнейшему развитию и обогащению категориального аппарата. Получают развитие такие понятия, как текстуальность и текстура, дискурс и дискурсивные практики и технологии, т. е. все то, что связано с изучением вербального, виртуального мира, дополняющего мир вещей. Характерно, что рождение этих теорий происходит как бы параллельно, при этом исследователь не пользуется скальпелем и не препарировывает действительность. Побеждает стремление не нарушать целостность мироздания. Отсюда полное неприятие анализа, который расщепляет и убивает живое. Изучение реальности в постмодернистской перспективе – это изучение всего, что в ней есть. Поэтому понятен интерес к так называемому *case study* – изучению отдельных случаев (характерно, что даже и тогда, когда материал достаточно широк, к нему можно относиться как к эпизоду, варианту, единичной структуре).

Цель исследования в постмодернистской перспективе – ухватить, удержать, увидеть многое в малом, малое в большом: в капле воды – все мироздание, а мироздание – в капле. Изучать мифы как реальность и реальность как миф.

Ученые, работающие в рамках данного направления, исходят из ситуации теоретико-методологического плюрализма. Постмодернизм в каком-то смысле свел воедино все посттеории, как то: постструктурализм (структура + функция), постпозитивизм (факт, событие + текст, дискурс) как и то, что можно было бы назвать посткритицизмом. Статус всех методологий уравнивается. И с этим растет осознание *параллельности научных парадигм* и программ. Происходит то, что можно было бы назвать открытием интердисциплинарных шлюзов. Наука, культура, искусство уравниваются в своем познавательном и *сущностном ранге*. По мнению ряда ученых, постмодернизм может послужить фундаментом для построения «новой башни из слоновой кости» – четвертой перспективы [6]. Впрочем, вряд ли резонно говорить о башне: у этой четвертой перспективы есть здоровое начало – она принимает в свое русло неограниченное множество теорий, но главное – она может быть критична также и по отношению к себе самой, вплоть до самоотрицания.

Важным, на наш взгляд, уроком постмодернизма является признание *многоголосья в науке* и первостепенной роли знакового ряда, а значит, и дискурсного прочтения всех социально-гуманитарных наук. Соответственно, возрастает значимость наук и теорий, ориентированных на знаковые системы и порождаемые ими продукты – тексты, дискурсы, дискурсии (практики).

Каузально-генетическая перспектива и ее самоопределение

Нам представляется, что серьезную конкуренцию постмодернизму может составить разработанная нами каузально-генетическая теория. Эта исследовательская программа (перспектива) объединяет множество практик и открывает новые методики.

Действительность (реальность) с позиции каузально-генетического подхода – максимально широкое понятие. Это весь объективный, определенным образом упорядоченный фон речевой деятельности субъекта, весь содержательный план языка. Если говорить более конкретно, то это массив вещей, фактов, событий, как реальных (порожденных природой и вовлеченных в практическую деятельность человека), так и

знаковых (порождаемых человеком). Их организуют (упорядочивают) в процессе социально-речевого взаимодействия конкретный индивид, социальная группа и социум в целом, иначе говоря, они осмысливаются нами в диапазоне от индивидуального до типового. Выступая для индивида в виде упорядоченного знания, реальность всегда конкретна и исторически ограничена, но в то же время она постоянно открыта для пересмотра (переоценки и преобразования), а значит, имеет историческую перспективу. Это единство потенциальной открытости и реальной ограниченности отражает взаимодействие двух параметров – предметного и субъектного (как в социальном бытии, так и в знаковой стихии). Абсолютное движение (категориальный вектор) и относительный покой (феномен) формируют содержательный, духовный пласт реального мира. Именно такая (динамическая, предметно и субъектно представленная) действительность является для нас источником, основой знаний и отношений.

Субъект в каузально-генетическом подходе не менее подвижен. Его динамика обеспечивается социальным и речевым взаимодействием людей в практической и знаковой деятельности. Мы осознаем себя в социуме (речевое поведение) и социум в себе (историческое или языковое поведение). Субъект для нас – это часть действительности, ее преобразующая сила и генератор идеальных образов.

Наука в этом подходе (речь идет о науке, которая может называть себя текст- или дискурс-центричной) стремится к познанию реальности (как *знаковой*, так и *внезнаковой*) и места субъекта в ней, добиваясь этого с помощью структурирования и логического конструирования. Причем структурируя объект, мы рассматриваем его не как механическую сумму элементов, а как систему: каждый элемент существует лишь в связанном, упорядоченном пространстве целого. Структурный и конструктивный подходы взаимно подкрепляют друг друга. Мы моделируем объект исследования и таким образом получаем его теоретический аналог (идеальный объект). Конструирование исследовательской модели – это, с одной стороны, средство отображения языковых явлений и процессов, а с другой – способ проверки эффективности методологии, ее способности раскрыть реальную картину общения.

Цели исследования в контексте каузально-генетического подхода заключаются в поиске нового знания. Оно не только открывает те или иные закономерности, но и устанавливает сферу их действия (меру предмета).

Особо отметим тот факт, что все эти категории получают в лингвосомиотике или антропосомиотической науке – науке о знаках языка, речи, дискурса – специфическое преломление.

Знаковая реальность с позиций каузально-генетической теории – также максимально широкое понятие. Это весь знаковый фон системных и функциональных значений интерсубъективного общения, а значит, это и действительность как таковая, однако представленная уже в некоей знаковой упорядоченности (языковая картина мира). Универсальной и наиболее сложной знаковой реальностью является язык, который имеет как социальный, так и индивидуальный диапазон варьирования значений в исторически заданных рамках. *Каузально-генетическая теория* исходит из признания сложных и цельных фактов речевой деятельности (коммуникации). Текст, газету (газетный номер, газетное издание), книгу, фильм, телепередачу можно исследовать в рамках этой теоретической модели с тем же успехом, что и более простые языковые знаки, такие как слово и предложение. Однако мы ни в коем случае не отождествляем их. Это знаки разных уровней, но на их содержание влияют одни и те же факторы (постоянно действующие причины) и фактумы (результативные причины). Именно поэтому они подчиняются правилам системной и иерархической субординации, имеют свое линейное воплощение. Но что остается принципиально важным, так это то, что в каждом случае они обладают некоей завершенностью, а значит, остаются цельными языковыми знаками. Эти знаки также обладают как предметной (референтно-деятельностной), так и субъектной (речеповеденческой, кортежной) мотивацией и являются, таким образом, знаками языкового опыта как социума в целом (социально-дифференцированного, типового опыта), так и конкретных индивидов в частности, непосредственными знаками речевой, а значит социальной, деятельности.

Нельзя сказать, что использование понятия *знаковый субъект* уже стало традицией методологических программ. Однако мы полагаем, что оно может и должно занять центральное место в исследовании языковой и речеповеденческой реальности. По сути, эта категория отражает факт знаковой заданности субъекта. Человек непосредственно использует знаки как орудие мышления и орудие общения, соответственно маркируя ими не только предметы практической деятельности, но и коммуникантов, в том числе и самого себя, свою индивидуальность и свой социальный статус, свой особый стиль и свой стилиевой регистр. Таким образом, субъект как бы раздваивается: с одной стороны, он автономная личность, а с другой – знак, функция, и все его действия и оценки подчинены этой

социальной роли (роли родителя, представителя группы, партии, нации и пр.), выстраивающей (в качестве доминантной причины) его поведение.

Соответственно и *текст-центричная наука* в этом контексте прочитывается несколько по-иному. Она стремится к познанию знаковой реальности и места знакового субъекта в ней, а значит, ее внимание неизбежно сосредоточивается на речевой практике и языковом опыте. Таким образом, каузально-генетическая теория погружает нас в содержательную среду языка (сложные языковые знаки, факты речевой деятельности) с учетом как статичности знака (знак как результат деятельности), так и его динамики, то есть открытости.

Каузально-генетическая перспектива носит формализованный характер, но это не недостаток ее, а преимущество. Благодаря своей многоаспектности и обобщенности она, как мы видим уже сегодня, в состоянии вместить в себя практически все богатство методологических подходов и философских дискурсов, свести мозаику взглядов и практик в единую картину, стать мощным стимулом развития новых перспективных научных направлений.

1.4. КРИТЕРИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ УЧЕНОГО В КОНТЕКСТЕ СВОЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Критерии самоопределения и самоидентификации. Самоопределение и самоидентификация – понятия комплексные, многоуровневые, затрагивающие как категориальное пространство (категории, свойственные науке вообще и каждой отдельной науке или дисциплине в частности), так и парадигмальное (категориальная совокупность, матричное пространство науки). Ученый не может не размышлять над этими позициями, работая над любым научным проектом, в том числе в контексте работы над квалификационными проектами (диссертациями разного уровня).

Квалификационные работы требуют от ученого максимальной прозрачности в контексте *самоопределения* (установления тематических границ исследования, дисциплинарных ограничений в установлении исследовательской проблемы, т. е. осознания рамок своего научного пространства) и *самоидентификации* (осознание ограничений субъектного плана, т. е. установления границ, свойственных научной школе, в рамках которой проводится исследование, диапазон цитирования, ранжирование источников на классические, обязательные и спорные, второстепенные, неактуальные).

Та же прозрачность необходима и при самоопределении и самоидентификации новых научных школ, только пробивающих себе дорогу. И она также необходима для самоопределения и самоидентификации ученого на уровне парадигмальных теорий или, иначе, на уровне методологических, матричных исследовательских программ. Непонимание, а значит и нечеткое прописывание *основ*, на которых строится исследовательская программа, приводит к порождению материала, у которого не будут должным образом представлены также и *выводы*, ибо это будут выводы в никуда и никому.

В настоящее время существует **две группы макрокатегорий**, взаимосвязанных и взаимовыводимых, наполнение которых и есть путь к самоопределению и самоидентификации ученого. Одну из них мы рассмотрели в главе 1.3, где на основании заполнения категорий данного уровня – **какую *реальность* изучает исследователь, каким ему видится субъект, т. е. ученый, вовлеченный в исследование, а значит, и он сам, какие цели ставит перед собой ученый, а значит и он сам, каким видится ему наука, как именно вербализируются эти позиции, а значит, какую роль играет в этом знаковая система и как происходит актуализация знаковой системы, т. е. ее использование, как именно работает знаковая система в поле референции и поле интеракции (семиотическая составляющая исследовательского процесса)** – и было проведено самоопределение исследователей, относящихся к одной из двух матричных программ, а именно: постмодернистской или интегративной. Последней и принадлежит каузально-генетическая перспектива. Другими матричными программами по определению являются позитивистская, интерпретативная и критическая.

Чем значима вторая группа категорий, способствующая самоидентификации ученого? Именно с нее начинается ученый. Какую бы работу он ни писал (курсовую, дипломную, магистерскую, кандидатскую...), какой бы материал он ни читал (тезисы научного доклада, научную статью, монографию или диссертацию ученого), он так и не поймет, что значит научный труд, пока не научится видеть в научном произведении других и формулировать в своем *исследовательское поле автора материала, объект его исследования, предмет*, ну и конечно – *цель и задачи*, реализация которых ведет к достижению цели, а также *методы*, используемые для достижения цели. Не менее важно видение, в чем заключаются **актуальность и значимость** того, что ученый исследует. Мы предлагаем для репрезентации этих категорий в качестве единой функциональной целостности использовать **модель песочных часов** (рис. 1).

Рис. 1. Песочные часы:
ключевые категории самоидентификации исследователя

Перед тем как остановиться на модели *песочных часов* подробнее, отметим, что ключевые позиции, по которым две группы категорий (помогающих ученому самоопределиться и самоидентифицировать себя) расходятся и по которым они едины. Так, их расхождение в том, что:

- *первая* группа категорий открывает возможности для самоопределения ученого или группы ученых в рамках проводимого ими исследования, в то время как *вторая* группа открывает возможности для его/их самоидентификации;

- *первая* группа категорий относительно абстрактна, в то время как *вторая* – относительно конкретна, ибо их удельный вес разновелик благодаря противоположному влиянию на них содержательной дихотомии *время – пространство*;

- исследовательский потенциал и его реализацию в *первой* группе категорий определяет *пространство*, тогда как *время* не оказывает значимого влияния; и наоборот, во *второй* группе категорий именно *время* становится источником влияния.

А их единство – в целостности каждой группы, из чего исходит *возможность построения целостных моделей их реализации*.

Мы ожидаем, что категории второй группы хорошо всем знакомы и не нуждаются в определении. Помогая аспирантам подготовить статьи к публикации, мы обнаружили, что это не так. Самое трудное для них – начать статью или, как это ни странно, написать аннотацию к статье, правильно выбрать ключевые слова, а также сделать выводы по уже собран-

ной и обработанной (представленной в таблицах и даже описанной) базе данных: так что же выносится на суд читателя? К чему пришел автор? За чем это исследование проделано? Те же трудности они испытывают и при написании диссертационного введения (общей характеристики исследования), и при написании кратких выводов по главам, равно как и общего заключения. А ведь это самые читаемые оппонентами структурные элементы диссертации, которые и решают судьбу защиты, и именно в них важно уметь оперировать категориями модели песочных часов.

Анализируя особенности чтения научных статей и тезисов аспирантами, мы заметили, что если в тексте подчеркнуть и написать на полях заметки о том, где сформулированы данные категории, то чтение не вызывает сложностей и аспирант готов представить научный обзор прочитанных материалов. Если же этого не сделать, то обзор превратится в простой пересказ, с чего начинается статья, что потом и чем заканчивается.

Без умения фокусировать внимание на нужной информации, без понимания значимости этих элементов структуры, без умения ее кодировать и декодировать (особенно если она подана имплицитно) нет и не может быть зрелого ученого, ибо нет научно-исследовательского кортежа: у адресанта (аспиранта, порождающего текст) без вербализованной самоидентификации ученого нет целевого адресата (он пишет себе или своему руководителю, ожидая, что руководитель и так знает, о чем пишет аспирант, и самоопределяться не надо). Поэтому много значимой информации уходит в контекст, а аспирант становится *приложением к статье*, несет в себе возможность договорить то, что не написал, но имел в виду.

Надо сказать, что обучение тому, как оперировать категориями второй группы, легко проводить на бытовых примерах [6, с. 110–113]. Так, возникает во многих случаях проблема водителей-новичков, уже получивших права, но испытывающих трудности вождения. Как эту проблему решить *научно*? Мы предлагаем обучающимся разложить проблему по терминологическим *полочкам*: каково наше *поле* – психологические трудности, интеллектуальные, другие? Предположим, что проблемы *психологического поля* (молодой водитель неуверенно себя чувствует, волнуется, что что-то делает не так, когда одновременно сталкивается с различными трудностями: сочетанием дорожных знаков на местности, неожиданным поведением пешеходов и т. д.), частично *интеллектуального* (умение синтезировать проблемы по мере их сочетания), а также *поля моторики* (физическое состояние, реакция водителя), ну и *поля деятельности* (опыт). Итак, мы оказались в *интердисциплинарном поле*.

Объект – неопытный водитель в машине на улице, полной неожиданностей. *Предмет* – операциональные категории объекта, т. е. комплекс проблем: состояние водителя в контексте состояния машины и его понимание этого состояния. *Цель* – эффективное вождение, вполне конкретное: из пункта А в пункт Б в определенное время (например, поездка на работу и с работы). *Задачи* – набрать опыт по каждой проблемной ситуации, а потом связать все в единое действие со всеми актуализируемыми аспектами. Соответственно задачи подробно прописываются. Например: (1) *позиция время* – поездка рано утром, когда нет пешеходов и мало машин на дороге, поездка в другое время, но не в час пик; поездка в реальное время; (2) *позиция пространство* и т. д.

Методы – оптимальные в данном контексте таких научных направлений, как теория деятельности, когнитивистика, психология личности. *Актуальность, значимость* – формирование *характера, мобильность, помощь себе и другим...* . Последняя позиция особенно важна, ибо она неизбежно становится первой, когда *песочные часики* переворачиваются и начинается прокрутка модели в обратном направлении – аспект верификации всех позиций модели.

Наша модель-метафора удобна тем, что она функциональна: требует постоянного движения – не забыть перевернуть часы, иначе они не работают. Если не перевернул, то и не увидел, насколько актуально для общества и значимо для твоего научного поля (и в том ли ты поле?) то, что ты делаешь (и то ли ты делаешь?). Модель хорошо работает не только на микроуровне (на уровне одного исследовательского проекта), но и на макроуровне (уровне исследовательской группы, школы, подхода).

Здесь хотелось бы сделать маленькое отступление и сказать буквально пару слов об одной проблеме роста современной науки, которая, как мне кажется, связана с пониманием, а точнее, с непониманием некоторых категорий данной модели.

Это, *во-первых*, категории *актуальность* и *значимость*. Термины представлены на одной линии, но они сегодня нередко противостоят, имея, по сути, разных адресатов. Так, для администратора науки важным является перенос акцента на позицию «актуальность исследования», в то время как для ученого естественной была и остается позиция «значимость исследования». Когда администратор берет верх, тормозя защиту диссертаций, не несущих моментальную пользу стране, наука болеет. Не лучше ли рассматривать позиции *актуальность* (для общества) и *значимость* (для науки) не как отдельные, а как взаимозаменяющие друг друга, а значит, как одну позицию? Так, пусть в одном исследовательском про-

екте перевешивает одно, а в другом другое (что-то из них должно быть). И тогда, возможно, станут реже ошибки Высшей аттестационной комиссии в утверждении либо отказе в утверждении уже защищенной в научном совете диссертации (в тех странах, где исторически сохранилась ступень административного утверждения научных работ).

Вторая пара категорий, привлекающих особое внимание сегодня, – это категории *объект* и *предмет*. Кстати сказать, в иных языковых системах академического дискурса эти категории объединены в одну. По существу это – формулировка научной проблемы, которая так или иначе называет объект и его уточняет (предлагая ряд операциональных категорий). Хорошо это или плохо, если и мы откажемся от двух терминов, объединим их в одном – предмет (что и предлагается делать молодым ученым уже сегодня)?

Да, это упрощает задачу исследователя, конкретизируя его поиск. Но уходя от номинации объекта, мы теряем возможность увидеть, например, единство ряда смежных наук, объединяемых единым объектом, но разъединяемых предметом исследования (операциональными, т. е. рабочими категориями, реализующими самостность каждой из наук одного профиля, например гуманитарного). Это особенно важно, когда происходит сращение разных дисциплин (гибридизация), что приводит к обогащению методического аппарата наук, а вместе с тем и рождению нового знания. Аналогично мы можем потерять возможность увидеть единый объект исследования в разных научных школах одной научной дисциплины, ибо формулировка предмета исследования неизбежно разведет их по разные стороны. Иначе говоря, наличие двух терминов помогает, на наш взгляд, сохранить подвижность мышления ученого, что принципиально важно сегодня, в век актуальности интердисциплинарного знания.

1.5. КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

Вполне очевидно, представляя школу дискурс-анализа, начать с ключевого термина – «дискурс». Широко известны и принимаемы такие определения дискурса Тойна ван Дейка, как «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее текст и сознание говорящего и слушающего» и «дискурс есть текст плюс социальный контекст». Проинтерпретируем эти дефиниции. Итак, мы видим две составляющие дискурса. С одной стороны, это **текст** как сообщение (знак), т. е. вербально выраженная мысль (собственно языковая реальность). С другой стороны, *со-знание*

адресанта и адресата, т. е. знание социально соотнесенное, оцененное, закрепленное в опыте социума, пропущенное через опыт и отношения общающихся, через **их опыт обретения социального контекста** (собственно социальный контекст). Поэтому дискурс и становится *событием* – *со-бытием* (совместным бытием) общающихся.

Что мы видим в этом определении? Все ту же мысль Соссюра о знаке (в нашем случае тексте), который, как двуликий Янус, смотрит одним лицом в реальность, а другим в языковую (знаковую) реальность.

Что же тут нового, если мы опять вернулись к тому, о чем говорил Соссюр? Мы полагаем, что новое – это признание того (совершенно очевидного для нас сегодня) факта, что лингвистика, выйдя за пределы изучения слова в изучение текста, а затем и дискурса, уже не может просто констатировать наличие «двух лиц» у своего объекта/предмета изучения, а сама должна повернуться в сторону его парадигматическо-синтагматических проявлений. Лингвистика, признав дискурс своим объектом изучения, признала тем самым, что **предмет лингвистики стал неизмеримо более сложным, комплексным, междисциплинарным**. Ей теперь следует более пристально смотреть и в другие стороны: референциальную (какая именно действительность стоит за дискурсом), речеповедческую (как именно себя ведут общающиеся и что это меняет), архетипическую (на какие типы взаимодействия – жанры, форматы – общение опирается). Соответственно и другие науки (психология, история, социология...), обратившие свой взор на изучение дискурса, теперь уже не могут не включить в свой предмет изучения методике, ранее приписываемые исключительно науке о языке.

Полагаю, что здесь следует сделать еще один вывод. Для дискурс-исследований просто необходимы как воздух интегративные исследовательские подходы. Не случайно мы наблюдаем и расширение понятия «дискурс», и рождение новых методов его изучения, и осознание новых задач, которые дискурс-анализ может решать. Дискурс-исследования могут охватить, постичь, изучить все это многообразие путем интегрирования методического аппарата разных традиций, парадигм, дисциплин. Что же остается единым, неизменным в этом постоянно расширяющемся исследовательском поле? Цель. Любое дискурс-исследование занимается поиском смыслов, оттенков, значений, отношений, иначе говоря – содержанием. Вот почему мы в своем осмыслении такого явления, как дискурс, и поиске теоретического обоснования его изучения и обратились **к теории содержания**.

Таким образом, если посмотреть на традиционные категории самоидентификации в их приложениях к нашему подходу, можно отметить следующее.

Наше исследовательское *поле* – методология науки, теория содержания (лингвосемиотическое моделирование содержания от статических моделей до функционально-динамических), теория коммуникации, лингвистика дискурса; интегративная, качественная, научно-исследовательская парадигма, анализ текстов как фактов социальных, репрезентирующих тип культуры, тип цивилизации.

Объект – это дискурс, репрезентированный конкретными дискурсиями, некоторое текстовое пространство в контексте взаимодействия коммуникантов. Предмет – содержание продуктов коммуникации, комплексное, многомерное, полифоничное, функциональное, собираемое в функциональные одновременно единые и противоречивые взаимодополняющие друг друга развивающиеся единства, сталкивающиеся в коммуникативной реальности, тем самым обеспечивая постоянное развитие содержания.

Цель – расширить методологический аппарат дискурс-исследований, интегрировать разные подходы, дать новые знания о функционировании текстов в обществе и о самом обществе на примере разных типов дискурса; изучать новые типы дискурсов. **Задачи** – порождать новые исследовательские методики, реконструируя новые типы, виды, аспекты содержания, верифицировать собираемое знание, описывать полученное знание, сопоставлять с имеющимся, собирать в разнообразные единства. Систематизировать, описывать получаемое знание системно и структурно (операционально). Предоставлять знание об изучаемых типах дискурсов.

Методология – каузально-генетическая теория содержания, построенная с учетом соотношения позитивистских, интерпретативных, критических, постмодернистских и интегративных традиций научного познания. Для построения каузально-генетической теории изначально важны теоретические работы, репрезентирующие такие ветви познания, как семиотико-семиологическая, лингвофилософская, социолингвистическая, прагматическая, психолингвистическая, стилистико-типологическая. Методы – интегрирование целого ряда техник, приемов анализа, таких как логические (индукция, дедукция, абдукция); структурные (операционализация, реконструкция); дескриптивные (вычленение и описание); аксеологические (верификация, систематизация, типологизация); когнитивные (обоснованная теория); функциональные (противопоставление, синтез).

Актуальность, значимость – подход к лингвосемиотическому наследию и теории содержания в контексте систематизации и синтеза (ви-

дения в качестве диалектического единства) исторически, но не гносеологически(!) противостоящих направлений сознания и познания; попытка систематизации и определения места в этой системе всем элементам содержания сложных языковых знаков (текстов, макротекстов, дискурсий, дискурсов) в преемственности статических, функциональных и динамических проявлений содержания. Рождение новых методов анализа, основанных на познании новых категорий содержания.

Полученные результаты представлены на разном материале в публикациях тех, кто формирует сегодня школу каузально-генетического подхода к анализу дискурса – А. В. Попова (дискурс элитарных средств информации [7]), Е. В. Савич (дискурс медиалоббирования [8]) и дискурс общественных организаций [9]), О. В. Луцинская (академический дискурс [10]), А. А. Маркович (дискурс-интеграция и репрезентация лидеров, формирующих мнение [11]), Л. В. Курчак (дискурс деловых переговоров [12]), И. Ф. Ухванова (дискурс политического лидера [13], дискурс профессиональной экспертизы [14], дискурс сказки [15], академический дискурс [16]) и др.

Моим учителем, научным руководителем и кандидатской, и докторской диссертаций был доктор филологических и педагогических наук, профессор Адам Евгеньевич Супрун-Белевич, известный белорусский славист, основатель одной из белорусских научных школ славистов, глубоко интересовавшийся проблемой репрезентации числительных в славянских языках. Кстати сказать, ключевой термин нашего подхода – *кортеж* – был введен именно А. Е. Супруном [17], посчитавшим необходимым связать общающихся коммуникантов сущительным единственного числа, подчеркнув тем самым непосредственную зависимость общающихся в процессе порождаемого ими коммуникативного продукта друг от друга, неизбежность принять их взаимодействие в качестве пружины, внутренне организующей общение и *со-знание* людей.

Очевидно, требуется и некоторая спецификация нашего подхода. Отметим, что в каузально-генетической интерпретации план содержания сложных функциональных единств (знаков) – текстов, макротекстов, дискурсий, дискурсов – определяется как динамическая система, постоянно испытывающая на себе воздействие взаимозависимых и взаимопроникающих факторов или постоянно действующих причин (т. е. практик людей – социальной и когнитивной, а также сугубо лингвистических – практики по созданию и развитию своей языковой системы и практики порождения и функционирования текстов в социуме) и фактумов или результирующих причин (деятельности реальных коммуникантов – собственно

практической и коммуникативной, речеповеденческой, задающей характер и стиль общения, и аккумулятивной, формирующей архетипы общения/жанры и типы общения/форматы). Вот она «кауза» – причина или набор причин, порождающих и определяющих направленность содержания. Они и формируют структуру содержания – категориальный (сущностный), феноменологический (дискретный, ограниченный временными рамками) и универсальный (смешанный, динамический) типы содержания. Элементы последнего универсального типа образуют в процессе взаимодействия коммуникантов определенные своей природой содержательные единства – сложные функционально значимые содержательные подсистемы (включающие в себя элементы актуального и потенциального, лингвистического и внелингвистического содержания), элементы, образующие генезис содержания. Таким образом, понятие «план содержания» начинает преодолевать рамки лингвистической традиции и способно вместить в себя все многообразие трактовок и подходов к проблеме. В перспективе это совпадает с тенденциями развития современной гуманистики (лингвистики, семиотики, антропологии).

Понятно, что модель носит *идеальный* характер. Мы изначально задали ей такие параметры, как *потенциальность* и *открытость*, принимая во внимание тот факт, что актуализируется в плане содержания фактов речевой деятельности далеко не все, что задано (а иногда и совсем не то, что предполагал задать адресант), далеко не в полной степени и далеко не всеми. Наша модель (а в реальности это целый набор взаимосвязанных моделей) имеет и статические, и функциональные, и динамические формы проявления. В своей статической проявленности – это как бы анатомическая карта объекта. Мы определяем на первом (структурном) этапе развития моделирования то, что может быть задано его природой и в каком диапазоне это заданное может варьироваться. В то же время реальная содержательная наполняемость (или ненаполняемость) структуры в каждом отдельном случае определяется конкретной социально-лингвистической ситуацией, контекстом, который проникает в ткань содержания, маркируя его своим присутствием. Вот почему было бы большой ошибкой ограничиться сугубо теоретическими моделями, не рассматривая их на фактах анализа реального текстопорождения, реальных типах дискурса.

Теоретическая модель, объединяющая в себе исходные идеи каузально-генетического видения специфики и организации и функциональной проявленности дискурсов, апробирована на разных типах дискурсов. И все же модель – идеализация реального объекта. Но идеальная модель – единственный способ адекватного моделирования сложных явлений, ка-

ковым является и наш предмет исследования, сложный, многозначный, вариативный, предстающий перед исследователем в предметном (референтном), субъектном (межличностном, кортежном) и знаковом (языковом) контекстах, которые в свою очередь реализуются как в объективных, так и субъективных параметрах. Модель в такой ситуации обладает эвристической ценностью – и в этом мы видим ее силу. Ну а слабость – в объективно заданном схематизме. Последний, однако, помогает направить исследователя на поиск в нужном направлении. Главное – понять, что исследователь ищет и что с найденным может сделать. Во многом это путь обоснованной теории, широко известной в качественной методологии [18] – теории, которая имеет свои каноны, но не закрывает исследователю мир, задавая изначальную исследовательскую матрицу, определяющую его или ее видение объекта.

Библиографические ссылки

1. Степанов Ю. С. Метод // Лингвистический энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Совет. энцикл., 1990. С. 298–299.
2. Мельничук Л. С. Методология // Лингвистический энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Совет. энцикл., 1990. С. 299–300.
3. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998.
4. Collins J. Glasgow University Media Group. The bad news books // Reading into cultural studies. Routledge, 1992. P. 327.
5. Arac J. Critical Genealogies. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1987. P. 287.
6. Английский язык. Социальное общение : учеб. пособие с электрон. приложением: в 2 ч. / Е. В. Макарова [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Макаровой, Е. В. Савич, И. Ф. Ухвановой. Минск : БГУ, 2012. Ч. 1. С. 110–113.
7. Попова А. В. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. 153 с.
8. Савич Е. В. Медийный дискурс лоббирования: опыт анализа. Минск : БГУ, 2012. 139 с.
9. Савич Е. В. Дискурс руководства общественных организаций // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : Изд. центр. БГУ, 2009. Вып. 6 : Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика. С. 138–178.
10. Луцинская О. В. Обучение иноязычному письменному дискурсу в контексте профессионального общения [Электронный ресурс]. Минск : БГУ, 2011. URL: <http://www.elib.bsu.by>.
11. Маркович А. А. Б. Ельцин: дискурс-портрет. Г. Зюганов: дискурс-портрет // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содер-

жательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : Технопринт, 2002. Вып. 3. С. 221–240, 263–285.

12. Курчак Л. В. Дискурс деловых переговоров: опыт анализа. Минск : БГУ, 2012. 127 с.

13. Ухванова И. Ф. Дискурс-типология политических лидеров. Дискурс-модель харизмы // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : Технопринт, 2002. Вып. 3. С. 36–56, 311–330.

14. Ухванова И. Ф. Экспертный дискурс // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : Изд. центр. БГУ, 2009. – Вып. 6 : Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика. С. 41–96.

15. Ухванова И. Ф. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия славянских сказок // *Stylistyka* eds. S. Gaida. № XXI. Styl naradowy – National Style. Opole, 2012. P. 45–60.

16. Ухванова И. Ф. От понимания текста к пониманию мира и как использовать новое знание в педагогическом процессе // *Jezyk a dukacja: Kształcenie jezykowe* / red. J. Nocon i B. Skowronka. Opole, 2012. P. 29–43.

17. Супрун А. Е. Стратификация сообщения в крупном кортеже общающихся // *Материалы VIII Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации* : тез. докл. М., 1985. С. 62.

18. *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Раздел 2

КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ НОВОЕ ЗВУЧАНИЕ В КОНТЕКСТЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА

2.1. ЛИНГВИСТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В АСПЕКТЕ ИНТЕГРИРОВАНИЯ

Каждое научное направление, каждая дисциплина одновременно и открыты и закрыты. Иначе говоря, интегративные процессы в образовании и исследовательской работе так же естественны, как и процессы дифференциации. И это неудивительно. Каждая наука имеет свой предмет и объект знания. *Предмет знания* обеспечивает ее самостность, идентифицирует среди других наук, в то время как *объект знания* неизбежно выводит на интегративные тенденции, ибо определяет поле, которое эта область знания обрабатывает.

Количество областей знания естественным образом ограничено. Соответственно, науки нередко вынуждены «топтаться на одном и том же поле», строя высокие метаязыковые заборы, чтобы защитить свою «чистоту». Такое может происходить не только с молодыми, но и зрелыми науками. И вопрос здесь не в том, насколько твердо стоит наука на ногах, а, видимо, в том, какова общая культура научного сообщества, насколько распространены ценности плюрализма, ибо именно они помогают осознать значимость множественности, вместе с которой приходит понимание, что потерять свое лицо можно и со свитой охраны и даже находясь на пьедестале, если эта множественность случайна и хаотична. Если же науки начинают толпиться, борясь за место под солнцем, и выстраиваются в «парад звезд» – кто важнее, кому принадлежит лидерство, то неизбежны научные потери.

Интегративность – естественный процесс «взрождения» наук. Наука развивается вширь (экстенсивно) и вглубь (интенсивно, сущностно) в поисках значения (исследование самозначимого единичного) и значимости, валентности (типологические исследования) как прикладная наука (ориентированная на субъект-объектные отношения, технологический аспект) и в качестве коммуникативной науки (ориентированной на субъект-субъектные отношения, стратификационный аспект).

В связи с этим уместно сопоставить русскоязычный термин «социально-гуманитарный блок знаний» и англоязычный *social science and humanities*. Первый термин только подчиняет гуманистику социально-политической науке, тогда как второй утверждает их равноправие. Нам кажется, что продуктивнее не подчинять одни науки другим, а соподчинять их. Только в этом случае возможно реализовать потенциал каждой отрасли знания и обеспечить их полноценное взаимодействие.

Мы предлагаем ряд тезисов, относящихся к современному полю гуманистики.

Тезис 1. Интегративные процессы в современной гуманистике основываются на том, что гуманитарное знание текст-центрично (дискурс-центрично), т. е. его источник и конечный результат – текст. Именно он является вербальным событием гуманитарной науки, т. е. дискурсом. Будучи источником, средством и результатом, текст неизбежно становится и предметом исследований, мы констатируем появление *дискурсных направлений в психологии, дискурсной философии, истории, лингвистики и т. д.* Такой подход способствует рождению нового знания, которое можно было бы назвать *дискурс-знанием* (т. е. знанием с учетом того, каким образом данное конкретное знание репрезентировано). *Что мы понимаем под дискурс-знанием?* Является оно теорией, методологией или, быть может, философией знания? Ответ будет верным, если мы союз «или» заменим союзом «и». Это и то, и другое, и третье. И не только. Дискурс-знание – это и коммуникация, и технология знания.

Тезис 2. Современное гуманитарное и социальное знание строится не на трех, как еще в недавнем прошлом, «китах»: методология (философия) – теория – практика, а на четырех или даже пяти основаниях. Гуманистику пронизывают различные методологии, философии, теории, технологии и коммуникации, образуя сложное единство. *Иначе говоря, любое знание не только множественно* (является одним из знаний), *но также технологично* (конструируется в результате целенаправленной деятельности) и *коммуникативно* (конституируется речевыми практиками).

Тезис 3. Технологии и коммуникации – такое же самостоятельное поле исследования, как методология и теория. Позволим себе здесь небольшое отступление и поговорим о лингвистике в аспекте ее интегрирования в область социального знания. Лингвистика раздвоена. Наука о языке как средстве общения (назовем ее условно лингвистика 1) давно находится в противоречии с наукой о языковом использовании (лингвистика 2, или речеведение, речевая коммуникация). Появление таких линг-

вистических дисциплин, как прагмалингвистика и этнолингвистика, психолингвистика и социоллингвистика, не спасает положения, потому что они сами как бы разрываются между различными ориентациями. Так возникли прагматика языка и прагматика речи, этнолингвистика языка и этнолингвистика речи и т. д., причем ведущая роль так и остается за лингвистикой 1.

Речевая коммуникация стала, по существу, самостоятельной дисциплиной, имеющей свои ответвления, как то речевая конфликтология. Уже существуют речеведческие кафедры в Санкт-Петербурге, Москве, Минске, по этому направлению защищены диссертации, как говорится, «процесс пошел».

Ее принципиальное отличие от лингвистики: внимание к функционированию языка на макроуровне, вовлекающем в свою орбиту *не только* макротексты самого различного формата (отчеты, газетные и журнальные издания, книги, теле- и радиoprogramмы), *а также* речи, пресс-конференции, избирательные кампании, фильмы, спектакли, интермедии, *но и* целое множество так называемых сопутствующих кодов *и в первую очередь* речеповеденческий и перформативный (общение с учетом невербального поведения – языка тела, одежды, символики). Осознание значимости коммуникативных и технологических практик привело к зарождению новых дисциплин в русле социологии (социальная коммуникация) и журналистики (технология коммуникации).

Что же мы наблюдаем? Новый источник зарождения нового знания и, соответственно, новых дисциплин. Отсюда – следующий тезис. *Тезис 4.* Сегодня **открытие нового знания в гуманитарной сфере происходит** не на встрече (или, как было принято говорить, на стыке) наук, а **на «встрече субъектов»**, их опыта, знаний, культур, текстов, историй, т. е. **мы отмечаем тенденцию объективизации субъект-субъектных отношений** во всех областях гуманитарного знания.

И наконец, *тезис 5.* Встреча субъектов – **основа интегративных подходов**. А изучение этого явления – общая задача лингвистов, специалистов в области теории коммуникации, социологов и политологов. Ее решение мы видим на двух направлениях: с учетом образовательных и исследовательских тенденций.

Первое направление – обучение. Обучение молодежи в области социальных и гуманитарных дисциплин, как свидетельствует международный опыт организации университетского образования, должно строиться на «переключке» профессий: обязательные курсы и спецкурсы, составляющие ядро профессиональной подготовки, включая специализацию и набор факультативов из смежных дисциплин, которые студенты выбирают

по своему «вкусу» с целью расширения профессиональных знаний за счет междисциплинарного материала.

Например, будущим специалистам в области социальных наук предлагаются лингвистические курсы, т. е. мы говорим об междисциплинарности в другом аспекте. ***Для нас междисциплинарность – это вовлечение разных дисциплин в отношения не примыкания, а согласования и управления.***

Второе направление – область исследования. Заслуживают всяческой поддержки создание междисциплинарных, международных лабораторий и проектов (внутриуниверситетских, межвузовских, между университетами разных стран), организация междисциплинарных конференций, круглых столов, совместных публикаций. В этом направлении мы и работаем.

2.2. КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Каузально-генетическая модель разрабатывалась нами с учетом аналитического опыта семантики (структурного, функционального, деятельностного) подходов к изучению языка) с тем, чтобы создать целостную систему интерпретации плана содержания сложного языкового знака (текста) как единой, дифференцированной структуры. Изначально под знаком мы понимали текст (пусть в его широком звучании, но все же текст). Уже потом мы стали его проецировать в позицию «дискурс».

Исходным пунктом теории стала посылка о необходимости включения языка в более широкий социальный контекст, который находит отражение в понятии кортежа. Вторым шагом явилось признание диалектического противостояния и единства динамики и статики языковой материи (реализации и системы), что и определило структуру объяснительного принципа теории (дихотомии, квадратуры, четырехугольника). Наконец, третье базисное положение о принципиальном различии сущности и явления позволило построить модели процессов порождения и понимания сложных языковых образований (текстов и комплексов текстов).

Важная особенность каузально-генетической теории заключается в том, что она моделирует содержательную сторону языковых знаков не только различных уровней (слово, предложение, текст) и не только отдельных, пусть даже очень крупных языковых образований (газетный номер, телевизионная передача), а целую серию таких сообщений, принадлежащих коллективному коммуниканту, как, например, газетное издание. Каким образом это возможно сделать?

Для этого в модель включены все необходимые условия функционирования языкового знака. В ней нашли отражение двусторонняя сущность знака, референционная привязка, системная организация ситуации использования и пользователи знака (Соссюр, Фреге, Пирс, Моррис, Клаус), а также фактор социальной среды (кортеж, дискурсная общность). Благодаря этому модель приобрела внутреннюю способность к саморегуляции, что позволило перейти к построению более адекватной и эвристически ценной концепции плана содержания.

Различение факторных (длительного действия) и фактурных (результатирующих) причин позволило обосновать постулат о диалектическом противостоянии и единстве динамических и статических характеристик знака.

Динамика понимается нами как вовлечение знака, с учетом всех его содержательных сторон, в процесс коммуникации (производства и воспроизводства языковых образований), в котором все элементы содержания приходят в движение и, благодаря симметричности модели, это движение неизбежно приводит к постоянным трансформациям и перегруппировке составляющих. Именно признание не только возможности, но и необходимости такой перегруппировки позволяет открывать новые аспекты содержания в знаках в процессе их функционирования. Таким образом, модель приобретает эвристическую ценность: зная взаимозависимость различных элементов содержания и их возможные сопряжения, мы в состоянии осуществить прогноз поведения языковых знаков в процессе реального функционирования более точно и в более широком диапазоне действия.

В качестве механизма преобразования и перегруппировки элементов содержательной структуры знаков выступает серия дихотомий, в которой все элементы содержания попарно объединены и противопоставлены, причем каждый раз в новом соотношении. Это такие quadriimные содержательные образования (системы), отражающие функциональное бытие языкового знака, как: «знание – отношение» (познавательная функция языка), «предметно-ориентированное – субъектно-ориентированное содержание» (коммуникативная функция), «смысл – сущность» (функция самоощущения).

Остановимся подробнее на ступенях (уровнях) каузально-генетического моделирования, чтобы выяснить композиционную структуру каждого из этих функциональных образований, ибо это помогает построению методических принципов исследования текстов в их континууме, следовательно, и текстов, которые можно отнести к составляющим как политического дискурса в целом, так и отдельных дискурсивных субъектов политики.

Структурный уровень моделирования: синтез традиций

Каузально-генетический подход к моделированию плана содержания текста исходит из той предпосылки, что объект исследования представляет собой динамическую систему, которая формируется под постоянным влиянием восьми взаимозависимых и взаимопроникающих изначальных причин (факторов – причин длительного действия и фактумов – причин результативного свойства). Каждая составляющая имеет индивидуальную область применения и, значит, обладает специфической ценностью. Однако у них, как и у их производных величин, есть точки соприкосновения, общие уровни функционирования. Это позволяет осуществить их классификацию и внутренние перегруппировки в зависимости от «удельного веса» того или иного компонента (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Каузально-генетическая модель плана содержания (семантический октаэдр). Структурный уровень (статика)

Итак, исходная классификация внешних причин предполагает их деление на две основные группы. Первая – это факторы, формирующие абстрактное и, следовательно, категориальное содержание текста, своеобразные идеальные конструкты человеческого сознания. Вторая группа – предметно-образное, феноменологическое содержание текста. Ключевыми понятиями в этом ряду являются «категория» и «феномен», так как именно они обозначают активные силы, которые как бы лепят, оформляют «скелет» и «плоть».

Среди факторов первой группы – **социальный, познавательный, речевой и языковой процессы** (см. рис. 2.1). Воздействуя на текст, они порождают такие содержательно-организационные формы, как **иерархия, структура, линия и система** (прагматическое, гносеологическое, синтагматическое и парадигматическое содержание).

Факторы второй группы – **речевое поведение, языковой опыт, практическая деятельность и функционирование языка**. Они порождают такие содержательные формы, как **кортеж, знаковый кортеж, референт и знаковый референт**, которые существуют не иначе как в определенных временных рамках и, значит, включают в себя преходящий, ситуативно-ограниченный тип содержания. Это стиль (поведенческий аспект содержания, отражение интересубъектного взаимодействия), тип (знак поведения), тема (отражение субъектно-предметного взаимодействия), знаковая тема (имя, номинативная характеристика темы).

Итак, план содержания текста может быть представлен одним из **двух глобальных типов**: содержание, сформированное на идее (категориальный тип), и содержание, сформированное на образе (феноменологический тип).

Поиск точек соприкосновения глобальных типов способствует переходу от статического к динамическому рассмотрению плана содержания текста, от структурного к системному анализу.

Впрочем, и на стадии структурного анализа объект не перестает проявлять себя подвижной, саморазвивающейся системой, уникальной и лишь условно предсказуемой. Этому способствует тот факт, что модель строится исключительно на противопоставлениях или оппозициях (иерархия – система, структура – линия, тема – стиль, тема – знак темы, стиль – тип). Последние могут быть представлены также как глубинные дихотомии семантического ядра текста. Их функционирование (особенности притяжения и отталкивания, отражения друг в друге и отрицания, их перехода в новое качество в процессе взаимодействия) приближает нас к познанию феномена «план содержания текста», а сам факт их вы-

явления в едином семантическом ядре открывает новые горизонты для исследователя.

В процессе моделирования плана содержания текста мы вышли на дихотомию «кортеж – знаковый кортеж» /стиль – тип/, до сих пор не являвшейся объектом изучения лингвистики. Это обстоятельство требует от нас терминологической ясности и определения причин «разведения» этих двух позиций семантического ядра плана содержания текста.

Можно назвать по крайней мере пять таких причин.

Первая (разделение понятия и явления по факту их существования) связана с потребностью совершенствования категориального аппарата. Понятие «кортеж» введено в лингвистический оборот А. Е. Супруном. Оно означало реальную группу коммуникантов, так или иначе вовлеченных в речевой акт. В контексте нашего подхода мы раздвигаем рамки определения и рассматриваем кортеж не только и не столько как группу коммуникантов, вовлеченных во фрейм речевого акта, но в большей степени как отражение ее (этого единства субъектов коммуникации) адресантом и/или адресатом. Это принципиально важно, ибо иначе мы не можем зафиксировать в языковом знаке кортежную информацию (непосредственное кодирование и декодирование), ее актуализацию. Кодами такой фиксации являются структурное, линейное, иерархическое и системное измерения знака.

В отличие от кортежа знаковый кортеж – это исторически зафиксированная в языковой системе и подчиненная определенным законам структурирования содержательная форма (для текста это жанрово-композиционный содержательный тип), функционирующая в речевой практике (т. е. линейно выраженная) и, следовательно, обладающая своей значимостью для коммуникантов (место в иерархии их социальной деятельности).

Между прочим, различие двух понятий обнаруживается в том, что выбор кортежа и выбор знака кортежа не идентичны. Во-первых, выбор для коммуникантов знакового кортежа может быть *о т н о с и т е л ь н ы м*, т. е. как бы пробным, предварительным, тогда как реальный кортеж в случае конфликта с информацией знакового кортежа неизбежно подчинит ее себе и будет доминировать. Если знак кортежа слишком «директивен», то в этом случае информация реального кортежа практически уходит из значения (значимое отсутствие). Но возможно и *г а р м о н и ч н о е* общение, предполагающее баланс между информацией кортежа и знакового кортежа.

Тенденция к гармонизации общения в процессе длительного контакта людей, т. е. поиск оптимального соотношения знаково-кортежной и кор-

тежной информации, вполне закономерен. Отсутствие «баланса» означает либо намеренное стремление к чисто формальному общению (крен в сторону знакового кортежа, характерная черта тоталитарного поведения), либо тенденцию к многообразию форм общения внутри одного и того же кортежа (модель демократического поведения). Как видим, различие между кортежем и знаковым кортежем совпадает с противопоставлением индивидуального и социального, единичного и общего, без чего невозможно самосознание.

Вторая причина связана с тем, что за каждым из этих понятий стоит свой смысл, своя реальность. Если кортеж теряет свои реальные очертания и формализуется, то роль знака гипертрофируется, он заслоняет и подчиняет себе реальность. Но знак привычен и удобен, с ним мы чувствуем себя комфортно. Выход за его пределы – всегда преодоление: это разрушение стереотипов, традиций, языковых наслоений, отказ от своего историко-культурного наследия. Однако это может быть и новой ступенью знаний, новой традицией, новым языковым фактом, но, конечно, в том случае, если такой выход принимается и поддерживается группой, преломляется в ее поведении, становится ее жизненным опытом. Такие изменения закономерны и происходят под влиянием и давлением реальных кортежных ситуаций.

Третья причина – различие кортежа и знакового кортежа по их сущности. Сущностный вектор означает перенос акцента на познание явлений, их отражение и знаковое воплощение, принятие реального кортежа только тогда, когда он воплощен в знаке. В этом случае поиск реального кортежа – всегда поиск его знака. Если не подходит по своим сущностным проявлениям один знак, в процессе коммуникации происходит смена его на другой, вплоть до отказа от общения, если нет подходящего знака.

Здесь можно провести аналогию с примерами отражения реальности исключительно с позиций знания, что достаточно глубоко изучено с позиций теории лингвистической относительности. Мы полагаем, что также заслуживает внимания изучение знаковой ограниченности поведения.

Четвертая причина – несовпадение кортежа и знакового кортежа по признаку деятельности. Речь идет о различных видах языковой практики – реальной и знаковой, типовой. Реальный кортеж предполагает, в известном смысле, и н т и м н о с т ь и, значит, возможность как понимания собеседниками друг друга с полуслова, так и «нестыковки». Здесь всегда идет поиск нужного слова, стремление выразить достаточно полно свою

роль. В противоположность ему знаковый кортеж – это расписанные роли, и поэтому в его рамках деятельность легко превращается в игру, маску, позу. Психологически в маске человек свободен, в ней для него почти нет затруднительных положений. Вот почему общение, и речевое в том числе, легче проходит, когда преобладает знаковый, а не реальный кортеж.

Реальный кортеж – это всегда оригинальная деятельность, в то время как знаковый кортеж характеризуется типологической заданностью. У знака всегда есть рамки, границы функционирования, тогда как освоенная нами реальность широка и подвижна.

Реальный кортеж – это всякий раз новая ситуация, в то время как знаковый кортеж – типичная ситуация, которой можно обучиться и воспроизводить автоматически. Деятельностный подход приводит нас к пониманию того, что тексты кодируют не только деятельность, но и отношения субъектов коммуникации к ней (активность, пассивность и пр.).

Наконец, **пятая** причина в том, что кортеж тяготеет к самовыражению, а знаковый кортеж – к самоосуществлению. Кортеж не что иное, как проявление внутренней свободы, поиск собственного с т и л я, тогда как знаковый кортеж – это типажность, стилизация. В дополнение к изречению Ж. Бюффона «Стиль – это человек» можно сказать: «Тип – это общность». Соответственно, мы должны признать, что, кодируя текст, мы кодируем свой менталитет, свою систему ценностей, свою открытость или закрытость, способность или неспособность к творчеству.

Системный уровень моделирования

Следующая ступень каузально-генетического исследования плана содержания текста открывает перед нами динамические аспекты. На этом этапе учитываются все типы контактов содержательных элементов текста – непосредственные и опосредованные, симметричные («равноправные») и асимметричные (с преобладанием односторонних акцентов). Каждый элемент сущностной организации плана содержания связан и проявляет себя в каждом из элементов феноменологической организации, и наоборот. Это обнаруживается при исследовании причинно-следственных отношений между внешним и внутренним «кольцами» модели, так же как и непосредственно внутри каждого «кольца».

Мы соединяем линиями все позиции внешних факторов контрарных групп. В результате на модели прорисовываются разнообразные внутренние треугольники (рис. 2.2). Каждый обладает своим значением и значимостью. То же самое можно сказать о точках пересечения линий для определения места каждого из содержательных компонентов.

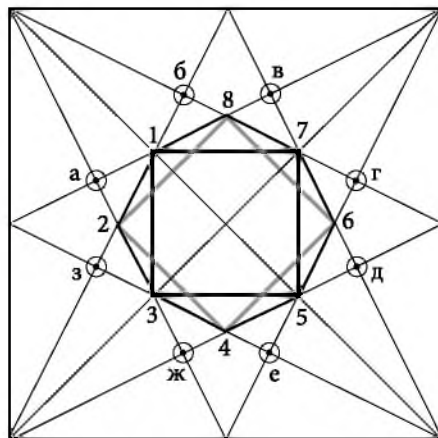

Рис. 2.2. Кausalно-генетическая модель плана содержания.
Системный уровень (динамика)

Совершенно ясно, что каждая из этих языковых осей, благодаря постоянному взаимодействию содержательных элементов, функционирует в диапазоне всей модели. Но в любом случае весьма важно обнаружить суммарную позицию. Следует помнить, что не существует в чистом, «дистиллированном» виде прагматики, синтагматики, парадигматики, гносеологии, они всегда сопряжены с теми или иными реалиями. Так, очевидно существование прагматики предмета («а») и прагматики поведения («б»). Мы различаем как речеповеденческое, так и знаково-тематическое начала в синтагматической организации текстов («в» и «г») и т. д.

Таким образом, мы видим, что элементы, формирующие динамическое содержание текста, могут быть исследованы не только с точки зрения их категориального наполнения, но и с точки зрения результативных содержательных форм.

Позиции «а, б, в, г, д, е, ж, з» могут быть охарактеризованы как:

(а) социально утвержденный (оцененный) и, следовательно, общепринятый нормативный референт (предметно-ориентированный элемент модели);

(б) индивидуально избранный (оцененный) и, следовательно, вариантный кортеж (субъектно-ориентированный);

(в) предметно обусловленное, инвариантное синтагматическое развертывание текста (внутрикортежные отношения через призму предмета текста, предметно-ориентированный элемент модели);

(г) знаковый референт в речевых отношениях и, следовательно, индивидуальный, узусный (субъектно-ориентированный);

(д) знаковый референт в языковых отношениях и, соответственно, парадигматически обозначенный, а значит, социальный, нормативный (предметно-ориентированный);

(е) вариантный, знаково-кортежный языковый тип (субъектно-ориентированный);

(ж) инвариантное структурное решение содержания; познавательный тип (предметно-ориентированный);

(з) познавательно-определенный и, следовательно, индивидуальный, узусный референт (субъектно-ориентированный).

Категориальное содержание: 1 – прагматическое; 3 – гносеологическое;

5 – парадигматическое; 7 – синтагматическое;

Феноменологическое содержание: 2 – референтное; 4 – знаково-кортежное;

6 – знаково-референтное; 8 – кортежное.

Универсальное содержание: б – кортежная значимость; в – кортежное значение;

г – синтагматическая номинация; д – парадигматическая номинация;

е – системно-типовая организация; ж – структурно-типовая организация;

з – референтное значение; а – референтная значимость.

Для удобства оперирования этими позициями модели, представляющими смешанный тип содержания (ибо это содержание порождено взаимодействием факторных и фактурных величин), можно использовать и иные названия, которые помогают раскрыть эти понятия:

а – ранжированный референт (значимость темы); б – ранжированный кортеж (значимость кортежа); в – кортеж в развитии (значение кортежа); г – синтагматическая номинация; д – парадигматическая номинация; е – кортеж, определенный системной организацией текста (жанрово-стилистическими средствами); ж – кортеж, заданный структурной организацией текста (его композиционным решением); з – тема-референтное решение текста.

Мы несколько подробнее остановились на универсальных элементах содержания, поскольку именно они являются теми кирпичиками, из которых строятся функционально-содержательные системы: «знание – отношение» (в – г – з – ж, а – б – д – е), «смысл – сущность» (а – г – д – з, б – в – е – ж), «предметно-субъективное содержание» (а – в – д – ж, б – г – е – з).

Надо иметь в виду, однако, что распределение функциональных содержательных квадриумов не является абсолютным, как нет ничего абсолютного в плане содержания текста. Здесь можно провести содержательную аналогию с теорией Эйнштейна, где все зависит от позиции наблюдателя, от системы отсчета, ибо как раз с подобной ситуацией сталкивается семантика.

Существует возможность содержательной взаимозаменяемости таких систем, как «смысл» и «сущность», «знание» и «отношение». Ибо, как только мы, будучи участниками коммуникации, приходим к осознанию того, что внутрикортежные отношения обладают самоценностью, кортежный вектор тотчас возьмет на себя роль смыслового содержания текста. А собственно референтную информацию обратит в сущностное содержание (т. е. глубина его выявления уже не является никоим образом смысловой, а будет отражать лишь глубину межкортежных отношений, диапазон их «поглощаемости»). Письма влюбленных могут послужить примером текста, где каждый коммуникант кодирует (или декодирует) свое отношение к партнеру, о каком бы предмете он ни писал, и где смысл кортежной информации находится в обратном отношении к референтной информации. Так, содержательно интересные (т. е. референтно-полные) письма неизбежно будут казаться бессмысленными, если не будет дана параллельно достаточно полная информация кортежного плана, и наоборот.

Сходная ситуация обнаруживается и при рассмотрении пары «знание – отношение». Как только систематизация и иерархия становятся самоценными позициями, эти отношения образуют функциональную содержательную систему, определяющую знание текста. Структура и последовательность изложений (линия) здесь уже не знание, а отношение. Это наблюдается при включении текстов Библии в богословские трактаты, проповеди.

Таким образом, мы совершенно не стремимся приклеить номинативные этикетки к функционирующим внутренним содержательным системам текста, а обращаем внимание на постоянную трансформацию отношений «значение – значимость», на возможность множественного прочтения одних и тех же содержательных образований. И все же мы придерживаемся определенных обозначений ровно настолько, насколько они дают направление исследования, а значит – возможность систематизации результатов исследования.

2.3. КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В ПРИЛОЖЕНИИ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Использование каузально-генетической исследовательской модели для изучения политического дискурса позволяет учесть все многообразие проявлений данного типа текстов.

До настоящего времени изучение политического дискурса проводилось главным образом под углом зрения формирования знаний и отношений, с позиции манипулирования общественным поведением и в парадигме их истинности-ложности.

Мы полагаем, что это далеко не полный подход и требует своего пересмотра. Во-первых, критерии истинности-ложности для политического дискурса имеют свои особенности. Для политика значительно ближе «истинность» и «воля», чем «истинность» и «реальность». Во-вторых, в политических текстах достаточно вольно ведет себя содержательная пара «знание – отношение». Отношение (социальная репрезентация) из факультативной характеристики переходит в константную характеристику политического текста, подменяя собой знание, в то время как предметно-деятельностное содержание нередко становится фоновым и проявляет себя как показатель взаимоотношений субъектов коммуникации, а не как самостоятельное содержание. В такого типа текстах воздействующая (манипулятивная) характеристика играет решающую роль. Манипулировать – плохо, но не манипулировать – значит «обезглавить» политический текст.

Мы видим возможность расширения данной исследовательской парадигмы по следующим направлениям:

○ изучение того, что политический текст репрезентирует, какую версию социальной реальности (картину мира) отражает и конструирует – реальную, системно-знаковую, поведенческую или текстовую (интертекстуальную);

○ изучение политической дискурсии как деятельности (созидательной или манипулятивной, открытой или закрытой, идентифицирующей либо социализирующей и пр.);

○ изучение политического дискурса в его функциональной данности (как процесс трансформаций знаний и отношений, субъектно-предметных и субъект-субъектных отношений, смысловых и сущностных параметров содержания).

В период идеологической конфронтации пропагандистские тексты изучались в рамках дихотомии «знание – отношение». Подмена знания

отношением рассматривалась как манипуляция, подлежащая разоблачению. При этом «отношения» с лингвистической точки зрения выводились за рамки содержательного ядра в область коннотативного поля.

В настоящее время интерес представляет изучение политического дискурса с акцентом на дихотомию: «смысловое – сущностное содержание». Идеологический «заряд» присутствует в любом политическом тексте, и вопрос не в том, чтобы отделить знания от отношений, а в том, чтобы выяснить, какой смысл несет содержание, какую реальность отражает и констатирует дискурс. Важно также определить его сущностные параметры: это дискурс элит, власти или массовых политических партий, гендерно-маркированный дискурс или дискурс толпы. И уже затем мы ищем ответ на вопрос, какова сила воздействия этого дискурса.

Анализ смысловой информации политического дискурса

В политическом тексте содержится как экстралингвистическая информация (картина мира), так и знаковая информация (картина мира, представленная через знак, номинацию). Отношение «реальность – знак реальности» есть смысловое отношение, а информация, рожденная этим отношением, есть смысловая информация.

Наш анализ смысловой информации политического дискурса есть анализ главным образом когнитивно-номинативный (хотя здесь не исключены и другие методики): что называется и как именно называется текстом. Но поскольку мы имеем дело с текстами, то и «что» и «как» двуплановы: «что» – это и оцененное/ранжированное «что», и осмысленное (структурированное, композиционно оформленное) «что», а «как» – это и линейно, и системно представленное «как», т. е. необходим учет и синтагматической, и парадигматической номинативной характеристики текста.

Каждая политическая группа видит, понимает и конструирует мир по-своему. Для одних он – черно-белый: есть «плохие» и «хорошие», «свои» и «чужие». Для других он включает многие цвета и допускает многовариантные решения. Одно и то же общественное событие для разных групп не только обретает свои оттенки содержания, но по сути есть разные события, ибо иначе, «по-своему» отражено, классифицировано и ранжировано.

Вопрос, конечно, не в том, как конкретно назвали какое-то событие одни или другие, а в том, в какую парадигму целостной картины мира это событие попадает, какие текстовые парадигмы выстраиваются и ка-

кую картину мира они конструируют. Отсюда понятно, что контроль над текстами есть контроль над каким-то «единственно верным» видением мира. Когда это видение принимается большинством, оно обретает безграничную власть, а номинация иной направленности рассматривается как подрывная акция, покушение на господствующие ценности. «Маргиналами» не манипулируют, а исключают из социума. Такова модель поведения в тоталитарном обществе. В условиях демократии социальные группы, элиты и контрэлиты находятся в отношениях партнерства, между ними идет борьба не за выживание, а за реализацию своих идей и интересов. Более или менее равный доступ к средствам массовой информации и текстопроизводству позволяет относительно мирно уживаться различным политическим дискурсам.

Следовательно, анализ смысловой информации дискурса есть воспроизведение картин мира разных социальных групп, основанных на текстах. Это исследование и описание ряда типовых текстов – элитарного, массового, профессионального, узкополитического, рекламного, определение значимости как тем, так и их системной лексической представленности.

Изучая смысловую информацию политической дискурсии в целом (дискурса власти и контрдискурсии), мы сопоставляем две контрастные картины. Это ставит исследователя перед необходимостью ответить на следующие вопросы:

○ какие события общественно значимы, как они ранжируются в разных дискурсах (изучение тематики дискурса различных политических направлений, их ключевых тем, значимости этих тем, их иерархической организации)?

○ как осмысливаются эти события в дискурсах власти и контрдискурсии (как структурируются ключевые темы, через какие темы подаются)?

○ как общественно значимые события называются в текстах (парадигматическая номинация), в какие лексико-семантические поля (благодаря своему названию) они попадают, как влияет это попадание на содержание полей (возможны ли: «заражение» этих полей, нейтрализация оценок либо устранение оценочных сем, семантические трансформации и пр.)?

○ какова специфика синтагматической номинации в текстах и их номинативная последовательность, как выстраивается синонимический ряд ключевых тем, наконец, содержатся ли в них тематические субституты и семантические пустоты (псевдотематические слова, фразы для навешивания ярлыков или для украшения, а также иные «тексты в тексте»).

Анализ сущностной информации политического дискурса

Политический дискурс обладает не только смыслом (соотнесен с реальностью), но и сущностной «привязкой» (соотнесен субъектно с определенной группой или группами людей). В этой плоскости возникают иные вопросы: кто и как вовлечен в этот дискурс? Какой характер носит общение? «Кто» и «как» обладают также конституирующей содержательной характеристикой. Различные субъекты общения по-разному отражаются в дискурсе: коммуникативные формы порождают свое содержание. Это хорошо известно специалистам по рекламе. Характер взаимодействия субъектов общения воплощается в непосредственном речевом поведении и проявляет себя в актуальном содержании текста. В свою очередь коммуникативные формы заключают в себе и определенную потенциальную (знаково-поведенческую, историческую, этимологическую) информацию.

«Субъектное взаимодействие – знак взаимодействия» (т. е. кортеж – знаковый кортеж) есть сущностное отношение, а информация, которую порождает это отношение, есть сущностная информация.

Анализ сущностной информации политического дискурса есть анализ коммуникативно-номинативный: кто общается и как общается. Но поскольку мы имеем дело с текстами, то и «кто», и «как» двойственны: «кто» – это оцененное «кто» и линейно развивающееся «кто» («кто» в становлении); а «как» – это осмысленное (композиционно представленное) «как» и «как» в качестве элемента системы (синтагматическая и парадигматическая номинация).

Политический дискурс представлен в лицах. Лицо сливается с текстом, но одновременно само является текстом. Это «наслоение» или смешение содержаний порождает новое содержание. В итоге мы приходим к тому, что один и тот же текст, произносимый разными лицами, «распадается» на разные тексты: они иначе декодируются аудиторией, иначе структурируются, классифицируются, ранжируются. Они дают нам иную картину социального взаимодействия.

Изучая сущностную информацию, мы изучаем специфику общения субъектов коммуникации, восстанавливаем ту картину социального взаимодействия, которую выражает этот дискурс. Таким образом, перед исследователем встает задача:

○ установить (идентифицировать) реальных субъектов коммуникации (риторов и их аудиторию), вычленив и ранжировать специфические характеристики общения (с учетом классификационных признаков: уро-

вень политической дискурсии, национальные, групповые, гендерные особенности и т. д.);

○ выявить, с помощью каких коммуникативных форм (жанров, стилистических маркеров) формируется и поддерживается данное субъектное взаимодействие (с учетом политического характера дискурса);

○ определить текстовые поля (по аналогии с лексико-семантическими полями) дискурса власти и контрдискурсии (иллюстративный материал текстов, ссылки на другие тексты, аллюзии, иными словами, очертить интертекстуальную реальность того или иного политического дискурса);

○ осуществить классификацию текстов с учетом их композиционных решений (т. е. дать им содержательно-типологическую характеристику).

В заключение следует отметить, что смысло-сущностные исследования политического дискурса могут дать значимый материал как о современной дискурсии в целом, так и о политическом дискурсе в частности, выявить те признаки, которые характерны для политической дискурсии на данном этапе развития социума, а также (в ходе компаративного анализа) определить исторические и национально-специфические черты политической дискурсии, преемственность/ непреемственность тех или иных стилей, типов, форм общения, композиционных решений.

2.4. КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В ЕЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ С ПОЗИЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ТЕОРИИ

Интересно наблюдать, как меняются за последние лет пятьдесят названия университетских лингвистических кафедр в славянских странах. Так, кафедра языкознания становится кафедрой теории языка (с возможным расширением – социолингвистика, психолингвистика, др.). Также кафедра грамматики стремится к уточняющему названию – кафедра функциональной либо теоретической грамматики. Кафедра стилистики и литературного редактирования постепенно меняет свой облик, видя себя уже в качестве кафедры речевой коммуникации. Кафедра прикладной лингвистики также может уточнять свой фокус внимания, становясь кафедрой компьютерной лингвистики или, скажем, межкультурной коммуникации и т. д. Данный процесс естественен и идет он от того, как развивается наука о языке, речи, а теперь и дискурсе. Современная лингвистическая наука, можно сказать, только за одно поколение радикально изменилась, и эти изменения обусловлены ее развитием по всем параметрам – вглубь и

вширь, на макро- и микроуровнях функционирования, в контексте качественных и количественных методологических программ. Впрочем, то же самое наблюдается во всех гуманитарных и социальных науках и даже науках точных, физических, природоведческих: уточнения «микро» и «макро» получают биология, физика, химия, экономика, социология, психология и др. Каждая научная дисциплина находит все новые резервы для саморазвития, не исключая, а, наоборот, приветствуя интердисциплинарные. Так, новые научные дисциплины рождаются на стыке уже не только «родственных», но и, казалось бы, совершенно далеких друг от друга научных программ. При таком многообразии разветвлений вполне очерченно предстают две тенденции:

1) восхождение к *высокой теории* или науке (рождение новых пересекающихся в науке в целом *практик познания*);

2) максимальная актуализация *практической составляющей* научного знания, т. е. *деятельности*, реализующей теоретические наработки.

И здесь как-то неуместно искать слову «восхождение» антоним («нисхождение») в приложении к практической составляющей – значимость рождающихся видов деятельности кардинально меняет не только нашу жизнь, но в том числе и лицо современной науки в целом и науки о языке в частности.

Мы полагаем, что полезно посмотреть в этом контексте на *лингвистический дискурс* как на дисциплину, в которой поразительно органично сочетаются оба направления, характеризующиеся, во-первых, движением к высокой абстракции (гранд-нарративам), которое формирует теоретико-методологический потенциал лингвистической науки в целом, и, во-вторых, привязкой к материи, т. е. реальной практике языкового бытия с его выходом в пространство живой коммуникации, взаимодействия.

Лингвистика дискурса – преемница дискурс-анализа в том его состоянии, когда он, продолжая поиски все более тонкой дифференциации и фокусировки своего внимания в работе со своим непосредственным объектом изучения – текстами в их общественном «проживании» – перестает декларировать преднамеренный отказ от «гранд-нарративов» (больших теорий), а начинает вполне осознанно их собирать и развивать. И этот «сбор» теорий начинается со сбора их в дихотомические пары: теории *субъектного* и *бессубъектного* дискурса и, далее, его *контентного* и *контекстного* проживания. Интрига единения в коммуникативном пространственно-временном (или только осознаваемом как пространственно-временное) поле субъекта одновременно *включенного* и *отстраненного* рождается в споре вокруг того, убил ли постмодернизм субъекта или воз-

родил его [1, с. 25]. Мы полагаем, что он вернул ему полноценную жизнь с ее противоречивостью, а значит, поиском себя и своего мира (а точнее, своих миров), но также и поиском Другого и его миров, которые могут развиваться параллельно или в пересечении, сталкиваться или «жить» в диалоге [2, 3], – от этого зависит весь ход нашей истории.

Осознание двойственности субъекта повлекло за собой наряду с давно «работающей» в контексте теории познания дихотомией «референт – знаковый референт» (дихотомия «референт/корреференты – его/их парадигматическая и синтагматическая вербализация») введение дихотомии «субъект – знаковый субъект» (дихотомия «общающиеся субъекты – их вербализация в жанрах и форматах»). Новая методологическая категория (*знаковый субъект*) приходит в науку вместе с каузально-генетической перспективой [1, с. 28–29]. А последняя уточняет специфику привязки (материализации) субъект-субъектного, или *интерактивного* (содержательно-контекстного), потенциала дискурса [4, 5], одновременно уточняя место по отношению к ней потенциала субъект-предметного, или *информативного*, плана взаимодействия [6].

Принимая в качестве определения дискурса идею Т. А. ван Дейка о взаимопроникновении текста и контекста (а значит, контента и контекста), в основе которой лежит идея интертекстуальности, введенная ученицей Жака Дерриды Юлией Кристевой, мы полагаем, что построение отдельно теории контента и теории контекста – это этап в определенном смысле статического (описательного) осмысления дискурса как явления и идеи. Тем не менее этот этап помог достроить и осмыслить четкую смену парадигм развития лингвистической науки в цепочке язык – речь – дискурс и, в частности, увидеть уровневый характер дискурс-лингвистики, а значит, уточняет специфику реализации всех уровней коммуникативного процесса [7].

Конечно, можно посетовать на то, что смена парадигм и фокуса внимания лингвистов происходит слишком быстро. Но надо признать, что эта смена, безусловно, носит эволюционный характер и подготовлена всем ходом развития мировой теории языка с учетом включения в диапазон ее осмысления результатов развития гуманитарного и социального знания в целом. Эта смена как раз и настраивает нас на отдельное обсуждение теоретических и практических основ дискурс-лингвистики, ибо явление дискурса предстает перед нами как неслучайное, а значит, обладающее параметрами фундаментального свойства. *В этом контексте мы и предлагаем порассуждать над теоретическими основаниями явления дискурс-*

са (уже прошло время споров и дискуссий о том, что есть дискурс и зачем он нам нужен).

Итак, дискурс-лингвистика видится на данном этапе развития теоретической мысли в динамике контент-контекстных преобразований дискурса (равно как и динамике взаимодействия субъектного и бессубъектного дискурсов или того, что можно было бы условно назвать «бессубъектным», ибо бессубъектность в контексте дискурса являет собой абстракцию, необходимую для углубленного, аналитического взгляда на явление (но не более того), ибо уже по своей сути оно *синтетично*. Впрочем, это отдельный разговор).

Добавим только, что о таком повороте развития каузально-генетической теории мы изначально не думали, проводя в 1980–1990 гг. теоретическое моделирование *содержательного* потенциала и его реализации на примере все более сложных языковых знаков – слова, предложения/высказывания, текста/дискурсии и, наконец, макротекста/дискурса (на примере отдельного газетного выпуска и издания в целом) [8]. В результате (как мы видим это только сейчас), строя теорию содержания (в контексте порождения дискурсов), мы получили теорию кластерного порядка – теорию контент-контекстного взаимодействия. С этой точки зрения мы и предлагаем посмотреть по-новому на модели уже неоднократно озвучиваемые ранее, но прочитываемые сегодня под иным углом зрения. Для экономики времени позволим себе подать ключевые моменты моделирования тезисно, снабдив тезисы комментариями, иллюстрациями и ссылками.

Тезис 1. *Содержание* (контент), рождающееся в реальных дискурсиях (дискурсных практиках) в процессе их конструирования или реконструкции, характеризующей тип дискурса, а также дискурс в целом гораздо *шире и семантической, и синтагматической составляющих*. Соответственно и *контекстная составляющая* гораздо *шире параметра ситуации* общения [9]. Выяснить *причины (каузы)* порождения того или иного типа, вида, аспекта содержания означает выяснить наличие каждого из них (право на существование); актуализация содержания имеет причинно-следственные основания. То же касается и контекста (его вариативности и актуализации). Контент и контекст как бы «зеркалят» друг друга, взаимно проявляясь друг в друге.

Контент – это фокус внимания, а контекст – его фрейм, рамка (порой не воспринимаемая, но определяющая и формирующая контент). Картинки-перевертыши являются хорошей иллюстрацией того, как мы актуализируем контенты и как контексты их формируют (рис. 2.3 и 2.4).

Рис. 2.3. Что изображено на рисунке?

Рис. 2.4. Кто изображен на рисунке?

Когда адресат видит только что-то одно (т. е. когда содержание как бы упорствует в том, чтобы быть единственно возможным и, соответственно, переключение на другое видение не получается), необходимо найти точку отсчета или механизм переключения (в контексте лингвистики дискурса эту точку переключения мы называем дискурс-категорией). Такая проблема видения лишь одного содержания была и у меня: на рис. 2.4 у меня актуализировалось лишь изображение молодой девушки, чуть отвернувшейся от зрителя. Только фиксация на категории *ухо* и перевод ее в категорию *глаз* помогает увидеть оба изображения, а значит, актуализировать многозначность рисунка. Точно также «работают» два других фокуса внимания – *референция* и *интеракция*. Каждый из них может быть и контентом, и контекстом в зависимости от фокусировки слушателя или читателя. Это как реальность и зазеркалье: содержание и контекст меняются местами в зависимости от того, где коммуникант находится (т. е. актуализируется значимость времени и места). Соответственно, управление фокусом внимания помогает реализовать эффективную коммуникацию: переключение удастся тем, кто понимает механизм переключения.

Тезис 2. *Причины (каузы)* могут быть как *факторными* (постоянно действующая причина), так и *фактумными* (результативная причина). Отсюда и контент, и контекст содержания могут выступать в качестве (1) *феноменологического*, актуализирующего привязку к денотату (объекту/событию) или знаку денотата (словоформе, другой форме вербализации) или (2) *абстрактного/идеального*, актуализирующего привязку к сигнификату (теме/топику) или знаку сигнификата (форме вербализации, задающей направление развития тематического наполнения) [10].

В качестве *факторных* выступают так называемые **практики**: *социальная* (выстраивающая контенты и контексты иерархического порядка – значимости), *когнитивная, или познавательная* (выстраивающая ментальные структуры), *текстовая* (выстраивающая структуры речи или синтагматические/линейные структуры) и *языковая* (строющая парадигмальные контенты и контексты). Факторные причины порождают **дискурс-картину** (генезис) *идеального* плана, наполняя ее такими параметрами содержания, как прагматический (его формирует социальная практика), когнитивный (познавательная практика), синтагматический (текстовая) и парадигматический (практика по систематизации языка, например, лексического состава и др.).

В качестве *фактурных* выступают **виды деятельности**: *речевое поведение* (эксплицитная составляющая контентов и контекстов), *языковой опыт* (имплицитная составляющая), а также *практическая деятельность* (экстралингвистическая составляющая контентов и контекстов) и *языковое функционирование* (их лингвистическая составляющая). Фактурные причины порождают **дискурс-картину** (генезис) *феноменологического* плана. Вбирает ли она в себя собственно контентное или то, что видится изначально как контекстное начало, зависит от того, как распределяются значимости в процессе коммуникации. Составляют эту картину такие параметры, как *кортежный* (социально-ролевая реализация коммуникации: каждый общающийся актуализирует роль другого, становясь его кортежем), *знаково-кортежный*, или *функционально-типовой* (форматно-жанровая реализация коммуникации), *референтный* (предметно-событийная реализация коммуникации) и *знаково-референтный* (номинативная, или вербально-событийная, реализация коммуникации)¹.

В соответствии с идеей первого тезиса обе дискурс-картины могут выступать как целостности, а значит, нести в себе функции контента и контекста (быть фреймами друг друга). Каждая из картин репрезентирована в формате **4Д** (рис. 2.5).

Как видим, одна из дискурс-картин отражает и одновременно конструирует **дискурс-пространство**. Другая – **дискурс-время**. Соответственно, и пространство, и время могут быть контекстом друг друга.

¹ Отметим, что существует тенденция обозначать последнюю в качестве собственно дискурсивной, где дискурсивность прочитывается в качестве признаковой, но совершенно понятно, что она не отражает весь генезис порождения дискурсов.

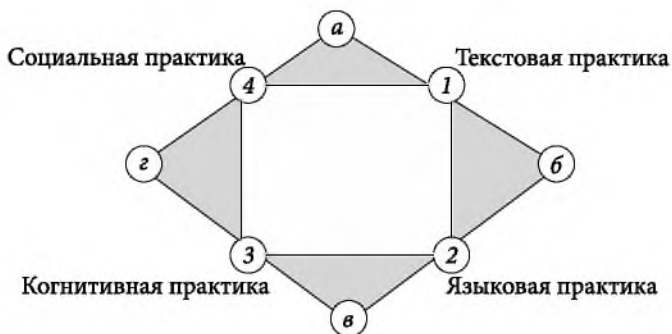

Рис. 2.5. Дискурс-картина контента (репрезентированная четырьмя дискурс-практиками – 1, 2, 3, 4) на фоне дискурс-картины контекста (а, б, в, г), т. е. практики на фоне деятельности

Кстати сказать, здесь и имеет место демаркационная линия между речедеятельностной (виды речевой деятельности) и дискурсной (виды дискурсных практик) составляющими коммуникации в целом. Соответственно, данную кластерную теорию контент-контекстного взаимодействия можно со всей очевидностью перевести в кластерную теорию с иным фокусом внимания – теорию взаимодействия дискурсных практик и видов речевой деятельности (рис. 2.6).

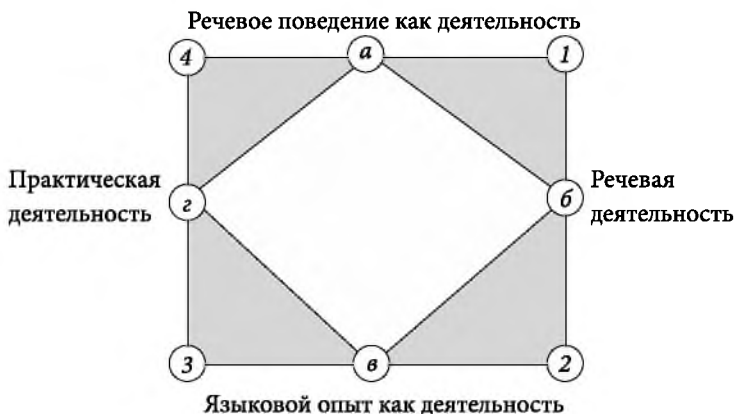

Рис. 2.6. Дискурс-картина контента (репрезентированная четырьмя видами деятельности – а, б, в, г) на фоне дискурс-картины контекста (1, 2, 3, 4), т. е. деятельность на уровне практик

Тезис 3. Причины фактурного и факторного планов (реализуемые в деятельности и практиках) могут рассматриваться в аспекте их *синтезирования*. В результате порождаются функциональные примитивы – «кирпичики», участвующие в строительстве контента и контекста. Мы их называем *факторно-фактурными контентными и контекстными примитивами*. Каузально-генетическая теория воспроизводит восемь вариантов, или моделей, синтеза, естественно образуемых разным сочетанием примитивов (фракталов). Причем все они реализуют себя в таких параметрах, как структура, система, иерархия и линия (или последовательность/секвенция).

На рис. 2.7 каждый функциональный примитив обозначен и буквой, и цифрой (например, в3 или а4), что подчеркивает факт их зависимости и от фактурной, и от факторной величин. Иначе говоря, функциональные примитивы – это уже факт синтеза (у них есть и «папа», и «мама»). Здесь цифрами обозначены дискурсные практики (1 – текстовая, 2 – языковая, 3 – когнитивная, 4 – социальная), а буквами – деятельностное начало дискурсов (а – речевое поведение как деятельность; б – вербализация или языковая/речевая деятельность; в – языковой опыт как деятельность; г – практическая деятельность).

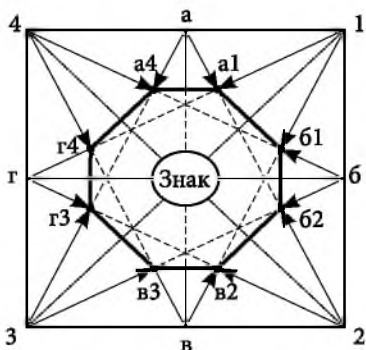

Рис. 2.7. Функциональные факторно-фактурные примитивы (дискурс в формате 8Д)

С учетом взаимозависимости факторно-фактурных составляющих имя каждому функциональному примитиву может дать как фактурное, так и факторное начало. Например, в качестве функциональных примитивов выступают «оцененный референт» (г4) и «структурированный референт» (г3), или вербализация парадигматического плана (б2), или синтагматического (б1). Также и языковой опыт может быть представлен в

контексте парадигматической организации языка (в2) или ментальных структур (в3), а речевое поведение в аспекте аксиологическом (а4) или процессуальном (а1) [6, 10, 26].

Знание специфики реализации необходимо для эффективного **конструирования** (порождение/кодирование) дискурсов, а также для **реконструкции** (понимание/декодирование) этих примитивов в процессе анализа дискурса.

Если держать все эти 8Д в памяти активной матрицы, то все может быть контентом для конструирующего дискурса (тексты, события, взаимодействия), а для широкой аудитории больше шансов найти себя и свои миры в текстах, вписаться в реальные дискурсии, в социальный стандарт.

Тезис 4. Восемь функционально связанных примитивов контента и контекста дублируют друг друга в разных пространствах. Но функционирование этих *фракталов* соподчинено кластерной логике. Все они *самоорганизуются* (структурно, системно, иерархически и линейно) в такие кластеры (*дискурс-картины*), как знание и отношение (рис. 2.8, а), информация и интеракция (рис. 2.8, б), социальное (сущностное) и индивидуальное (смысловое) (рис. 2.8, в).

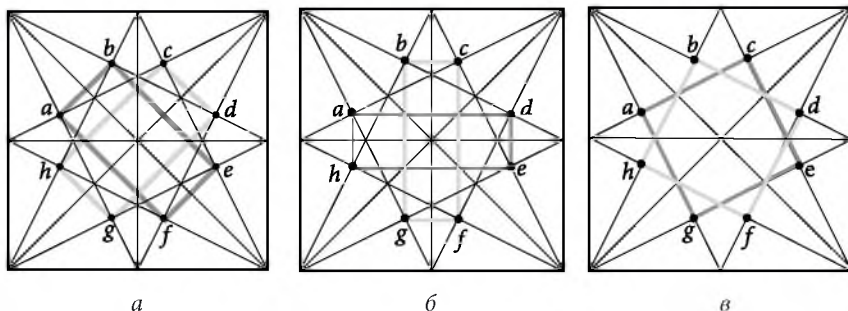

Рис. 2.8. Функциональные примитивы, репрезентирующие и конструирующие три пары дискурс-картин в их дихотомической зависимости: а – $hcdg - abef$; б – $adeh - bcfg$; в – $aceg - hddf$

Дихотомическая зависимость в контексте каузально-генетической перспективы проявляется в том, что когда один элемент дихотомии (например, дискурс-картина *знание*) актуализирует себя как контент, то другой (дискурс-картина *отношение*) становится контекстом, и наоборот. А эффективная коммуникация предполагает в свою очередь, что коммуниканты управляют фокусом внимания в линии (процессе) общения. Иначе говоря, эффективный коммуникант – это, согласно на-

учному слэнгу, *фокусник*, т. е. коммуникант, умеющий переключать *фокус внимания*.

Тезис 5. Каузально-генетическое моделирование, таким образом, представляет собой (и это очевидно) не одну модель, а целый набор *саморазвивающихся моделей*. Понимание процесса развития и есть теория познания. Иначе говоря, задача каузально-генетической перспективы и заключается в моделировании процесса познания. С учетом фокусировки дискурс-процесса на содержательный компонент языкового знака данная поликластерная теория может, по нашему мнению, рассматриваться в качестве ключевой теории лингвистики дискурса.

Можно было бы добавить также, что каузально-генетическое моделирование основано на всех ключевых идеях, определивших историческое развитие теории познания от Аристотеля до наших дней. Сюда красной нитью вплетена *идея универсализма*, положившая начало научному, академическому знанию (сама идея *университета* построена на идее *универсализма*). Здесь актуализированы идеи семиотики и семиологии (в лингвистике дискурса, и это мы видим во французском *Словаре дискурс-анализа* 2002 г., где понятие семантики заменено понятием семиотики). Здесь также актуализированы модели Фреге, Морриса, Пирса, Соссюра, Клауса, Супруна, Локка, Бэкона, интерпретативные модели Дерриды. Мы и сегодня находим в истории науки идеи, созвучные нашему дню и нашему миропониманию.

Краткий комментарий к вышесказанному. На основании каузально-генетического моделирования контент-контекстной и практико-деятельностной реальностей дискурса были порождены и прошли апробацию целый ряд методик и техник дискурс-анализа, как, например, методики дискурс-портретирования, реконструкции дискурс-картин, а также такая техника анализа, как когнитивное картирование [11]. Проходят апробацию такие техники, как парадигматическое, аксиологическое и синтагматическое картирование. В ходе нашего *круглого стола* мы еще не раз будем возвращаться к данному подходу с тем, чтобы охватить возможности дискурс-лингвистики, развивающейся в том числе и с опорой на данный методологический аппарат.

Каузально-генетическая модель была апробирована в процессе построения теоретических моделей конкретных типов дискурсов, таких как дискурс элитарных средств информации [12], медийный дискурс лоббирования [3], дискурс интеграции [4, 5], дискурс конфликта [6, 17], дискурс мигрантов [18, 19]. Все они исследовались с актуализацией на

дискурс-картины «информация – интеракция». Полагаем, что актуальным сегодня является поворот к изучению дискурс-картин «знание – отношение» (этот фокус внимания ярко акцентирован в новой книге Т. А. ван Дейка «Дискурс-знание», презентованной весной 2013 г.). Актуализация дискурс-картин «смысл – сущность» видится особенно необходимой в изучении дискурс-категории *самоидентификация* в контексте реконструкции специфики самоидентификации индивидуума, группы, народа, расы.

2.5. ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В СЛАВЯНСКОМ НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Сегодня в период глобализации, а значит более тесного взаимодействия народов и континентов, мир, как никогда, нуждается **в понимании**, а каждый конкретный человек – в нахождении своего места в усложненном социальном пространстве и **в самоидентификации** с учетом динамики развития общества. Соответственно, наука, как никогда, сосредоточена на осознании проблем *оптимальной*, а значит **эффективной, коммуникации** на всех уровнях взаимодействия субъектов – межличностном, в организации, на массовом уровне. Это касается и лингвистической науки, уверенно выходящей в пространство текстов и дискурсов, макротекстов и дискурсов. *Лингвистика*, переходя в пространство **дискурсов и дискурсов**, расширяет объект своего исследования от языковых и речевых до целостно-коммуникативных процессов и продуктов, активно изучая также и общающихся субъектов в их функционально-динамических единствах (**дискурсных сообществах**), «связанных» информативно и интерактивно, и непосредственно определяющих направленность и специфику социальных процессов. Таким образом, лингвистическая наука становится более открытой, а общество все более нуждающимся в ней. Лингвисты сегодня вхожи в интердисциплинарные международные проекты, предлагают новые подходы для решения проблем современности.

Лингвистическая наука *славянских* стран демонстрирует тенденции развития мировой лингвистической науки, предлагая и свое видение специфики развития. Сегодня мы говорим о том, что *лингвистика дискурса* у нас есть, пусть не *де-юре*, но *де-факто* и она весьма активно развивается. Пути ее развития – (1) использование того знания и опыта ведения исследований, которыми обладает лингвистика дискурса в тех странах мира, где она уже сформировалась не только *де-факто*, но и *де-юре*, т. е. лексикографически репрезентировала себя; (2) использование

знания и опыта исследований тех лингвистических дисциплин, из которых она вышла или вместе с которыми развивается (таких как прагмалингвистика, психолингвистика, функциональные стилистика, семантика и синтаксис, а также лингвосемиотика и теория значения/содержания); (3) особое внимание к методологиям и методикам (количественного и качественного направлений), разрабатываемым сегодня в пространстве гуманитарного, социального и точного знания (в том числе в славянских странах); (4) признание научных школ, активно работающих и пропагандирующих свои наработки непосредственно в поле лингвистики дискурса; (5) участие в международных периодических изданиях и сериях научных изданий, пропагандирующих актуальную и продуктивную проблематику лингвистики дискурса и результаты, достигнутые в ней.

Определив специфику отражения обсуждаемого нами направления (лингвистики дискурса) в интернет-пространстве, мы увидели две тенденции: ее самоопределение в контексте развития лингвистики и ее интердисциплинарное начало. И первое, и второе – естественные процессы рождения и становления научной дисциплины. Данная дисциплина, как и многие новые дисциплины, зарождалась в контексте *интердисциплинарного* подхода, чтобы в рамках дальнейшего развития конкретных дисциплин использовать опыт других для развития своего направления. Интердисциплинарность выступает как временный, но необходимый этап развития новых наук. Любопытно, что лингвистика языка, шагнув в лингвистику речи (и тем самым развив психо-, социо-, этно- и другие лингвистики, а также функциональную семантику, грамматику и др.) и далее достаточно быстро в лингвистику дискурса, дала толчок более четкой самоидентификации каждой лингвистики в контексте другой. Лингвистическая наука увидела данное направление как максимально значимое, как свое, исконное. Для нее дискурс-анализ – это не только метод, а дискурс – это не только объект исследования. Способ организации дискурсов и механизм их функционирования – вот что становится со временем предметом ее изучения в отличие от других гуманитарных и социальных наук, использующих дискурс-анализ исключительно как метод, помогающий интерпретировать и тем самым познавать другие объекты социальной реальности. В этом контексте не удивляет тот факт, что в преподавании социальных наук дискурс-анализ остается на уровне бакалаврской ступени, в то время как уровень магистратуры и аспирантуры в контексте дискурсологии (Discourse Studies) представлен в основном выпускниками-лингвистами. Им, безусловно, есть что сказать о данном явлении с учетом глубины и широты, а также количественных и качественных про-

явлений, индивидуальных и социальных репрезентаций, референтного и интерактивного характера функционирования знаниевой (когнитивной) и прагматической составляющих. Интердисциплинарность здесь связала воедино гуманитарное и социальное знание.

Выбор названия дисциплины в каждой отдельной стране – лингвистика дискурса, дискурсология, функциональная стилистика, прагмалингвистика, этнолингвистика или все же прикладная лингвистика – зависит от того, кто именно, какое профессиональное сообщество проявляет заинтересованность в развитии дисциплины: лингвисты или представители социальных наук. Два экспертных интернет-словаря, репрезентирующие дискурсную парадигму, ярко демонстрируют эту тенденцию. Так, если словарь «Дискурсология» [21] оказался в большей степени полем осмысления данного явления социальными науками и философией, то лингвистический словарь Фонда знаний «Ломоносов» [22] – полем лингвистики.

Количество университетов мира, включивших данную дисциплину в список дисциплин, изучаемых будущими филологами, в том числе специалистами по коммуникации, лингвистами, литераторами, постоянно растет. Понятно, что и представители социальных наук (психология, история, социология, этнография) проявляют заинтересованность во внедрении подобного университетского курса в список обязательных или факультативных предметов для подготовки своих кадров. Но если лингвисты предпочитают называть лингвистикой дискурса, теорией дискурса и (в каких-то случаях) прикладной лингвистикой, коммуникативистикой или лингвистическим обеспечением коммуникативного процесса, то социальные и общегуманитарные науки чаще выбирают термины «дискурсология», «теория коммуникации», «социальная коммуникация».

Во многих странах мира эта дисциплина уже относительно давно (в последней четверти прошлого века) перешагнула уровень бакалавриата, став специализацией для лингвистов на уровне магистратуры и аспирантуры, а значит, и номенклатурной единицей исследовательского процесса (университеты Великобритании – Глазго, Ланкастерский и др.).

Хотелось бы добавить еще несколько слов о белорусском контексте, но уже безотносительно интернет-поиска. Так, мы полагаем, что в контексте Беларуси можно говорить о существовании скорее не дисциплины, а направления, которое сфокусировано главным образом на изучении различных аспектов коммуникации, в том числе кросс-культурной, различных типов дискурсов, а также релевантного методического аппарата. При этом и о направлении мы говорим в контексте его существования *де-факто* (проблематика значительного числа студенческих и аспирант-

ских научных работ, количество опубликованных монографий, серийных сборников, организация созвучных направлению научных конференций, крутых столов, названия спецкурсов в различных университетах Беларуси – все это непосредственно подтверждает факт наличия данного направления), но не *де-юре* (направление еще пока не имеет своего официального названия, которое было бы зарегистрировано в анналах научных или академических специальностей или специализаций, хотя и определенно вышло за пределы классической лингвистики или ее таких уже относительно молодых направлений, как лингвистика текста, психо-, прагма-, социо-, этнолингвистика и ряд других).

Именно факт признания направления *де-юре* в ближайшее время видится актуальным для тех стран, где процесс защиты диссертаций сфокусирован в первую очередь на дисциплине, по которой защищается диссертант, а не на собственно исследовательской платформе с учетом его значимости как для самой лингвистики (в частности, таких ее направлений, как «теория языка» и «прикладная лингвистика»), так и для общества в целом. Лингвистика дискурса как часть науки о языке и его функционировании в обществе (объединяющая в себе сегодня филологическое и социальное знания) становится все более актуальной в современном обществе. Она *помогает* социальным наукам увидеть глубину коммуникативной специфики происходящих социальных процессов, *предлагает* описание, а вместе с ним и моделирование специфики функционирования знаний и отношений в обществе, *объясняет* диапазон актуализации смысловых и сущностных параметров содержания прецедентных для общества текстов.

Посмотрим на специфику содержания данного направления лингвистики. Так, в центре лингвистики дискурса (мы используем именно этот термин вслед за авторами первого специализированного словаря дискурс-анализа, изданного во Франции в 2002 г. [23]) находятся понятия «дискурс» и «дискурс-анализ», теории контента и (социального) контекста, теории, устанавливающие таксономию лингвистики дискурса (теории, развивающие категориальный аппарат направления), теории методологического (матричного) плана (определяющие характер взаимоотношений, как, например, между методиками качественного и количественного планов), теории практического плана (например, теории определенных типов дискурсов). Все это говорит об огромном теоретическом потенциале направления. Впрочем, оно имеет и свое прикладное назначение. Так, его наработки могут быть широко использованы в дидактике (порождая новые методики преподавания, в том числе иностранных языков), логи-

стике (участвуя в построении комплексных систем), эвристике (предлагая новый взгляд на возможности взаимодействия роботов с внешней средой и между собой, а значит, и возможности развития искусственного интеллекта). Прикладной характер направления реализуется, в частности, в разработке алгоритмов решения практических задач информативного и интерактивного планов.

К вышесказанному можно добавить, что *теоретическое* направление дисциплины развивает науку дискурс-анализа как на микро-, так и макроуровнях. Первый (микроуровень) проявляет себя фокусом внимания на отдельные смыслы, значения, отношения, порождаемые в коммуникативном процессе, на этапы и специфику перехода от одних смыслов к другим, на особенности организации дискурсий в аспекте их функциональной целостности. Второй (макроуровень) фокусирует внимание на так называемых больших теориях, но также и теориях частного порядка, как, например, теории конкретных типов дискурса. Оба уровня могут быть включены в контексты количественных и качественных исследовательских традиций. Оба уровня представлены в контекстах разных научных школ с учетом разнообразных подходов к видению возможностей развития дискурс-анализа и вариантов его применения. *Практическое* направление дисциплины очевидно, но при этом оно далеко не исчерпало всех своих возможностей. Главное при этом то, что дискурс-знание во многом продвинуло понимание обществом своего коммуникативного потенциала на всех уровнях взаимодействия – межличностном, институциональном, массовом.

Появление сегодня дискуссии о необходимости введения названия направления, будь то «лингвистика дискурса» или «дискурсология», не случайно. Причиной этого является изначальный отказ основателей дискурс-анализа от теорий любого уровня, без которых институционализация направления просто невысказима. Сегодня речь идет об институционализации теоретически состоявшегося направления. Конечно, мы могли бы здесь развить идею о его внутренних источниках, а именно: функциональных семантике, грамматике, синтаксисе, а также прагма-, психо-, социо-, этно-, тексто- и других лингвистиках. Но мы этого не делаем намеренно, во-первых, из-за экономии места, но главное – по другой причине. Лингвистика дискурса – преемница всего, что накопили все ее направления за последние столетия. Она несет в себе интегрированные знания как аспектного, так и функционального планов.

Рассмотрев специфику развития лингвистики дискурса в славистическом мире и репрезентировав в нашем выпуске результаты осмысления

специфики этой новой дисциплины в славистическом лингвистическом сообществе как с позиции ее теоретической, категориальной, методической и типологической, так и практической реализации, можно подвести не только к репрезентации направления в качестве исследовательского и дидактического «топика», но и определить фокус его внимания. В качестве таковых хотелось бы предложить два. Впрочем, фокусировка – это позиция открытая. Полагаю, что в контексте открытости нашего *круглого стола* можно говорить о разных фокусах внимания. В связи с этим, как мы полагаем, и зарождается тематика наших новых дискуссий – *последующих круглых столов*.

Итак, два фокуса внимания, обнаруженные модераторами наших заседаний, это – прецедентность и дискурс-группа. Прецедентность – категория, определяемая временем и пространством. Соответственно, эта категория изменчивая и динамичная по сути. Если еще относительно недавно прецедентными текстами становились тексты авторские, т. е. предполагавшие, что автор есть персоналия особая, значимая, высокая, личность, определяющая тенденции развития общества, то постепенно центром становится аудитория и то, как она читает тексты. А далее и этот центр меняется – уже и читатель не важен, а важны Тексты, становящиеся Событием. Это хорошо подметила Т. В. Кожарина [24] в своем диссертационном исследовании, отмечая, что топонимы, актуализируя в себе культурно-историческое содержание, кардинально меняют свое содержание, перенося реальность, стоящую за топонимом (название улицы, города, реки, местности и т. д.) на периферию содержания и объединяя тех субъектов, для которых эта культурно-историческая информация воспринимается как актуальная (актуализированная). Так, если бы мы задали вопрос, что может являться актуальным для такого поворота содержания: мифы, литературные источники, Библия или реальные события, повлиявшие на историю и культуру народа, то вряд ли бы кто-то поставил событие на доминирующее место. А подсчет такой актуализации в СМИ общественно-политической направленности выстроил следующую иерархию: 70 % – событийность, 15 % – Библия, 10 % – литературные источники, 5 % – мифы. О чем это говорит? О том, что лингвистика дискурса, изучая тексты в социальном контексте и актуализируя (делая прецедентной) событийность как таковую (в контексте порождения и восприятия, информации и интеракции, знания и отношения, смысла и сущности), охватила, по сути, современный момент жизни общества. А значит, за ней – будущее.

2.6. ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА В ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ СЛОВАРЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Национальные лексикографические издания всегда несут в себе факт институционализации явлений реальности, которые они фиксируют. Это относится и к *Словарию анализа дискурса* – **Dictionnaire d'analyse du discours**, вышедшему в издательстве Seuil в 2002 г. под редакцией двух знаменитых французских лингвистов Патрика Шародо и Доминика Менгено [25]. Общий объем издания – 669 страниц, 379 словарных статей, 1305 библиографических источников. Авторы-составители – известные лингвисты, специалисты по лингвистике дискурса Жан-Мишель Адам, Симон Бонафу, Соня Бранко-Розофф, Жозиан Бутэ, Катрин Кербат-Ореккиони, Софи Муаран, Кристиан Плантен. Соня Бранко-Розофф неоднократно приезжала в Беларусь, выступала с лекциями по дискурс-анализу перед студентами Института журналистики БГУ, публиковалась в Балтийском региональном филологическом издании *Respectus Philologicus*. *Словарь* собрал воедино всю палитру знаний, накопившихся во Франции за последние десятилетия по анализу дискурса и лингвистике дискурса, акцентировав внимание научной общественности на факте признания этого нового академического направления *лингвистика дискурса* в качестве состоявшегося и активно развивающегося. *Словарь* дал нормативное употребление терминологии, проведя демаркационную линию между лингвистикой дискурса и лингвистиками языка и речи.

В предисловии к словарю дано обращение главных редакторов к читателям, в котором они формулируют цели и задачи издания. Среди них две позиции представлены в качестве доминантных. Это, *во-первых*, необходимость сообщить широкой лингвистической общественности о возникновении новой дисциплины и, *во-вторых*, стремление участников проекта направить поиск тех, кто выбрал данное поле для своих исследований, в нужное и актуальное русло. Уже при первом знакомстве с содержанием словаря обращает на себя внимание стремление авторов-составителей включить в него все многообразие подходов разных школ анализа дискурса, сформировавшихся на родине дискурс-анализа. Поэтому многие термины поданы в разной интерпретации со ссылками на первоисточники трактовок, что дает возможность увидеть, насколько выбор и содержание терминологии варьируются от одной научной школы к другой.

Интердисциплинарность – это еще одна характерная черта данного словаря: авторы-составители демонстрируют последовательность в том, чтобы учесть особенности употребления ключевых понятий дискурс-ана-

лиза в разных контекстах – не только собственно лингвистическом, но и в таких направлениях, как социология, психология, философия, с учетом многообразия и этих научных школ. Здесь же Патрик Шародо и Доминик Менгено фиксируют некоторую парадоксальность дискурса-подхода в контексте такой его характерной черты, как интердисциплинарность. В частности, эта парадоксальность проявляется в том, что, с одной стороны, дискурс включает в себя социологические, психологические и антропологические аспекты реализации, но с другой – он является ядром, своеобразным центром этих же наук. Именно это противоречие и приводит к сложным отношениям, установившимся между дискурсом направления в целом и дискурсами отдельных наук, органично вплетенных в его ткань. Наличие или отсутствие междисциплинарных границ – причина постоянно возобновляющихся дискуссий о месте каждой.

В этом контексте показателен фокус внимания авторов предисловия на том, что человек (и это понимали еще в древности) находится не за пределами, а внутри языковой системы: «Мы все как бы “вписаны” в языковую систему и в ее дискурс-реализацию. Но, впрочем, – добавляют авторы предисловия, – значимость этого факта нам предстоит еще осмыслить и доказать» [25, с. 6–12].

В предисловии к словарю объясняется также специфика организации данного справочного издания. Так, структура словаря призвана обеспечить удобство пользования им: (а) статьи расположены в алфавитном порядке, что обеспечивает быстрый поиск нужного термина; (б) в конце каждой статьи даны ссылки на терминологию, непосредственно соотносимую с определяемым термином, что позволяет увидеть специфику парадигматической организации терминологии; (в) предлагаемая в конце словаря библиография весьма подробно и содержит практически все случаи упоминания авторов тех или иных подходов и их работ. Иначе говоря, словарь интертекстуален, обеспечивая системные связи разного уровня между включенными в него терминами и их производными.

Помимо этого, словарь организован тематически. Так, вся лексика разбита на **три тематических блока**:

- (1) общая терминология – 83 термина;
- (2) единицы анализа – 88 терминов;
- (3) подходы (методы, приемы) – 189 терминов.

Как видим, количественно доминирует третий блок, фокусирующий внимание на новых способах, методах, приемах анализа, с которыми пришла к нам лингвистика дискурса. Впрочем, понятно, что терминология, представленная как система, не предполагает, что каждая из единиц этой системы обладает лишь одной функцией. Соответственно, вполне есте-

ственен тот факт, что любой из терминов может находиться одновременно в разных тематических блоках. Тотальное пересечение терминологии – это еще одна характерная черта словаря. Значимость третьего блока еще и в том, что он максимально структурирован. Так, если *первый* тематический блок монолитен, то *второй* организован уже по трем группам (*слово, текст, интердискурсивность*), а третий – по пяти (*нарративный и прагматический анализ, аргументативный и риторический анализ, коммуникативный анализ, конверсационный анализ, квантитативный анализ*).

Терминология этих трех блоков представлена в табл. 2.1 и в приложении на двух языках – французском и русском в конце этого раздела.

Таблица 2.1

Терминология лингвистики дискурса «двойного звучания»

1	Термины, отражающие компонентный состав дискурса	Актант (actant) , актер (acteur), оценка (appréciation), канал передачи (canal de transmission), коммуникативное сообщество (communauté de communication), надъязыковое сообщество (communauté translangagière), знание (connaissance), кореференция (coréférence), дефиниция (définition), деноминация (dénomination), эмоция (émotion), идентичность (identité), индивидуализация (individuation), инференция (inférence), информация (information), читатель (lecteur), легитимация (légitimation), лексема (lexème), слово (mot), регистр (registre), роль (rôle), клише (cliché), стереотип (stéréotype), лексика (lexique)
2	Термины, характеризующие дискурс	Неоднозначность (ambiguïté), цепочка референтов (chaîne de référence), пафос (pathos), убеждение (persuasion), уместность (pertinence)
3	Термины, называющие приемы и методики анализа	<u>Приемы</u> : автономия (autonymie), кадрирование (cadrage), каптаж (captation), коммуникация (communication), коммуникативный договор (contrat de communication), генерализация (généralisation), полифония (polyphonie), пунктуация (ponctuation), переформулировка (reformulation), профессия (spécialité), популяризация (vulgarisation). <u>Методики</u> : корпус (corpus), языковое формирование (formation langagière), паратекст (paratexte), языковая практика (pratique langagière), социальная репрезентация (représentation sociale), стратегия дискурса (stratégie du discours)

Нам показалось важным дать эту терминологию, чтобы наглядно продемонстрировать терминологическую репрезентативность лингвистики дискурса. Полагаем, что факт ее подачи в алфавитном порядке в каждом из блоков и групп удобен для начального знакомства с направлением, ибо позволяет осознать объем и специфику, а их группировка – центры внимания данного научного направления.

Но продолжим наше знакомство со словарем. На что еще авторы проекта обращают внимание читателей? Дискурс-пространство многозначно и многопрофильно, и в этом сложность его познания. И тем не менее наша задача – понять и принять это. Терминология любого направления семантически определена, но если семантика фокусирует наше внимание на отдельных лексических единицах, то *при актуализации характеристик сложного объекта (каким является дискурс) объем семантического наполнения понятия неизбежно меняется*. Как именно и что играет решающую роль в трансформации объема содержания лингвистической терминологии?

Давайте посмотрим на словарь с позиции не столько пользователя, сколько исследователя. Так, мы провели свое *пилотажное исследование словаря*, в котором нашей *целевой установкой* стало исследование специфики репрезентации в словарных статьях двух терминов («актант» и «дискурс») в их взаимодействии; *объектом* – сам словарь, а *предметом* – выбранные словарные статьи. Причем нас интересовали как сами статьи в их целостности, так и отсылки словарных статей, помогающие реконструировать связи как внутри терминологической системы лингвистики дискурса, так и (в какой-то степени) внутри дискурсного сообщества. В результате этого исследования мы пришли к следующим выводам.

○ **Первый вывод** сосредоточен на идее *терминологического единства словаря*. Это не просто специализированный словарь, дающий терминологию определенной области знаний по алфавиту. Это словарь-система, словарь-гипертекст. Так, мы обнаружили, что терминологические подгруппы, обозначенные словарем, имеют непосредственные пересечения. В частности, мы увидели, что часть терминов встречается одновременно в двух (из трех: общая терминология, единицы анализа, подходы) тематических блоках. Это – авторитет (*autorité*), арго (*argot*), аргументативная переформулировка (*réformulation argumentative*), аргументативный коннектор (*connecteur argumentatif*), гипербола (*hyperbole*), гипертекстуальность (*hypertextualité*), деноминация (*dénomination*), дефиниция (*définition*), диалогизм (*dialogisme*), дискурсивная матрица (*matrice discursive*),

косвенная речь (*discours rapporté*), дефиниционная парадигма (*paradigme définitionnel*), жанр дискурса (*genre du discours*), жестикуляция (*gestualité*), инференция (*inférence*), законы дискурса (*lois du discours*), имплицитный (*implicite*), ирония (*ironie*), кавычки (*guillemets*), кадрирование (*cadrage*), коннектор (*connecteur*), контекст (*contexte*), контраргументация (*contre-argumentation*), лексикометрия (*lexicométrie*), метафора (*métaphore*), метонимия (*métonymie*), недоразумение (*malentendu*), объяснение (*explication*), объект дискурса (*objet de discours*), паратекст (*paratexte*), письменный/устный (*écrit/oral*), повторяющийся сегмент (*segment répété*), пастише/подражание (*pastiche*), полифония (*polyphonie*), пунктуация (*punctuation*), референция (*référéncie*), переформулировка (*reformulation*), речевой акт (*acte de langage*), ситуация коммуникации (*situation de communication*), скрипт (*script*), слушатель (*locuteur*), совместная встречаемость (*cooccurrence*), согласование (*concordance*), социальная этимология (*étymologie sociale*), специфичность (*spécificités*), стратегия дискурса (*stratégie de discours*), схематизация (*schématisation*), субъект дискурса (*sujet du discours*), текст (*texte*), уместность (*pertinence*), воздействие (*persuasion*), формулировка (*formule*), функции языка (*fonctions du langage*), эмоция (*émotion*). Группа слов, которые обнаружены во всех трех тематических блоках, несколько меньше по объему. Это, в частности, такие слова, как адресат (*destinataire*), дискурсивная память (*mémoire discursive*), каптаж (*captation*), литота (*litote*), речевой макроакт (*macro-acte de langage*), эвфемизм (*euphémisme*), этос (*éthos*). Иными словами, мы можем сказать, что словарь демонстрирует факт системности терминологии лингвистики дискурса, а значит, и *факт состоятельности лингвистики дискурса* как лингвистической дисциплины.

○ **Второй вывод** констатирует факт сопричастности всей терминологии направлению лингвистики дискурса. Возможно, отдельно следует назвать группу терминов, в которой обнаружено двойное «звучание» (и это 47 терминологических единиц). Эти термины, как двуликие Янусы, одно лицо повернуто в сторону лингвистики в целом, а другое – в дискурс-лингвистику. Мы условно разделили их на три подгруппы (см. табл. 2.1).

Поясним, что здесь **компонент** рассматривается как составная часть какой-либо системы, **характеристика** – как совокупность свойств, **прием** – как комплекс действий по выполнению какой-либо операции, а **методика** – как готовый алгоритм для проведения каких-либо нацеленных действий.

○ **Третий вывод** может быть сконцентрирован вокруг интерпретативного анализа словарных статей «актант» (*actant*) и «дискурс» (*discours*).

Термин «актант» включен главными редакторами словаря в одну тематическую группу (общая терминология), а термин «дискурс» так или иначе (как самостоятельно, так и в различных словосочетаниях) проходит по всем тематическим группам.

Остановимся на этом выводе подробнее и посмотрим на специфику интерпретации этих терминов в соответствующих словарных статьях.

Термин «актант» (actant) [25, с. 15–16] – первая терминологическая единица словаря; представлен как одновременно используемый тремя исследовательскими полями – *лингвистикой, нарративной семиотикой и лингвистикой дискурса*, обозначая участников коммуникации (или их объективированные факты, например действия), которые выполняют либо активную, либо пассивную роль (функцию). **В лингвистике** термин рассматривается в контексте предложения и определяется Люсьеном Теньером как «люди либо объекты, участвующие в процессе общения (1965)». Согласно Теньеру различаются «три типа актантов: агент (ответственный за выполнение действия), объект (то, на что направлено действие) и тот, в чью пользу либо ущерб выполняется действие». Например, в предложении «Жак дарит цветы Катрин» «Жак» – агент (первый актант), «цветы» – объект (второй актант), «Катрин» – актант, на который направлено действие (третий актант). Так как во французском языке порядок слов является фиксированным, то выбор актанта играет важную роль, ибо связан с грамматической категорией падежа. Первый актант соответствует именительному падежу, второй – родительному, а третий – дательному. **В нарративной семиотике** термин рассматривается в рамках структуры нарратива и обозначает героев, участвующих в повествовании. Они могут быть рассмотрены и на поверхностном, и на глубинном уровнях. Так, *поверхностный* уровень отражает нарративную организацию высказывания. Здесь каждый актант повествования наделен ролью (агент, объект, бенефициант), которую он выполняет в процессе развития истории («актант» в этом случае противопоставляется «персонажу», ибо один и тот же персонаж может выполнять роли различных актантов и, наоборот, два персонажа могут выполнять одну и ту же роль). (Эта идея подается в словарной статье со ссылкой на Проппа – Пропп, 1970.) *Глубинный* уровень затрагивает организацию воспроизведения рассказа, его реконструкцию. Так, здесь наблюдаемыми становятся оппозиции субъект/объект высказывания либо адресант/адресат высказывания (Creimaset Courtès, 1979). **В лингвистике дискурса** этот термин используется шире. Так, с одной стороны, он приемлет подход нарративной семиотики (когда речь идет об анализе повествовательной

специфики содержания), но также используется и для того, чтобы обозначить компоненты речевого акта (т. е. выходя за рамки предложения в рамки высказывания и далее).

Термин «**дискурс**» (**discours**) [25, с. 185–190] дан в словарной статье на пяти страницах. Первое, что отмечает словарь, это его давнюю историю существования. В классической философии термин трактуется в контексте дискурсивного знания, обладающего причинно-следственной характеристикой, что противостоит идее интуитивного знания. В контексте *лингвистики* первый, кто обратил внимание на термин «дискурс» и занялся его изучением, был Г. Гийом. В словарной статье отмечается, что стремительное распространение этого понятия связано с упадком структурализма и подъемом прагматических течений. Значимость термина **в лингвистике** определяется его вхождением в четыре классические оппозиции:

1) **дискурс против фразы** (предложения). Дискурс не есть фраза. Он выступает как целостность, состоящая из некоторой протяженности фраз (предложений). Именно это определение имеют в виду, когда говорят об «анализе дискурса», а точнее, «грамматике дискурса». Сегодня же, как отмечается в словаре, предпочитают это явление называть текстуральной или текстологической лингвистикой, где дискурс трактуется как нечто большее, как *сверхфразовое единство*;

2) **дискурс против языка**. Дискурс не есть язык, причем как бы ни трактовали понятие «язык». Так, (1) если под языком понимается система потенциальных значений, то в отличие от него дискурс происходит в реальности, в определенном контексте, который «проверяет» эти значения и из них создает новые. Дискурс социально значим (и язык социально значим, но по-другому). Например, Гарднер утверждает, что «дискурс – это использование людьми звучных, отчетливых знаков с целью сообщения другим своих желаний или высказывания мнений по разным поводам»; (2) если же понятие «язык» определяют как «систему, разделяемую членами лингвистической общности», то он противостоит дискурсу в ином плане. Дискурс в этом контексте есть сфера использования этой системы. Тогда речь может идти о разном: (а) о локализации языка в каком-то дискурсном поле, или (б) о типе дискурса, но также и (в) специфике лексики, которая употребляется ситуативно, или (г) реализуемых функциях языка в их соотношении;

3) **дискурс против текста**. Дискурс не есть просто текст, а только текст, включенный в контекст;

4) **дискурс против высказывания.** Дискурс не есть высказывание. Различие этих понятий позволяет понять специфику каждого и тем самым проследить оппозицию двух способов понимания сверхфразовых единиц. Сверхфразовое единство может выступать и как лингвистическая единица (например, высказывание), и как *след* речевого акта, детерминированный исторически и социально.

Так что же такое **дискурс в проекции на лингвистику дискурса**? Словарная статья в этом пункте весьма лаконична и четко структурирована. Так, объяснение подается в семи позициях, которые предваряются уточнением поля лингвистики дискурса. Отмечается, что уже в 80-е гг. XX ст. наблюдается распространение и внедрение термина «дискурс» в *лингвистические науки*, и в связи с этим активно формируется новое исследовательское поле, сконцентрированное вокруг ряда направлений «область дискурса», «анализ дискурса» и других (их названия словарь не уточняет, констатируя лишь факт наличия других). Распространение понятия «дискурс», как уточняет словарная статья, связано с «симптомом модификации способа понимания языка». Иначе говоря, идея связки «язык – речь – дискурс» остается релевантной. И уже далее отмечается, что в результате такой эволюции знания и был сформирован ряд идей по отношению к термину «дискурс», суть которых буквально в следующем:

- 1) дискурс допускает сверхфразовую организацию;
- 2) дискурс обладает категорией направленности;
- 3) дискурс – это форма действия;
- 4) дискурс несет в себе диалоговый характер;
- 5) дискурс включен в контекст;
- 6) дискурс регулируется нормами;
- 7) дискурс является составной частью интердискурса.

Словарь дает следующие пояснения этим семи позициям: (1) Слова «дискурс допускает сверхфразовую организацию» означают, что дискурс не всегда проявляется в последовательности слов и что **дискурс, в отличие от фразы, заставляет нас по-другому воспринимать речь** (*понимать тексты*). (2) Категория направленности в дискурсе требует **учета развития дискурса во времени**. Да, он может «отклониться в сторону», «вернуться к изначальному направлению», «поменять направление» и т. д. Все **зависит от адресанта**, который контролирует свое высказывание от начала до конца. (3) Дискурс как форма действия включает идею взаимодействия речевых актов с невербальной деятельностью. (Так, можно было бы сказать, что жанр и формат как речевая/дискурсная практика и

вид деятельности «работают» в дискурсе в полном согласовании.) Словарная статья предлагает с этой точки зрения посмотреть на такие дискурс-реализации, как *листовка, телевизионный сериал, медицинская консультация и т. д.* (4) Диалоговый характер дискурса означает имманентно присущую ему интерактивность. А самый **яркий пример интерактивности** – это общение, где два или более субъектов коммуникации согласовывают свои высказывания, выражают свое мнение по теме и оценивают то, как повлияли слова друг друга на их убеждения. (5) Включенность дискурса в контекст указывает не только на **невозможность установления смысла вне контекста**, но и на то, что он – помощник в понимании сказанного. (6) Дискурс регулируется (общими) нормами, ибо **дискурс – явление социальное**. (7) Дискурс в связке с другими дискурсами (интердискурс) означает **зависимость интерпретации отдельного от совокупности** – так и устанавливается связка с контекстом.

Результат интерпретативного анализа показывает как многоплановость терминов, так и их точность попадания в исследовательский контекст, исследовательское направление. Последнее и определяет его семантическое наполнение, его значение и значимость, его место в лингвистике дискурса. Отдельно отметим здесь, что словарная дефиниция «дискурс» характеризует трактуемое явление синтезированно, а именно в единстве информативного и интерактивного, идеального и материального, индивидуального и социального, текста и контекста, времени и места. Последнее обстоятельство значимо для понимания специфики обсуждаемого предмета. Лингвистика дискурса объектом своего исследования делает сложную, комплексную единицу, и сама она (как теоретическая дисциплина) может и должна быть рассмотрена в контексте теорий комплексных систем, что, впрочем, не исключает, а, наоборот, предполагает ее открытость практике. При этом понятно, что сложность теории приумножает количество практических областей ее применения.

○ **Четвертый вывод** сконцентрирован вокруг терминологических отсылок, которые вполне естественны в словарях и позволяют проследить системные связи термина. Насколько глубоки эти связи в контексте анализируемого нами словаря, мы и взялись реконструировать. Оттолкнувшись от первого термина, презентированного словарем «актант» (actant), мы проследили отсылки четырех планов (каждый последующий план представляет собой отсылки отсылкам). Результаты данного поиска мы представили в табл. 2.2. Таблица дана на языке оригинала – французском.

Парадигматическое поле термина *actant*

		Отсылки 1-го плана	Отсылки 2-го плана	№	Отсылки 3-го плана	Отсылки 4-го плана
АСТАНТ	Актор	(1)	locuteur	1	Interlocuteur, Recepteur, <i>Enonciateur</i> , Émetteur, Énonciation, Sujet parlant	
		(2)	Identite	2	Formation Discursive	Analyse du discours, Archéologique analyse du discours, DISCOURS , École française d'analyse du discours, Genre de discours, Positionnement
				3	Individuation	Contrat de communication, Dialogisme, Interdiscourse, Positionnement, Stratégie de discours
				4	Positionnement	Analyse de discours, Champ discursif, Formation discursive, Investissement generique
				5	<i>Rôle</i>	Identite, Cadre participatif, Locutif acte
		(3)	Cadre participatif	6	Contexte	Cadre participatif, Ethnographie de la communication, Ethnomethodologie, Footing, Pragmatique
				7	<i>Déstinataire</i>	
				8	Dialogue	Cadre participatif, Conversation, Dialogisme, Monologue, Polyphonie
				9	Footing	Cadre participatif, Contexte, <i>Déstinataire</i> , Interaction, Negociation, Polyphonie
				10	Interaction	Analyse conversationnelle, Conversation, Ethnographie de la communication, Ethnomethodologie, Negociation
				11	<i>Rôle</i>	Identite, Cadre participatif, Locutif acte

		Отсылки	Отсылки	№	Отсылки	Отсылки	
		1-го плана	2-го плана		3-го плана	4-го плана	
АКТАНТ	Acteur	(4)	Rôle	12	Identite, Cadre participatif, Locutif acte		
		(5)	Sujet parlant	13	Émmetteur,	Locuteur, Sujet parlant	
				14	Interlocuteur	Déstinataire, énonciateur, Émmetteur, Locuteur, Recepteur	
				15	Locuteur	Interlocuteur, Recepteur, Énonciateur, Émmetteur, Énonciation, Sujet parlant	
				16	Polyphonie	Dialogisme, Dialogue, Discourse rapporte, Énonciation, Ironie, Modalisation, Point de vue	
				17	Recepteur	Déstinataire, Émmetteur, Énonciateur, Interlocuteur, Sujet parlant.	
	18			Sijet du discours	Co-énonciateur, Déstinataire, Émmetteur, Énonciateur, Locuteur, Sujet parlant		
	Interlocuteur	(6)	Déstinataire				
			Énonciateur				
		(8)	Émmetteur	19	Locuteur	Interlocuteur, Recepteur, Énonciateur, Émmetteur, Énonciation, Sujet parlant	
				20	Sujet parlant	Émmetteur, Interlocuteur, Locuteur, Polyphonie, Recepteur, Sijet du discours	
		(9)	Locuteur	21	Émmetteur, Interlocuteur, Locuteur, Polyphonie, Recepteur, Sijet du discours		
		(10)	Recepteur	22	Déstinataire		
				23	Émmetteur	Locuteur, Sujet parlant	
				24	Énonciateur		
				25	Interlocuteur	Déstinataire, énonciateur, Émmetteur, Locuteur, Recepteur	
				26	Sujet parlant	Co-énonciateur, Déstinataire, Émmetteur, Énonciateur, Locuteur, Sujet parlant	

	АСТАНТ		№	Отсылки 3-го плана	Отсылки 4-го плана
	Отсылки 1-го плана	Отсылки 2-го плана			
Locuteur	(11)	Interlocuteur	27	Déstinataire	
			28	Émetteur	Locuteur, Sujet parlant
			29	Énonciateur,	
			30	Interlocuteur	Déstinataire, énonciateur, Émetteur, Locuteur, Recepteur
			31	Recepteur	Déstinataire, Émetteur, Énonciateur, Interlocuteur, Sujet parlant.
	(12)	Recepteur	32	Déstinataire, Émetteur, Énonciateur, Interlocuteur, Sujet parlant.	
	(13)	Énonciateur			
	(14)	Émetteur	33	Locuteur, Sujet parlant	
	(15)	Énonciation	34	Dialogisme	Dialogue, Discours rapporte, Interdiscours, Intertextualite, Memoire discursive, Polyphonie, Preconstruit
			35	Énonciateur	
			36	Interaction	Analyse conversationnelle, Conversation, Ethnographie de communication, Ethno-methodologie, Negociation
			37	Interdiscours	Dialogisme, DISCOURS, Discours rapporte, Ecole francaise d'analyse du discours, LjHeterogeneite montree / constitutive, Intertextualite, Preconstruit
			38	Polyphonie	Dialogisme, Dialogue, Discours rapporte, Énonciation, Ironie, Modalisation, Point de vue
	39	Situation de communication	Communication, Conditions de production, Contexte, Énonciation, Fonctions du langage, Genre de discours, Interdiscours, Locuteur collectif, Scene d'énonciation		

АКТАНТ	Отсылки 1-го плана	Отсылки 2-го плана	№	Отсылки 3-го плана	Отсылки 4-го плана	
	Рécit	(16)	Sujet parlant	40	Émmetteur, Interlocuteur, Locuteur, Polyphonie, Recepteur, Sijet du discours	
(17)		Action/ evenements en narra- tologie	41	Récit	Action/ evenements en narra- tologie, Séquence	
(18)		Séquence	42	Argumentation	Argument, Conclusion, Contre-argumentation, In- teraction, Logique/discours, Persuasion, Question (en ar- gumentation),Retorique	
				43	Conversation	Analyse conversationnelle, Interaction
				44	Description	Connecteur, Plan de texte, Séquence, Texte
				45	Explication	Argumentation, Demonstra- tion, Interaction, Séquence
				46	Récit	Action/ evenements en narra- tologie, Séquence
				47	Texte	Coherence, Configuration, Crammaire de texte, Linguis- tique textuelle, Macro-acte de langage, Schematisation
Rôle		(19)	Identite	48	Formation Discursive, Individuation, Positionnment, <i>Rôle</i>	
		(20)	Cadre par- ticipatif,	49	Contexte, <i>Déstinataire</i> , Dialogue, Footing, Interac- tion, <i>Rôle</i>	
	(21)	Locutif acte	50			

Пр и м е ч а н и е. Полу жирным прописным шрифтом выделены термины, ставшие объектом нашего исследования, – «актант» и «дискурс». Полу жирным строчным шрифтом выделены связующие элементы между ключевыми терминами «актант» и «дискурс». Курсивом выделены те отсылки, которые замыкают парадигматический круг.

Комментируя содержание таблицы, можно сказать, что она: (1) дает объем парадигматического содержания термина «актант»; (2) позволяет представить маршрут следования от одного центра (актант) к другому (дискурс); (3) дает возможность увидеть значимость терминов, связующих оба центра, а это две цепочки:

1. Актант → Актор → Идентификация → Дискурсная формация →
→ Дискурс.

2. Актант → Говорящий → Собеседник → Интердискурс →
→ Дискурс.

Обе цепочки выводят нас на значимость субъектной ситуации общения и ее идеальной репрезентации, а также на необходимость ее реконструировать и осмысливать с разных сторон. Так, если в первом случае акцент делается на адресанте (активная позиция участника общения), на осознании его самостности и того, в какой тип дискурса он входит, фактически его создавая, то во втором случае делается акцент на взаимодействии коммуникантов и совместном создании и управлении дискурсом. Так реконструкция выводит исследователя на моделирование коммуникативного продукта с разных центров, разных фокусов внимания. Иначе говоря, «путешествуя» по словарю по отсылкам, мы неизбежно выходим (используя терминологию Флоренского) на многоцентрированную перспективу [26].

Проведя исследование, мы можем предложить **практический комментарий**-рекомендацию для тех, кто работает или будет работать с этим словарем. Так, пользователям следует обратить внимание на то, что:

○ знакомство с терминологией лингвистики дискурса – это неспешное, вдумчивое многоярусное чтение. Многоярусность определяется тем, что терминология лишь отталкивается от лингвистики языка (либо речи), но становится при этом вполне самостоятельной, самодостаточной системой, которую и надо воспринимать в качестве таковой. Полушаг ведет к терминологической путанице и общей неудовлетворенности как лингвистов-дискурсологов, так и лингвистов других специализаций, стремящихся познакомиться с лингвистикой дискурса;

○ терминология лингвистики дискурса – это своеобразное системно-структурное образование, которое одновременно и закрыто (относительно устойчиво), и открыто новому видению, новым научным школам, а значит, и теориям, и, соответственно, новой терминологии либо новому заполнению уже имеющейся в распоряжении общенаучного и специальнаучного «багажа». Это демонстрирует словарь также и благодаря сноскам на персоналии – дискурсное сообщество лингвистики дискурса;

○ словарь читается от любой словарной статьи, и участник этого процесса двигается по самым разным траекториям, строя для себя свои дискурсии. Причем эти траектории можно вести по предметно-тематическому содержанию, а можно и по короткежному (субъект-субъектному). Так, например, если мы обратимся к словарной статье «дискурс», то найдем там семь ссылок на следующие персоналии:

Z. S. Harris (1969) – см. в библиографии словаря: «Analyse du discours», trad. fr., Langages, 13, 8–45 (1er éd. 1952, «Discours analysis», Language, vol. 28, 1–30)... А. Н. Gardiner (1989 : 24) – см. в библиографии словаря: Langage et acte de langage. Aux sources de la pragmatique, Presses universitaires de Lille (1er éd. 1932, The Theory of Speech and Language, Oxford, Clarendon Press). G. Guillaume (1973 : 71) – см. в библиографии словаря: Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume, Valin R. (éd.), Québec, Presses de l'université Laval/Paris, Klincksieck. E. Benveniste (1966 : 266) – см. в библиографии словаря: Problèmes de linguistique générale, Paris, Gallimard. M. Foucault (1969 : 153) – см. в библиографии словаря: L'Archéologie du savoir, Paris, Gallimard. Adam J.-M., (1999 : 39) – см. в библиографии словаря: Linguistique textuelle. Des genres de discours aux textes, Paris, Nathan. Guespin (1971 :10) – см. в библиографии словаря: «Problématiques des travaux sur le discours politique», Langages, 23, 3–24.

Как мы полагаем, максимальная польза – видение и предметного, и кортежного содержания в целостности. Тогда лингвистика дискурса реально материализуется (как в процессе печатания фотографий) – реально «проявляются» и персоналии, и идеи данного направления.

Думаем, что с созданием данного словаря авторы-составители вышли на осмысление и доказательство того, что главные редакторы обозначили в предисловии к изданию: «Мы все как бы “вписаны” в языковую систему и в ее дискурс-реализацию».

Общие выводы мы строим на представленных четырех выводных утверждениях. Поэтому в каждой позиции повторим вывод, сформулированный ранее, и интерпретируем его с учетом их единения.

1. Выявив, что словарь (в контексте репрезентации своего системного характера) является гипертекстом, и принимая при этом то, что словарь как область лексикографии принадлежит полю лингвистики языка, мы выходим на осознание того, что на языковом уровне уже заложен уровень дискурсивный (дискурсный). Иначе говоря, дискурсный уровень не дополнительный уровень, а уже имплицитно вписанный в язык (по умолчанию), и он актуализируется тогда, когда затребован. Таким образом, можно сказать, что **смысл языковой системы в ее функционировании, в том числе на уровне дискурса.**

2. Выявив факт сопричастности двух терминологических систем – теории языка и теории дискурса (лингвистики дискурса), что ярко показано в словарных статьях с помощью разграничения трактовки терминов этих систем, мы увидели, что лингвистика дискурса есть продолжение лингвистики языка (ее ребенок). Тем самым мы можем констатировать, что **линг-**

лингвистика дискурса изучает следующий после речи уровень реализации языка, а значит, непосредственно относится к полю теории языка.

3. Выявив тот факт, что системный характер терминологии теории языка (констатирующий тотальную взаимосвязь ее терминологии) не разрушает, а, наоборот, поддерживает самостность каждой отдельной своей единицы (что и подтверждается наличием парадигматического содержания языкового знака [27]), мы можем констатировать, что **парадигматическое значение термина «лингвистика», попадающего в лингвистику дискурса** (как, например, термины «актант» или «дискурс»), **есть значение его места в системе терминов лингвистики дискурса** (и только лингвистики дискурса, но не других лингвистических дисциплин). Именно поэтому некорректно подменять термины лингвистики дискурса терминами лингвистики языка и речи.

4. Четвертый вывод – это синтез первых трех. Лингвистика дискурса обладает *своей* терминологией, которая отражает практическое состояние языка в его системно-структурной явленности и состояние теории языка с фокусом внимания на три уровня проявлений языка. Эти уровни и заложены в основании *самоидентификации* каждой из лингвистик – лингвистика, самоидентифицирующая себя на базисном уровне (лингвистика или теория языка), на функциональном уровне (лингвистика или теория речи) и на коммуникативном уровне (лингвистика или теория дискурса). И в этом мы видим особую значимость анализируемого нами специального лексикографического издания.

Приложение

Французско-русский словарь ключевой терминологии

(данный перевод терминологии словаря является предварительным и требует дальнейшего уточнения в процессе исследовательской работы)

ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБЩЕГО ПЛАНА

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	actant	актант	5	analyse automatique du discours	автоматический анализ дискурса
2	action langagière	языковое действие	6	analyse du discours	анализ дискурса
3	actualisation	актуализация	7	archétexte	архетекст
4	altérité	отличие	8	archive	архив

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
9	argot	арго	27	discours	дискурс
10	auteur	автор	28	discours rapporté	косвенная речь
11	cadrage	кадрирование	29	école française d'analyse du discours	французская школа дискурса-анализа
12	canonique	канонический	30	écrit/oral	письменный/устный
13	champ discursif	дискурсивное поле	31	énoncé	высказывание
14	code langagier	языковой код	32	éthnographie de la communication	этнография коммуникации
15	communauté de communication	коммуникативное сообщество	33	exposition discursive	дискурсивная экспозиция
16	communauté discursive	дискурсивное сообщество	34	fermé/ouvert	закрытый/открытый
17	communauté translangagière	надязыковое сообщество	35	fonctions du langage	функции языка
18	communication	коммуникация	36	formation discursive	дискурсивная формация
19	compétence discursive	дискурсивная компетенция	37	formation langagière	языковая формация
20	conditions de production	условия порождения	38	genre de discours	жанр дискурса
21	contenu/relation	содержание / отношение	39	genre et histoire	жанр и история
22	contexte	контекст	40	hétérogénéité	гетерогенность
23	contrat de communication	коммуникативный договор	41	hypertextualité	гипертекстуальность
24	corpus	корпус	42	identité	идентичность
25	dialogisme	диалогизм	43	idéologie	идеология
26	didacticité	дидактичность	44	incorporation	инкорпорация

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
45	individuation	индивидуализация	65	positionnement	позиционирование
46	information	информация	66	pratique discursive	дискурсивная практика
47	insécurité discursive	дискурсивная неустойчивость	67	pratique langagiere	языковая практика
48	institution discursive	институт дискурса	68	praxématique	праксематика
49	interdiscours	интердискурс	69	preconstruit	преконструкт
50	interlangue	интерязык	70	processus discursif	дискурсивный процесс
51	intertextualité	интертекстуальность	71	régime discursif	дискурсивный режим
52	intradiscours	интрадискурс	72	registre	регистр
53	investissement générique	общий вклад (в изменение)	73	rites génériques	универсальные сценарии
54	isotopie	изотопия	74	scène d'énonciation	видимый план высказывания
55	langue du bois	суконный язык	75	site d'emploi	сфера употребления
56	lecteur	читатель	76	stéréotype	стереотип
57	matérialité discursive	материя дискурса	77	stylistique	стилистика
58	pratique langagière	языковая практика	78	sujet du discours	субъект дискурса
59	matrice discursive	дискурсивная матрица	79	sujet parlant	говорящий субъект
60	mémoire discursive	дискурсивная память	80	surface discursive	дискурсивное пространство
61	méthode harrissienne	метод Харрисса	81	type de discours	тип дискурса
62	moment discursif	дискурсивный момент	82	typologie des discours	типология дискурсов
63	norme	норма	83	vocation énonciative	вокативное высказывание
64	places	места			

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	argot	арго	15	metaphore	метафора
2	autonymie	автономия	16	metonymie	метонимия
3	concordance	согласованность	17	mot	слово
4	connecteur	коннектор	18	neologie	неология
5	connotation	коннотация	19	paradigme definitionnel	дефиниционная парадигма
6	cooccurrence	совместная встречаемость	20	phraseologie	фразеология
7	définition	дефиниция	21	reference	референция
8	dénomination	деноминация	22	segment repete	повторный сегмент
9	étymologie sociale	социальная этимология	23	specialite	профессия
10	figement	сгущение	24	specificites	специфичность
11	formule	формулировка	25	synecdoque	синекдоха
12	guillemets	кавычки	26	terme	термин
13	lexème	лексема	27	terminologie	терминология
14	lexicométrie	лексикометрия	28	vocabulaire/lexique	словарь/лексика

ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	actions/événements	действия / события	8	connecteur argumentatif	аргументативный коннектор
2	anaphore	анафора	9	coréférence	коререференция
3	cataphore	катафора	10	description	описание
4	chaîne de référence	цепочка референтов	11	explication	объяснение
5	cohérence	когерентность	12	grammaire de texte	грамматика текста
6	configuration	конфигурация	13	isotopie	изотопия
7	connecteur	коннектор	14	linguistique textuelle	лингвистика текста

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
15	macro-acte de langue	речевой макроакт	24	punctuation	пунктуация
16	mémoire discursive	дискурсивная память	25	recit	рассказ (нарратив)
17	mode d'organisation de discours	способ организации дискурса	26	script	скрипт
18	objet de discours	объект дискурса	27	segmentation graphique	графическая сегментация
19	paradigme définitionnel	дифиниционная парадигма	28	sequence	последовательность
20	paratexte	паратекст	29	texte	текст
21	periode	период	30	theme/rheme	тема/рема
22	plan de texte	план текста	31	transphrastique	сверхфразовый
23	specialite	профессия			

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	archétexte	архетекст	11	formule	формулировка
2	captation	каптаж	12	hypertextualité	гипертекстуальность
3	champ discursif	дискурсивное поле	13	inférence	инференция
4	contre-argumentation	контраргументация	14	insécurité discursive	дискурсивная нестабильность
5	corpus	корпус	15	malentendu	недоразумение
6	dialogisme	диалогизм	16	matrice discursive	дискурсивная матрица
7	didacticité	дидактичность	17	mémoire discursive	дискурсивная память
8	discours rapporté	косвенная речь	18	paraphrase	перифраза
9	étymologie sociale	социальная этимология	19	pastiche	пастише / подражание
10	explication et transmission de connaissance	объяснение и передача знаний	20	polémique	полемический

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
21	polyphonie	полифония	24	reformulation argumentative	аргументативная переформулировка
22	positionnement	позиционирование	25	trajet thématique	тематическая траектория
23	reformulation	переформулировка	26	vulgarisation	популяризация

НАРРАТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	acte de langage	речевой акт	21	énonciation	высказывание
2	actualisation	актуализация	22	éthos	этнос
3	ambiguïté	неоднозначность	23	euphémisme	эвфемизм
4	appréciation	суждение	24	évolution	эволюция
5	assertion	утверждение	25	explication/implication	экспликация/импликация
6	auteur	автор	26	focalisation	фокусирование
7	autorité	авторитет	27	fonctions du langage	функции языка
8	cadrage	кадрирование	28	généralisation	генерализация
9	contexte	контекст	29	guillemets	кавычки
10	définition	дефиниция	30	implicite	имплицитный
11	déictique	дейктический	31	inférence	инференция
12	dénomination	деноминация	32	interlocuteur	собеседник
13	destinataire	адресат	33	ironie	ирония
14	discours	дискурс	34	lecteur	читатель
15	discours rapporté	косвенная речь	35	litote	литота
16	écrit/oral	письменный/устный	36	locuteur	слушатель
17	ellipse	эллипс	37	locuteur collectif	коллективный слушатель
18	émetteur	адресант	38	lois du discours	законы дискурса
19	emphase	эмфаза	39	macro-acte de langage	речевой макроакт
20	énonciateur	высказывающийся	40	maxime conversationnelle	конверсационная максима

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
41	pastiche	пастиш / подражание	49	scene d'enon- ciation	видимый план высказывания
42	pertinence	уместность	50	schematisation	схематизация
43	polyphonie	полифония	51	situation de communication	ситуация коммуникации
44	portrait discursif	дискурсивный портрет	52	subjectivite	субъективность
45	pragmatique	прагматика	53	sujet du dis- cours	субъект дис- курса
46	presuppose	предполагаемое	54	sujet parlant	говорящий субъект
47	reference	референция	55	trope	троп
48	reformulation	переформули- ровка			

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ И РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	analogie	аналогия	15	dialectique	диалектика
2	antiphrase	антифраза	16	dilemme	дилемма
3	antithèse	антитеза	17	émotion	эмоция
4	argumentation	аргументация	18	éthos	этос
5	autorité	авторитет	19	euphémisme	эвфемизм
6	captation	каптаж	20	explication	экспликация
7	concession	концессия	21	figure	фигура
8	conclusion	закключение	22	genre rhéto- rique	риторический жанр
9	connecteur argu- mentatif	аргументатив- ный коннектор	23	hyperbole	гипербола
10	contradiction	противоречие	24	implication	импликация
11	contre-argumen- tation	контр- аргументация	25	induction	индукция
12	déduction	дедукция	26	ironie	ирония
13	délibération	размышление	27	litote	литота
14	démonstration	демонстрация	28	logique/dis- cours	логика/дискурс

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
29	lois du discours	законы дискурса	41	reformulation argumentative	аргументативная переформулировка
30	metaphore	метафора	42	réfutation	опровержение
31	metonymie	метонимия	43	rhétorique	риторика
32	objection	возражение	44	schématisation	схематизация
33	objet de discours	объект дискурса	45	sophisme	софизм
34	orientation argumentative	аргументативная ориентация	46	stratégie de discours	стратегия дискурса
35	paralogisme	паралогизм	47	sylogisme	силлогизм
36	parenthese	антитэза	48	synecdoque	синекдоха
37	pathos	пафос	49	trope	троп
38	persuasion	убеждение	50	valeur	значение
39	preuve	доказательство	51	vraisemblable	вероятностный
40	question	вопрос			

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	acteur	актер	12	crédibilité	вероятность
2	action	действие	13	destinataire	адресат
3	altérité	различие	14	écrit/oral	письменный/устный
4	cadrage	кадрирование	15	effet de sens	эффект осознания
5	canal de transmission	канал передачи	16	émotion	эмоция
6	captation	каптаж	17	éthos	этос
7	communication	коммуникация	18	genre de discours	жанр дискурса
8	conditions de production	условия порождения	19	gestualité	жестикауляция
9	connaissance/croyance	знание/вера	20	identité	идентичность
10	contexte	контекст	21	individuation	индивидуация
11	contrat de communication	коммуникативный договор	22	opinion	мнение

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
23	paratexte	паратекст	33	representation sociale	социальная репрезентация
24	persuasion	воздействие	34	role	роль
25	pertinence	уместность	35	script	скрипт
26	influence	влияние	36	situation de communication	ситуация коммуникации
27	legitimation	легитимация	37	situationnel	ситуативный
28	locuteur	слушатель	38	stéréotype	стереотип
29	macro-acte de langage	речевой макроакт	39	stratégie de discours	стратегия дискурса
30	mediologie	медиология	40	sujet du discours	субъект дискурса
31	ponctuation	пунктуация	41	travail	работа
32	regulation	регулирование			

КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	acte de langage	речевой акт	12	euphémisme	эвфемизм
2	adresse	адрес	13	face	аспект
3	analyse conversationnelle	конверсационный анализ	14	gestualité	жестикаляция
4	conversation	общение	15	hyperbole	гипербола
5	destinataire	адресат	16	implicite	имплицитный
6	dialogisme	диалогизм	17	interaction	интеракция
7	dialogue	диалог	18	interculturel	межкультурный
8	diaphonie	перекрестные помехи	19	litote	литота
9	échange	обмен	20	malentendu	недоразумение
10	éthnographie de la communication	этнография коммуникации	21	marqueur conversationnel	конверсационный маркер
11	ethnométhodologie	этнометодология	22	maxime conversationnel	конверсационная максима

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
23	module conversationnel	конверсационный модуль	29	relation interpersonnelle	межличностные отношения
24	négociation	переговоры	30	réparation	репарация
25	paire adjacente	смежная пара	31	réplique	реплика
26	politesse	вежливость	32	rituel	ритуал
27	prosodie	просодия	33	séquence conversationnelle	конверсационная последовательность
28	locuteur	слушатель	34	tour de parole	очередность

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

№	Французский язык	Русский язык	№	Французский язык	Русский язык
1	analyse automatique du discours	автоматический анализ дискурса	5	cooccurrence	совместная встречаемость
2	analyse de contenu	анализ содержания	6	lexicométrie	лексикометрия
3	automatique	автоматический	7	segment répété	повторяющийся сегмент
4	concordance	согласование	8	spécificités	специфичность

Библиографические ссылки

1. Ухванова И. Ф. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / сост. и общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : БГУ, 2000. Вып. 2. С. 25–29.

2. Uhvanova I., Ilyushyna L. Civilization as a Sign: New Perspectives in Civilization Studies // Respectus Philologicus. Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas. 2006. № 10 (15). P. 10–24.

3. Ухванова И. Ф., Илюшина Л. Цивилизация как открытая динамическая система: взгляд с позиции каузально-генетического моделирования // Гісторыя. Праблемы выкладання. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2007. № 8 (62). С. 3–8.

4. Ухванова И. Ф., Богушевич Д. Г. Актуализация потенциальной прагматической информации и типы общения // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. 1992. Сер. IV. № 2.

5. Ухванова И. Ф. Формирование и кодирование межличностного компонента прагматического содержания текста // Семантика и прагматика текста. Барнаул : АГУ, 1991. С. 3–15.

6. Ухванова-Шмыгова И. Ф. План змісту тексту: від аналізу до синтезу, від структури до системи // Філософська і соціологічна думка. Київ, 1993. № 3. С. 10–27.

7. Левицкий Ю. А. Общее языкознание : учеб. пособие. 5-е изд. М. : Либроком, 2013. 266 с.

8. Ухванова И. Ф. План содержания газеты: стратегия выбора : учеб. пособие. Минск : БГУ, 1994. 53 с.

9. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Причинно-генетическое моделирование плана содержания текста как основа для структурирования его контекстной информации : тез. науч. докл. и сообщений. Ижевск, 1992. С. 109–111.

10. Ухванова-Шмыгова И.Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 3. С. 10–27.

11. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Введение в дискурс-аналитические практики, или Чем отличается контент-анализ от дискурс-анализа // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : БГУ, 2008. Вып. 5 : Дискурс в современном гуманитарном знании. С. 49–77.

12. Попова А. В. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. 153 с.

13. Савич Е. В. Медийный дискурс лоббирования: опыт анализа. Минск : БГУ, 2013. 137 с.

14. Маркович А. А. Анализ референтного содержания в дискурсе консолидации // Вестн. МГЛУ. 2006. Сер. 1, Филология. № 5 (25). С. 53–66.

15. Маркович А. А. Коммуникативные стратегии интегративного типа в дискурсе Евросоюза // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. 2007. № 745. Сер. Филологія. Вып. 49. С. 76–82.

16. Туркина О. А. Анализ актуализации реляционных коммуникативных стратегий в телевизионной игре «Последний герой 1» // Respectus philologicus. Вильнюс, 2005. № 7(12). С. 174–183.

17. Туркина О. А. Речевые средства формирования индивидуальной дискурс-картины мира // Профессионально-ориентированное обучение межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. Минск : РИВШ, 2011. С. 115–121.

18. Ядченко Е. И. Реконструкция национально-культурной идентичности из дискурса русского мигранта, проживающего в Германии: потенциал лингвистической методологии // Вестн. МГЛУ. 2012. Сер. 1. Филология. № 5. С. 47–54.

19. Ядченко Е. И. Тематический анализ дискурсии как базовый этап в исследовании дискурса мигрантов // Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. Бизнес. Образование. Право. 2012. № 4. С. 45–52.

20. Ухванова И. Ф. Cause-Genetic theory of text content in its application to mass media text studies // Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists. 20–25 July 1997 / B. Caron (ed.). Paris: Pergamon. An imprint of Elsevier Science, 1998.

21. Междисциплинарная энциклопедия «Дискурсология» [Электронный ресурс]. URL: http://u6935.netangels.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=113%3A-lr&catid=136%3A--lr&Itemid=55&showall=1.

22. Лингвистический энциклопедический словарь Фонда знаний «Ломоносов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/>.

23. *Charaudeau P.* et Dominique Maingueneau. Dictionnaire d'Analyse du Discours. Seuil, 2002. 661 с.

24. *Кожарина Т. В.* Топонимическая лексика французского языка в семантико-прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2013. 25 с.

25. Dictionnaire d'analyse du discours Sous la direction de P. Charaudeau, D. Maingueneau. Edition du Seuil, 2002. 669 p.

26. *Флоренский П. А.* Обратная перспектива // Избр. тр. по искусству. М. : Изобр. искусство, 1996.

27. *Ухванова И. Ф.* Парадигматика и синтагматика как лингвистическая манифестация плана содержания слова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. IV. 1982. № 1.

Раздел 3

АППАРАТ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА: КАТЕГОРИИ, МЕТОДЫ, ПРИЕМЫ И ПРОЦЕДУРЫ АНАЛИЗА

3.1. ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС». АНАЛИЗ ДИСКУРСА, ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ДИСКУРСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Сегодня слово *дискурс* можно встретить не только в научном, но и разговорном регистре, а наиболее частые *ассоциации*, которые предлагают респонденты, – это *речь, текст, коммуникация*. При этом слово *дискурс* многими почему-то считается новым (так ли это на самом деле?) и модным, что уже автоматически предполагает размытость значения, включенного в него. Очевидно, все же следует обратиться к конкретным словарям и посмотреть более внимательно на предлагаемый ими объем понятия. Если мы возьмем современные словари русского и английского языков (толковый или переводной), то обнаружим в них пометки (*арх., книжн.*). Так, в Оксфордском словаре английского языка слово *discourse* трактуется как *беседа (арх.)*, но также *диссертация, трактат, проповедь*, т. е. как определенный жанр, в центре внимания которого *мысль в ее развитии* [1, с. 239]. Словарь Вебстера (словарь американского варианта английского языка) в свою очередь трактует дискурс как *«хождение вперед-назад, общение, коммуникация как предмет изучения»*, но также и как *«процесс общения (устный или письменный), сосредоточенный на предмете разговора и его развивающий; лекция, трактат, проповедь, диссертация»*. Здесь дискурс – это и поле деятельности, и материальная форма воплощения, и структура (формат) вербальной деятельности [2, с. 417]. Толковый словарь французского языка LAROUSE не ставит таких пометок, а в дефиниции фиксирует внимание на двух аспектах: содержательно-функциональном (организация предмета разговора и его воздействие на аудиторию) и формальном (речь с позиции ее организации, формы, грамматико-синтаксической заданности) [3, с. 308]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет объем значения слова «дискурс», который дает Испанско-русский словарь [4, с. 338], где сочетаются идеи реальности и по-

тенции, содержания и формы, формы лингвистической и экстралингвистической: «*discurso* – (1) *речь, дар речи*; (2) *речь, выступление*; (3) *грам. предложение*; (4) *промежуток времени*».

Как видим, *дискурс* – это и речь, сосредоточенная на предмете разговора в его развитии, и текст в его четко заданной жанровой репрезентации, подчиненный правилам формального характера. Сам факт огромного разнообразия установок и реализаций современной речи говорит о том, что *сегодня мы не можем уравнивать понятия «дискурс» и «речь»*. Каждое из них может быть шире и одновременно значительно уже другого. Они лишь соприкасаются своими значениями, оставляя огромный потенциал вне точки соприкосновения. Так, становится понятным интерес к этому слову в русскоязычной среде, а именно: оно меняет фокус внимания, поднимает значимость аналитического мышления, заставляет по-иному взглянуть на такое явление, как речь. Впрочем, эта традиция – далеко не новое явление для русскоязычного менталитета, хотя само слово «дискурс» в русский язык пришло недавно.

Отметим другие варианты прочтения слова *дискурс*, которые собирались нами в течение последних двух лет из разных лексикографических и научных изданий.

Дискурс в самом широком смысле слова как: (1) предмет разговора; (2) общение, коммуникация как предмет изучения; (3) поле деятельности.

Дискурс как объект лингвистики – (1) речь с позиции ее организации, формы, грамматической заданности; (2) слово, предложение; (3) речь, сосредоточенная на предмете разговора в его развитии; (4) текст в его четко заданной жанровой репрезентации, соподчиненный правилам формального характера; (5) материальная форма воплощения деятельности, структура (формат) вербальной деятельности.

Дискурс как жанр – (1) (*ист., книжн.*) диссертация, трактат, т. е. жанр письменного общения, вид общения, требующий от автора и читателя серьезного отношения и умственной работы; (2) лекция, выступление, беседа, проповедь, слово, т. е. жанр устного общения, вид общения при непосредственном взаимодействии общающихся.

Дискурс как сосредоточенный на содержании вид деятельности – (1) процесс общения (устный или письменный), сконцентрированный на предмете разговора и его развивающий; (2) термин, несущий в себе печать не одной, а целого ряда социальных и гуманитарных наук – философии, лингвистики, психологии, социологии, этнографии, культурологии, политологии, коммуникативистики – словом, тех наук, которые изучают речь, ее содержательный потенциал и реализацию этого потенциала.

Дискурс как интегративная функциональная данность – совокупность дискурсов, отражающих и формирующих дискурсы.

Дискурс как потенция – дар речи.

Дискурс как мера – промежуток времени.

Дискурс в рамках каузально-генетического подхода – (1) деятельность (одновременно социальная и индивидуальная); деятельность ограниченная (*закрытая*) своими социально ориентированными речевыми манифестациями (несущими *отношения*, оценку и информацию о речевом поведении); дифференцированная и описанная в социально маркированных условиях; деятельность *открытая* индивидуальному пониманию (когнитивная характеристика) и проявлению (поведенческая характеристика); (2) репрезентант (представитель) действительности (и дискурс-миров) как социальной конструкции (конструкций), а также сообществ (и дискурсных сообществ); репрезентант реальности и одновременно вербально адаптированной реальности; (3) языковые единства (набор категорий и кодов) в их функциональной данности, реализующие взаимодействие людей (субъект-объектного и субъект-субъектного планов), обеспечивающие обмен знаниями и отношениями, выявляющие содержание смыслового и сущностного порядков (способствующие установлению самоидентификации и самоопределения коммуникантов).

Как уже отмечалось, для русскоязычного лингвистического сообщества весьма актуальным до сих пор является *Лингвистический энциклопедический словарь*, изданный почти 20 лет назад, и в частности словарная статья Н. Д. Арутюновой «Дискурс» [5, с. 136–137]. Согласно этой статье дискурс есть текст плюс *контекст* (отсутствие контекста для исторических текстов не позволяет называть их дискурсом); дискурс включает в себя *паралингвистическое*, что прочитывается через *функции* – ритмическую (автодирижирование), референтную (дейктические жесты), семантическую (мимика, жесты, сопутствующие значениям), эмоционально-оценочную, а также функцию воздействия на собеседника (иллокутивная сила); дискурс выступает как треугольник: три его стороны – прагматическая, когнитивная (фреймы/сценарии) и ментальные процессы (discourse processing как выбор средств для реализации цели). Иначе говоря, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика и синтактика выступают в качестве непосредственных составляющих дискурс-теории, в качестве его источников. Так, становится более понятным тот факт, почему дискурс-анализ неизбежно представлен в этих направлениях независимо от того, декларируют ли это лингвисты, работающие в них, или нет.

Понятие «дискурс» поистине интердисциплинарно и несет в себе печать не одной, а целого ряда социальных и гуманитарных наук. В Беларуси это

понятие уже стало привычным не только для лингвистики, но и для таких наук, как *философия, психология, социология, культурология, политология, коммуникативистика* – словом, тех наук, которые, так или иначе, обращаются к изучению *речи*, ее содержательному потенциалу и реализации этого потенциала. Если мы посмотрим на лингвистику, то современные исследования речи значительно отличаются от исследований прошлых лет. Вторая половина прошлого века – время осознания того, что речь – это не просто вербальная (знаковая) и тем самым социальная деятельность, а сама жизнь. Речь есть событие, воплощенное в знаке, ставшее жизненно важным событием. В речи отражено единство содержания (контента) и ситуации общения (контекста). Речь есть реалья когнитивная и поведенческая, лингвистическая и экстралингвистическая, актуальная и потенциальная. Это процесс и результат, действие, взаимодействие и воздействие. Речь есть переплетение текстов, интертекстуальность. Появляется новый объект исследования – речь в ее новом видении, новом прочтении, т. е. дискурс, ибо именно такая, обогащенная новым содержанием речь и называется дискурсом. Любопытно, что то же происходит и с современными исследованиями текстов, которые уже невозможно представить вне явления *интертекстуальности*. При всем очевидном сближении понятий *речь, текст, дискурс* объем их значений не совпадает. Дискурс – это всегда речь (или текст) плюс что-то еще. И вместе с тем встает вопрос: что же это еще?

Есть и еще одно промежуточное слово – «дискурсия», которое обращает наше внимание на конкретные тексты, конкретные речевые отрезки, которые становятся объектом конкретных исследований – исследований отдельных случаев (*case-studies*). Именно из изучения дискурсий складывается наше знание дискурсов.

Анализ дискурса, дискурс-анализ, дискурсные исследования – за каждым из этих понятий стоит свой референт, но всех объединяет слово «дискурс», что создает иллюзию синонимичности данных словосочетаний. Однако они далеко не синонимы.

Дискурс-анализ пришел к нам как искусство и как методика, противостоящая контент-анализу. Ее суть – не простой подсчет содержательных элементов речи, а реконструкция, интерпретация, трансляция, передача чего-то неочевидного, неоднозначного, перевод из одного кода в другой, от одной группы людей другой. Ее выборка носит штучный (любопытно, что по-польски *stuka* означает *искусство*) характер. Текст царствует и побеждает. Равно как и исследователь. Он хранит открывшуюся ему тайну чтения, свое ноу-хау, свое искусство видеть. Глубина и сила анализа показывают уровень и осведомленность ученого, диапазон его возможностей, кругозор его ума, но аналитический по сути текст исследователя скрывает

ет процесс получения знаний. Ученик также штучен. У каждого Учителя свой подход и свой ученик. У некоторых Мастеров учеников и вовсе нет. «Метод субъективен» – поставлен диагноз, а значит, в науке неприемлем. Дискурс-анализ – это искусство «видеть» и «передать» увиденное.

Дискурсные исследования – исследования, рожденные в результате «вхождения в зрелость» таких дисциплин, как прагмалингвистика, когнитивистика, макросинтаксис, социалингвистика, этнолингвистика, психоллингвистика, герменевтика... Это – результат пересмотра множественных частных теорий и выхода на «гранд-нарратив», т. е. на большие теории, теории-перспективы, теории-синтезы, теории методологического уровня. Дискурсные исследования – это период международных междисциплинарных проектов, проектов, формулирующих и решающих новые проблемы современного общества, проблемы войны и мира, интеграции и конфронтации, понимания и непонимания людей разных культур, рас, цивилизаций. Это проблемы, рожденные в результате миграции огромных групп населения из-за голода, нищеты, войн, эпидемий, засухи, в результате интеграции экономик различных стран, глобализации на всех уровнях современного развития общества. Дискурсные исследования – это коммуникативистика, т. е. период в современной философской, гуманитарной и социальной науке, характеризующийся особым вниманием к способу, форме передачи мысли, изменяющей саму мысль, переворачивающей ее до неузнавания. Это – перевод фокуса внимания от *авторского* значения к тем значениям, которые рождаются в *аудитории*, многоликой, репрезентирующей не только ценности разных поколений, сфер деятельности, но и, как было отмечено выше, разных культур, цивилизаций.

Дискурсные исследования – это опора на открытое множество методик качественного уровня, на верификацию результатов исследования, на использование компьютерных технологий. Вот почему дискурсные исследования способствуют более глубокому пониманию не только языковых практик, но также социальных и политических процессов, межэтнических отношений, различных явлений культурной, интеллектуальной и политической жизни общества.

3.2. ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК ТИП ДИСКУРСА: ЭТАП СБОРА БАЗЫ ДАННЫХ

«Дискурс-анализ – это поле деятельности, в котором сегодня очень интересно работать, но трудно сделать карьеру» – эта мысль была озвучена в конце ноября 2003 г. на родине дискурс-анализа, в Париже, на вечере, посвященном десятилетию научного кружка «Язык и общество». За ней

стоит буквально следующее: *трудно сделать карьеру*, ибо у этого исследовательского направления с учетом его развития на мировом уровне до сих пор нет своего четко определенного места; *интересно работать* – по той же причине. Поэтому до сих пор остается актуальным изучение самого явления – дискурс-анализ.

Если мы примем посылку, что дискурс-анализ – это определенный дискурс и сам может быть исследован средствами дискурс-анализа (автоисследование), то для лучшего понимания этого феномена и процесса проведем такое исследование (или расследование), в частности для выявления его процедурной стороны или характеристики в ее сегодняшнем прочтении.

Итак, наш *предмет* исследования – дискурс-анализ в его феноменологической и процессуальной данности, *целевая установка* нашего исследования – реконструкция явления и процесса в контексте «здесь и сейчас». *Методологический аппарат* – каузально-генетическое проектирование, позволяющее максимально широко и системно, но, главное, технологично проработать предмет исследования. *Материал* – макротекст, текст-рефлексия, составной частью которого является как исследовательская, так и педагогическая (университетская) деятельность специалиста по дискурс-анализу. В результате мы решим ряд частных задач, в том числе поближе познакомимся с этапами и моделями дискурс-анализа.

Этап первый: сбор базы данных. Мы можем многое узнать о явлении, если представим его в виде субъекта коммуникации и поместим его в субъектную ситуацию общения, где будет значимо как само явление, так и аудитория, которая с ним взаимодействует, а также специфика этого взаимодействия со своей аудиторией с учетом знакового воплощения всех компонентов – адресанта, адресата и кортежа.

Проработаем, *во-первых*, специфику репрезентации дискурс-анализа к учетом актуализации в нем таких дискурс-категорий, как «самоидентификация», «пространство», «время», «миссия», «роль», «атрибутивность», «деятельность».

Самоидентификация. Дискурс-анализ репрезентирует себя сегодня гораздо шире и глубже, чем это было в прошлом веке, а именно, не только как дискурс-анализ, но и как дискурс-теория, дискурс-моделирование, дискурс-перспектива, дискурс-технология, дискурс-экспертиза.

Пространство. Его пространство – это все поле современного гуманитарного и социального знания. Дискурс-анализ пересекается с дискурсивным анализом, коммуникативным анализом и многими другими исследовательскими технологиями и методиками, как то: социально-ролевым анализом, жанрово-нарративным, мифологическим, анализом социаль-

ных индикаторов (символов), риторическим, перформативным, психо-аналитическим, критическим, тема-ремагическим, интертекстуальным, когнитивным, прагма-, психо-, социо-, этнолингвистическим и др. Все это превращает дискурс-анализ в собирательный термин, приводит к переосмыслению понятия и активному внедрению множественного числа. Мы уже говорим не о дискурс-анализе как таковом (одной исследовательской практике), а о дискурсных методиках (практиках) в лингвистике, социологии, психологии, истории, а также журналистике (методы обучения журналистскому письму), методике преподавания языков (дискурсивная компетенция) и т. д.

Время. Дискурс-анализ как бы разбросан во времени. Эта разбросанность наблюдается с разных позиций. Так, разнообразен во времени материал, с которым он работает, – от исторических текстов до самых современных, как, например, анализ текстов-граффити. Разнообразны во времени и его исторические корни, что отражено уже хотя бы в том, что дискурс-анализ работает не только с планом референтных категорий (денотативное содержание, перенос акцента на реалии, стоящие за текстом), но также и с планом интерпретаций (акцент на знаковую характеристику текста), речеповеденческих (сугубо коммуникативных) реалий, типологических характеристик (общее) и эксклюзивных, единичных, отдельных (исследования отдельных случаев).

Миссия. Дискурс-анализ берет на себя миссию своего рода обратной связи в коммуникации. Человек – существо социальное, т. е. общение, взаимодействие – его ключевая характеристика. Общаясь, он познает и означает реальность, перенося ее в виртуальное пространство, в котором пересекается множество кодов (языков). Несовпадение коммуникативных интенций, мотивов, установок общающихся, их знаний (реальности и кодов), опыта (реального и коммуникативного), реальных условий (социальных и материальных) и пр. приводит к актуализации разных содержательных планов в общении. Вскрытие этих планов, реконструкция реальности (а точнее, реальностей), стоящей за текстами, получаемая благодаря или вопреки коммуникантам. Иначе говоря, дискурс-анализ – это попытка человека уйти от зависимости от созданного им же знака (текста, дискурсии), попытка показать разницу между реальностью (реальной социальной практикой) и реальностью, созданной текстом (конструированной, вербализированной). Если учесть, что современный дискурс-анализ сосредоточил свое внимание главным образом на социальных институтах, то можно сказать, что сверхзадача дискурс-анализа – показать, какова власть и какой она хочет казаться.

Роль дискурс-анализа при этом весьма скромна: он берет на себя функцию соисследователя социальной и собственно знаковой (вербальной) реальности; дополняя, уточняя, специфицируя, фокусируя. Поэтому он хорошо работает в междисциплинарных коллективах или на пару с исследователем-специалистом в узкой области знания (социологом, филологом, историком, юристом, литератором, методистом...). При этом дискурсолог сам является специалистом скорее широкого поля деятельности (методологом и/или технологом). Он хорошо ведет пилотажные работы в крупных, многоярусных, полифункциональных, комплексных исследованиях. Им хорошо завершать исследовательскую комплексную программу, ибо он во всем многообразии полученного материала поможет расставить акценты, приоритеты, высветить фокус внимания, поставить новые вопросы и проблемы.

Атрибутивность. Дискурс-анализ представлен сегодня такими свойствами, как интердисциплинарность (о чем речь уже шла в контексте пространственной характеристики) и качественность. За понятием «качественность» (и это отличает дискурс-анализ от количественных исследовательских подходов, в частности от контент-анализа) стоит: (1) признание целостного (холистического) взгляда на текст, отношение к тексту или супертексту (определенному дискурсивному пространству) как к языковому знаку; (2) фокусировка внимания на структуре текста, которая, однако, видится исследователями далеко не однозначно; (3) учет не только и не столько актуального содержания текста (исключительное внимание к актуальному содержанию характерно для количественных подходов к исследованию текста), сколько всего многообразия содержательных аспектов и видов, присущих тексту; (4) селективный подход (что предполагает отбор на первый взгляд случайных элементов текста); (5) иллюстративный, спецификативный взгляд на текст (текст иллюстрирует ту или иную тенденцию, но не тенденция заключена в тексте); (6) учет зависимости специфики актуализации плана содержания текста от субъектной ситуации общения, а именно: перенос акцента с адресанта (автора) и даже собственно с текста на адресата, аудиторию (что трактуется учеными как показатель субъективности содержания текста и, соответственно, субъективности результатов анализа, что требует отдельного разговора).

Деятельность. В самом названии явления «дискурс-анализ» ярко выражена деятельностная компонента (анализ), равно как и объект деятельности (исследуемый материал). Однако слово «анализ» несколько уводит нас от сути действия. Анализ – это лишь первый этап деятельности исследователя: разложить все по полочкам. Но то обстоятельство, что дис-

курс – это реальная речь, актуализированная в определенном социальном контексте (т. е. это уже то, что является синтезом по определению), указывает на необходимость наличия в дискурс-исследованиях стадии (а точнее, стадий) синтезирования. И чем больше категорий дискурса получает свое признание, тем более значим этот этап обобщения. Так, дискурс-исследование – это переход от анализа к различным уровням синтезирования, вплоть до глобальных абстракций. Это ключевые виды деятельности. Однако и все атрибутивные характеристики можно прочесть через деятельностную характеристику: дискурс-анализ предполагает, например, обязательное иллюстрирование материала и т. д. Можно добавить также, что здесь важны структурирование, иерархизация, систематизация и видение линейного развития текстов, что является реальными организационно-деятельностными шагами дискурс-исследователя. Наконец, такие виды деятельности, как деконструкция, конструирование, реконструкция, которые, впрочем, вбирают в себя все вышеотмеченные элементы деятельности.

Проработаем специфику репрезентации дискурс-анализа с учетом актуализации в нем таких дискурс-категорий, как «аудитория», «целевая аудитория», «реляционная коммуникативная стратегия».

Аудитория, следящая за материалами современных дискурс-исследований, в настоящее время постоянно расширяется, и это уже не только представители гуманитарного знания, но и специалисты по компьютерным технологиям, искусственному интеллекту, эксперты в других областях, широкая общественность. Именно поэтому материалы дискурс-анализа сопровождаются словарными материалами, а сам дискурс-анализ так много внимания уделяет своей терминологии.

Целевая аудитория зависит от непосредственной вовлеченности специалистов той или иной области в дискурс-исследования. В большей степени это лингвисты, в меньшей – социологи, журналисты, историки, политологи. Но и в каждой из этих дисциплин это лишь небольшая часть людей, специализирующихся в каких-то узких ее областях. Так, в социологии – это те, кто занимается качественными исследованиями текстов как социальных документов, а в лингвистике – это аудитория сегодняшнего пленарного заседания.

Реляционная коммуникативная стратегия. Для дискурс-исследований уже более не характерна актуализация таких реляционных стратегий, как «атака» или «защита». С дискурс-анализом на баррикады не идут. Он несет объективированное экспертное знание, его последователям отношения и эмоции только помеха. Сегодня актуализирована третья стратегия – «я также, я лучше», ибо дискурс-анализ приносит реальные пло-

ды, новое знание, как и всякая научная дисциплина, но он может что-то еще, и это что-то заслуживает внимания современной науки, на что она, впрочем, с интересом отзывается, вовлекая в качестве новых сторонников все новые дисциплины.

И наконец, проработаем специфику репрезентации дискурс-анализа с учетом актуализации в нем таких дискурс-категорий, как «направленная информация», «коммуникативные стратегии (предметно-ориентированная и кортежная)», «интеркатегории (интертекстуальность, интерсобытийность, интерсубъектность)».

Направленная информация (упакованная для целевой аудитории). Дискурс-анализ изначально приходил к аудитории как готовый, хорошо сбитый продукт, и практически невозможно было увидеть, из чего он сделан. Описание методологии/технологии дискурс-анализа – это маркер относительно недавнего прошлого. Теперь за ним стоят хорошо отлаженные и относительно понятные технологии. Мы сказали «относительно понятные», ибо, во-первых, следует учесть аспект междисциплинарности, а во-вторых, аспект множественности современных подходов, методик, технологий, школ, моделей дискурс-анализа. Появление академического словаря дискурс-анализа (а он вышел во Франции совсем недавно, всего лишь три года назад) дало систематизацию взглядов, но это не устранило необходимость продолжать оснащать исследовательские материалы рабочими словарями, которые обеспечивают для аудитории нужный фокус внимания. Иначе говоря, дискурс-анализ все еще остается в стадии развития, совершенствования, поиска.

Коммуникативные стратегии (предметно-ориентированные). Дискурс-анализ, а точнее дискурс-теория, имеет свое видение реальности, виртуальной реальности, знака, целей и задач исследования, объекта и субъекта исследования, свою исследовательскую философию, свои процедуры анализа. Она их сконструировала под определенную задачу, определенные условия. На основании осмысления частного построено общее. Наука получила новый угол зрения. Понимание исследовательского продукта требует знаний этой философии и процедур исследования.

Кортежная коммуникативная стратегия (контакт с аудиторией). Вопросы эффективности/неэффективности в достижении целевой группы, судя по всему, могут быть озвучены с позитивной доминантой, ибо группа специалистов в этой области пусть и незначительно, но растет, а сами эксперты ищут контактов, открывают новые журналы (как, например, региональный балтийский журнал *Respectus Philologicus*), сотрудничают в коллективных монографиях. Эти события актуализируют и другие дискурс-категории, как то: *интертекстуальность, интерсобытийность,*

интерсубъектность, работая на расширение и углубление поля дискурса-анализа, накопление опыта, открытие новых возможностей.

Итак, первый этап (сбор базы данных) в целом проведен. Дискурс-категории озвучены и осмыслены с позиций нашего предмета анализа, предмет анализа последовательно описан. Этот этап можно считать самостоятельным исследованием и на этом поставить точку, но можно его рассматривать и в качестве основы, канвы для последующего исследования или исследований. Таковым может быть **этап синтеза полученной информации**. Это оптимально проводить с опорой на синтезированные дискурс-категории или функциональные блоки. Примером могут служить ключевые функциональные содержательные дихотомии, как то: «картина мира – картина речевого поведения» (реконструкция реальности в ее опредмеченной и субъективированной данности), «знание – отношение» (фокусировка на когнитивном параметре дискурса), «смысло-сущностное взаимодействие» (культурологическая компонента), «дискурс-портретирование» (адресантно-фокусированное исследование) и т. д.

Данные этапы дискурс-анализа можно прочитывать и с позиций моделирования дискурс-исследований, но об этом речь пойдет дальше.

3.3. РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА ИЗ ТЕКСТА: КАТЕГОРИЗАЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

Понятие «дискурс» (текст в социальном контексте) дает современному обществу огромные возможности к самопознанию. Исследователи дискурса, реконструируя социальный контекст из текста, открывают специфику саморепрезентаций коммуникантов, их взаимоотношений, равно как и особенности их видения мира, их взаимоотношение с миром природы и вещей и многое другое. Все это, безусловно, значимо в контексте междисциплинарных исследований: социолог, психолог, культуролог, специалист по коммуникации, лингвист – все находят важную для себя информацию, приближающую их к более глубокому пониманию вопросов формирования и порождения многочисленных смыслов, равно как и их функционирования в обществе, переосмысления разными социальными (дискурсными) группами и, в конечном итоге, преобразования в новые смыслы.

Совершенство методик, составляющих комплексное понятие «дискурс-анализ», – одна из ключевых проблем этого еще относительно молодого исследовательского направления, ибо репрезентативность результатов исследования всегда есть и будет своего рода абсолютом для исследователя.

Мы видим решение данной проблемы по таким исследовательским направлениям, как:

- развитие категориального аппарата дискурс-исследования;
- сведение данного аппарата к различного рода классификациям;
- перенос акцента с моделей порождения на модели декодирования смыслов.

Рассмотрим поочередно эти три позиции.

Развитие категориального аппарата дискурс-исследования. Данное исследовательское направление представлено сегодня материалами, в которых проводится последовательная инвентаризация как категориального аппарата, так и актуальных аналитических практик (методик или технологий дискурс-анализа). Рефлекси́рование исследователя (определение своих исследовательских позиций) – это не просто констатация факта, как именно проводилось то или иное исследование. Это шаг вперед в его методическом обеспечении, ибо каждое исследование отдельного случая несет с собой адаптацию имеющегося в наличии методического аппарата, а значит, и его *осовременивание*, совершенствование с точки зрения его использования для решения новых задач, для работы с новыми типами текстов, новым исследовательским материалом.

Если мы посмотрим на современное состояние методологического аппарата дискурс-исследователя, то обнаружим, что это несколько десятков дискурс-категорий, каждая из которых фокусирует внимание на особом видении социального контекста, репрезентированного в тексте (дискурсии). В частности, они репрезентируют такие элементы контекста, как *время и пространство, мотив и намерения коммуниканта, его целевую установку, роль, отношение к объектам и субъектам коммуникации, уровень компетентности, диапазон знания, характер деятельности, фокусировку, активность* в коммуникации, *самостоятельность* коммуникантов (об этом подробнее см. в главе 3.4). Определяющими специфику функционирования дискурса являются также дискурс-категории: *условия* коммуникации, *сопутствующие обстоятельства* или приписанные в качестве сопутствующих, другие тексты, а точнее, текстовые реминисценции [6, с.142–150] и т. п.

Каждая содержательная категория дискурса – это знак в знаке. Она обладает и планом содержания, и планом выражения. Динамика их взаимодействия и образует саму текстуру категории, а взаимодействие категорий между собой – текстуру дискурса. Остается добавить, что категории – это для нас дискурс-знаки начального уровня. Опора на них – процессах кодирования и декодирования – обязательное условие вписывания тек-

стов в социальный контекст, т. е. в конечном итоге условие эффективности коммуникации.

Построение классификаций. Функционирование дискурс-категорий предполагает их последовательную сцепку в определенные осмысленные функциональные блоки, которые репрезентируют различные функциональные элементы контекста. Понятно, что таких классификаций может быть несколько. В их основе – та или иная перспектива видения дискурса, иными словами, методология, которая и определяет, что может (в силу такого видения) обнаружить исследователь, что попадет в фокус его внимания.

Так, это могут быть классификации, построенные на стыке *позитивизма* и *интерпретативной* методологий, где мы обязательно обнаружим игру разнообразных взаимодействий факта и отношения к нему. В результате дискурс-категории распадутся на два блока категорий: те, которые формируют картину мира, репрезентированную в тексте, и те, которые являются строительным материалом картины речевого поведения, манифестацию которой мы также можем наблюдать в результате дискурс-анализа. Наличие последней – в пафосе утверждения, что отношение есть содержание (как, например, форма прошения уже и есть прошение как таковое).

Это могут быть классификации, построенные на стыке *критической* и *постмодернистской* парадигм, где мы обнаружим игру разнообразных взаимодействий смыслопорождающей и сущностно-генеративной доминант. В результате дискурс-категории распадутся на два блока категорий: те, которые формируют картину сегодняшнего дня (со всеми проблемами, болевыми точками, преобразовательным пафосом актуальных действий), репрезентированную в тексте, и те, которые являются строительным материалом картины «размытой вечности» (того, что всегда было, есть и будет, т. е. того, что находится как бы в стороне от всех решений и стремлений субъекта, но что имманентно присуще этому миру), манифестацию которой мы также можем наблюдать в результате дискурс-анализа.

И наконец, это могут быть классификации, построенные в русле исключительно *каузально-генетического моделирования* реальности (предыдущие классификации также опираются на эту теоретическую посылку благодаря универсальной установке, изначально заложенной при ее построении), где мы обязательно обнаружим игру разнообразных взаимодействий предметной и субъектной доминант. В результате дискурс-категории распадутся на два блока категорий: те, которые формируют субъектную ситуацию общения, репрезентированную в тексте, и те, которые являются строительным материалом предметной ситуации обще-

ния, манифестацию которой мы также можем наблюдать в результате дискурс-анализа (подробнее об этом см. в главе 3.4).

Моделирование процессов декодирования смыслов (перенос акцента с моделей порождения на модели декодирования текста). Моделирование – это такая посылка исследования, которая, являясь одновременно и отправной, и завершающей точкой исследования, позволяет увидеть специфику функционального бытия дискурса во всей его целостности. Это происходит в связи с возможностью увидеть такое явление, как дискурс, в его собственно контекстуальной данности, а именно: в проецировании дискурса на дискурсные сообщества. И это не «масло масляное». Дискурсные сообщества (кортеж) неизбежно вписаны в дискурс и являются его содержательным элементом. Однако одновременно дискурсные сообщества – это и условие функционирования дискурса. Без них мы не можем говорить как о самой возможности реализовать эффективную коммуникацию, так и о факте реализации этой возможности.

Сегодня мы полагаем, что построение моделей успешного порождения различных типов дискурса (как и моделирование процессов оптимального их декодирования) находится на стадии своего формирования. Исследования в области межкультурной коммуникации, гендерно-ориентированной коммуникации, коммуникации с учетом актуализации возрастных, профессиональных, статусных, конфессиональных компонентов содержания, безусловно, работают на построение данной теории моделирования. Опора на глобальные дискурс-категории (*дискурс-картины* в их взаимодействии, т. е. дискурс-категории кластерного типа) при изучении специфики функционирования разнообразных типов дискурса видится в связи с этим наиболее эффективной.

3.4. ДИСКУРС-КАТЕГОРИИ И ИХ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ: КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Дискурс-категории – это операциональные составляющие анализа содержания дискурса, аналитическая фиксация функциональных потоков дискурса как вечно живого текста, текста, погруженного в жизнь. *С одной стороны*, дискурс-категории являются репрезентантами смысловой структуры дискурсов (дискурсных практик). Это – группа *дискурс-категорий первого порядка*, которая опирается на аспектно-языковой план (фонетический, грамматический, лексический, стилистический). *С другой стороны*, в ходе анализа (индуктивный путь) выявляются сложно-состав-

ные, комплексные дискурс-категории – *дискурс-категории второго порядка*, которые опираются на составляющие коммуникативного процесса (андресант, адресат, высказывание) с его тематической и кортежной составляющими, с актуализацией разнообразных кодов, контекстов. При этом категории первого и второго порядка взаимозависимы, одна может переходить в другую, и наоборот.

В процессе анализа исследователь интуитивно идет либо индуктивным, либо дедуктивным путем, объединяя их абдуктивно, т. е. выстраивая гипотезы с целью их верификации. Соответственно, возможен старт исследовательского процесса *от общего к частному*, когда на первом этапе выявляются категории, заведомо определяемые как сложносоставные, динамически развивающиеся. Любопытно при этом, что опытный дискурсист, анализируя конкретные дискурсии, сразу видит актуализированные в них сложносоставные, динамически развивающиеся дискурс-категории, однако вряд ли может сказать со стопроцентной вероятностью, какие именно простые дискурс-категории определяют их развитие.

Важный вывод, к которому мы пришли в процессе реконструкции сложных и простых, функциональных и динамических дискурс-категорий с целью описания различных типов дискурса [7–8], заключается в том, что классификационные модели разных типов дискурса довольно редко совпадают. В связи с этим можно сказать, что вряд ли нужно приводить все дискурс-категории к единой классификации. Впрочем, такая классификация возможна, но ее смысл исключительно в инвентаризации возможностей дискурса (статический аспект). В контексте функционально-динамических исследований (дискурса в целом, типов дискурса в частности и отдельных дискурсий в особенности) нам видится разумным классифицировать дискурс-категории по разным *целям* (целевым установкам исследования) и *основаниям*, а именно:

○ по *наличию* категории в дискурсе в целом в отдельном типе дискурса, в отдельной дискурсии (структурная составляющая);

○ по *значимости* в дискурсе в целом, в отдельном его типе и отдельной дискурсии (иерархическая составляющая);

○ по *функциональной наполняемости* (линейная составляющая), а значит, и ролевой состоятельности; по *специфике репрезентации* (системная составляющая).

Способы классификации дискурс-категорий в контексте каузально-генетических исследований были предложены и апробированы в разных контекстах, в том числе при построении дискурс-портретов [9, с. 15–35, 354–355], где классификационная данность представлена по первому из вышеназванных оснований (по наличию). Так, все дискурс-категории

(а их в контексте данного исследования выделено 33, однако показано, что список остается открытым) классифицируются как отражающие и конструирующие (1) адресанта, (2) адресата, (3) кортеж, (4) коды общения. Данная классификация – просто попытка провести инвентаризацию для удобства читателя, который в дальнейшем, возможно, станет исследователем, использующим методику дискурс-портретирования.

Напомним, что в данном исследовании, предлагающем классификацию по первому основанию (*по наличию*), выделены следующие категории:

○ **первая группа** (адресант-идентифицирующая группа): как, например, *самоидентификация* (адресанта), *атрибутивность* (качества адресанта – реальные или приписываемые), *деятельность* (набор деятельностных характеристик адресанта), *пространство и время* (адресанта), *роли* (адресанта), *миссия/цель*;

○ **вторая группа**: *аудитория, целевая аудитория, реляционная коммуникативная стратегия*;

○ **третья группа**: *направленная информация, коммуникативные стратегии*, в том числе *предметно-ориентированная, кортежная, контактная* (контакт с аудиторией), а также три интеркатегории: *интертекстуальность, интерсобытийность, интересубъектность*;

○ **четвертая группа**: *корреляция миф – реальность, риторические и дискурсные практики, лингвистический статус, энциклопедические знания, правильность речи, вариант языка, специальная терминология, стилистический диапазон, интерактивность, невербальное поведение, открытость/закрытость и степень активности адресанта в коммуникативной ситуации*.

В контексте дискурс-портретирования дана также классификация дискурс-категорий по основанию **функциональная наполняемость**, а именно:

○ если исследователь выполняет **идентификативно-интерпретативный анализ** с целью составления дискурс-портрета, то он опирается на такие дискурс-категории, как *самоидентификация, атрибутивность, деятельность, дейксис* (время и пространство), *миссия*;

○ **анализ кода** требует реконструкции специфики *модальности* (реальность – виртуальность), а также внимания к дискурс-категориям *аудитория, целевая аудитория, контакт с аудиторией* (формы обращения), *направленная или упакованная информация* (лексико-семантические поля дискурсов, ключевые поля);

○ **нарративный анализ** означает внимание к *соотношению миф – реальность, линии ключевых слов, выражению оценки (отношения)*, а также к категории *открытость – закрытость жанра* (жанр здесь рассматривается с позиции содержания, но не формы);

○ **анализ коммуникативных стратегий**, или **мотивационно-целевой анализ**, привлекает внимание исследователя к специфике *типа дискурса*, репрезентированного реальными дискурсиями, а также в этом контексте важно реконструировать все три вышеназванные *интеркатегории*;

○ **риторический анализ** фокусирует внимание исследователя на *приемах ценностного, фактологического, нейролингвистического воздействия*.

Идентификативно-интерпретативный, или номинативный, анализ подобен на тема-рематический, однако используется не на узком (сегмент текстопорождающей практики), а на более широком пространстве (макротекст). Его назначение – *идентифицировать* все позиции, становящиеся или способные стать тематическими, в том числе сквозные темы дискурсий (топики); *определить* характер их развития и фокусировку с учетом того, что сквозные темы могут быть и предметно, и субъектно, и знаково ориентированы.

За анализом кода стоит вдумчивое и внимательное отношение к вербализации дискурсии – тем и кортежей, смыслов и фокусов внимания в их потенциале, ибо потенциал предполагает включение всего возможного разнообразия аудитории (каждый сегмент аудитории актуализирует свое содержание).

Объект нарративного анализа – событийность, ибо дискурсия есть хэппенинг (happening), перформанс (performance), которые, подчиняя себе адресата, как бы диктуют видение событий. Любопытно, что здесь «работают» дискурс-категории всех четырех подклассов предыдущей классификации. Наррация, как поводок, от длины которого зависит степень свободы аудитории в трактовке явлений действительности и взаимоотношений в социуме.

Анализ коммуникативных стратегий – точечная диагностика, используемая в нашем случае (в случае дискурс-портретирования) для мотивационно-целевого среза поведения коммуникантов. И здесь опять наблюдается пересечение всех составляющих первой (структурной) классификации.

Анализ дискурсных практик и риторический анализ предполагают, как и в предыдущих случаях, не просто констатацию того, что то или иное явление присутствует в дискурсиях, но и указание на то, как именно оно присутствует и в каком сочетании, с какой целью реализуется и что при этом происходит с непосредственным объектом исследования.

Важный вывод отсюда заключается в том, что в каждом случае иной тип классификации по-иному выстраивает дискурс-категории, а значит, и отношения между ними. Это, в свою очередь, означает, что классификационный подход к изучению дискурс-категорий может превратить-

ся из *описательного в метод моделирования*, ибо помогает проникнуть вглубь, увидеть сущность явления, разобраться в характере и механизме его функционирования.

При желании ближе познакомиться с использованием метода моделирования в контексте реконструкции дискурс-категорий и их классификации в рамках каузально-генетического подхода можно обратиться к монографиям А. В. Поповой [10], Е. В. Савич [11], Л. В. Курчак [12], О. В. Лушинской [13]. Другие материалы – коллективные монографии [9, 14], международные научные периодические издания (как, например, *Respectus philologicus* [15–17], а также университетские периодические издания Беларуси, России, Украины [18–23]).

Полагаем, что в этом контексте следует отнестись внимательнее к классификациям дискурс-категорий, которые проводят исследователи дискурс-пространства других научных школ, ибо классификации, построенные с позиций теоретического и практического опыта осмысления явления, помогают верифицировать друг друга, реализуя дискурс-исследования с позиции новых возможностей лингвистики дискурса, выступающей в единстве теоретической, практической и прикладной сфер.

Что еще можно добавить к вопросу о дискурс-категоризации и классификации как методу познания специфики организации и функционирования типов дискурса? Опираясь на каузально-генетическое моделирование, можно отметить, что достижения в области моделирования макро-категории дискурса – дискурс-картин мира и дискурс-картин короткого взаимодействия (интеракции как содержательного пространства дискурса в целом и дискурсий в частности) – открывают возможности и своего рода подсказки для моделирования иных макрокатегорий, заданных этим подходом, а именно: дискурс-картины знания и дискурс-картины отношения, дискурс-картины смыслового (актуального) и сущностного (потенциального, культурологического) содержания дискурсов.

Каждая из этих картин состоит из функциональных примитивов, репрезентирующих контент-контекстное взаимодействие (единство привязки к феномену и идее) и репрезентировано иерархически, структурно, системно и линейно.

Мы полагаем, что кластерные дискурс-категории (контент-контекстного порядка, с учетом «прочитанности» этих категорий в динамике взаимозаменяемости контент-контекстной составляющей дискурса) позволяют исследователю быть более мобильным и гибким в дискурс-исследованиях нового поколения.

3.5. ТЕМА-ЦЕНТРИЧНЫЕ И ПРОБЛЕМА-ЦЕНТРИЧНЫЕ КОНТЕНТ-ИССЛЕДОВАНИЯ (расширение операционального объема категорий контент-анализа)

Количественный анализ текстов, так же как и качественный, претендует на научную состоятельность и надежность результатов. В том и другом случае исследование можно воспроизвести (повторить), его результаты допускают «аудит», т. е. проверку согласно правилам избранной или альтернативной процедуры. Оба подхода имеют дело с закономерностями (текстовыми регулярностями) и используются для анализа продуктов культуры (т. е. артефактов), а не чего-то единичного, неповторимого (того, что мы относим к предметам искусства). Любая из этих процедур исключает возможность анализа текстов с позиций их моральной или эстетической ценности. Наконец, эти методы в принципе инструментальны, т. е. носят характер технологий с той лишь разницей, что опираются на различные базовые (теоретические) посылки. Так или иначе, все они используются для того, чтобы ответить на вопрос: какова связь между содержанием, автором, социальным контекстом и получателем текста?

Это указывает на возможность совмещения качественного и количественного подходов. В частности, такой «симбиоз» оказался продуктивным при изучении текстов телевизионных новостей [24, с. 65–80] и доминирующих форм (жанров) телевизионных передач (анализ культурных индикаторов Гербнера [25, с. 555–573]). Мы не можем, однако, избежать дискуссии о том, где находятся границы традиционного контент-анализа. Отмечается, например, что обычная практика подготовки системы категорий (даже с учетом ее полевой проверки) содержит в себе опасность субъективизма: исследователь, скорее, навязывает свою систему значений, чем берет ее из реального содержания текста. Селекция материала потенциально разрушает, а не реконструирует текст.

Контент-анализ на выходе как бы несет с собой новый текст, значение которого может и будет расходиться с оригинальным (исходным) материалом. Ограниченность произведенного контент-анализом содержания вызвана также тем, что это (в любом случае) искусственное «чтение», которого нет и не может быть в естественных ситуациях общения. Новое (генерированное анализом) значение не может быть соотносено ни со значением автора, ни со значением аудитории, ни со значением самого текста в его целостности, а есть некий четвертый вариант. Отчет, предоставляемый контент-анализом, не реконструирует также и контекст. Внутренние отношения между референтами текстового содержания также могут

быть потеряны из-за категориальности (абстрактности) подхода. Вопросы реальной сложности операционализации (однозначности) тематической направленности текстов, их знаково-контекстной определенности, стиля и интерпретативных рамок также дополняют список проблем, ограничивающих возможности использования контент-анализа.

Смещение двух исследовательских парадигм (традиций) порождает новую традицию – традицию комплексных, многоцелевых, многоуровневых функциональных и полифункциональных исследований.

Разработка методологических и теоретических вопросов, связанных с построением интегративной парадигмы, требует введения новых понятий – **тема-центричного и проблема-центричного** типов контент-анализа, а также особого внимания к тому, что стоит за каждым из типов.

Контент-исследование всегда концентрирует свое внимание либо на определенной исследовательской теме, либо на проблеме. Понятия «тема» и «проблема» не рассматриваются в аспекте широты-узости. Они оба достаточно широки и пересекаются друг с другом лишь на относительно небольшом участке, а именно на этапе вербализации, формулирования. Но если **проблема** уходит далее в область реконструирования, моделирования реальности, а затем поиска подтверждения этих искусственно построенных моделей в текстах, то **тема** – в область реконструкции, определения специфики самой реальности как таковой. Иначе говоря, проблема – это, скорее, гипотетическая, виртуальная реальность, которая вычленяется из социального контекста и приписывается тексту, а тема – это сама реальность в текстовой репрезентации. Первый подход сродни так называемому классу или типу парадигматических, или **системных**, исследований, в то время как второй – классу **функциональных и полифункциональных** исследований, где репрезентация изучается как одно из проявлений текстовой деятельности (понятно, что этим оно не исчерпывается).

Итак, одно из назначений тема-центричного контент-исследования – изучение специфики репрезентации реальности в текстах как документах, свидетельствующих о коммуникантах и их деятельности в аспектах национальной, этнической, расовой, гендерной, возрастной, социальной, профессиональной или/и любой другой актуализируемой (репродуцируемой) сферы.

Изучение специфики репрезентации реальности в периодических изданиях разных направлений сохраняет свою безусловную актуальность, ибо помогает изучению того, что представляет собой данный отрезок реальности как «в поле оценок» (выявление тенденции подачи явления в его идеологической окраске), так и «в безоценочном пространстве», когда сама реальность во всем ее многообразии извлекается из ее многознач-

ных трактовок. С другой стороны, такое изучение помогает увидеть направленность мнений и отношений, формирующих поведенческое поле субъектов коммуникации.

Изучение плана содержания текста СМИ с позиции их участия в современном коммуникативном процессе предполагает учет таких его функций, как отражение (когнитивная), конституирование реальности (организационная), формирование поведенческой заданности субъектов коммуникации, поиск исторической перспективы и ретроспективы (открытости и опоры на опыт поколений), осмысление социального и индивидуального опыта, вербализация (виртуализация), систематизация (закрытость). Иначе говоря, план содержания текста для нас – это не «одноклеточная» структура, а ряд параллельных структур в их функциональном взаимодействии, одновременность действия и поведения, наличие реальности и виртуальности.

Сложность структуры и противоречивость функциональной реализации данного явления, его одновременная открытость и закрытость, принадлежность к полю действия и к полю поведения, полю реальности и полю виртуальности требуют, в свою очередь, и усложнения метода его изучения.

Наш подход, учитывая неизбежное многообразие изучаемого объекта, способствует тому, что получаемые данные изначально не будут «мертворожденными», т. е. интересными только в ретроспективном плане, а открыты для новых интерпретаций. Иначе говоря, речь идет о том, что результаты контент-анализа становятся базой данных, от которой исследователь отталкивается в дальнейших исследованиях, что принципиально невозможно, если данные не отражают всей полноты содержания.

Любое явление представляет собой не только частный случай более общего отношения или тенденции, но оно ситуативно (то, что может быть для нас case study). Факт не существует вне отведенной ему функции. Так, если издание (газета), автор отводят ему эту функцию, то факт под стать этой газете (автору), т. е. «равен» ей, а не самому себе. Газета видит то, что видит. Газета делает из него то, что ей надо. Вопрос в том – что именно видит в данном конкретном факте газета, что именно ей надо. А также в том, какие газеты читаем мы, что надо нам, что становится ново для нас в том или ином событии. И последнее, но не менее важное – что передается, коммуницируется, независимо от того, кто и кому это передает, ибо «кто» может быть совсем не тем, за кого он себя выдает, а «кому» – совсем не той аудиторией, к которой обращался данный «кто».

Это значит, что текст так же значим для исследователя, как и сама реальность: он неоднозначен и требует интерпретации. (Такой подход не-

сколько отличается от традиционного отношения к тексту как к социальному документу, которое мы наблюдаем среди социологов-позитивистов. Текст для социолога – факт, равнозначный изучаемой реальности, а структура текста всецело подчинена структуре социума.) Новый взгляд дает возможность нового подхода к выбору и операционализации категорий анализа. Такие категории могут быть сформулированы достаточно абстрактно, получая свое развитие в каждом конкретном тексте.

Остановимся на трех категориях содержания – «оценке», «позиции» и «актуальности». Предлагаем новую трактовку этих категорий, а именно – их прочтение в динамике взаимодействия субъект-объектных и субъект-субъектных характеристик (маркеры первых двух категорий при этом принципиально не меняются).

Оценка включает в себя как минимум две позиции: (1) *субъект-объектную* – с учетом того, как событие структурируется и оценивается автором (здесь важно то, что события не просто названы, а «проработаны», объяснены), и (2) *субъект-субъектную* – проявляется в тех материалах, где автор «обрабатывает» не событие, а читателей. Возможен также и третий замер. Это случаи, когда есть и то и другое (предмет разговора очень важен для автора, и он стремится задействовать все возможные пути воздействия на аудиторию: максимально развернуть предмет обсуждения и «втянуть» читателя в дискуссию). Здесь важна и иерархическая организация материала – какие имена привлекаются: те, кто знает предмет разговора (профессионалы), или те, кто пользуется доверием общества (кинодеятели, актеры, писатели, моральные авторитеты). Усложнение категории оценки позволяет выявлять особую значимость, «эксклюзивность» тем, событий, фактов и актуализацию различных сторон репрезентации события (функцию отражения и воздействия).

Позиция. Здесь мы можем выделить такие аспекты, как (1) собственная (позиция журналиста), (2) «заемная» (позиция журналиста через апеллирование к позициям других авторов, авторитетов или читателя) и (3) единство позиций: журналист идентифицирует себя с читателем (единый кортеж). Усложнение данной категории особенно интересно для исследований, посвященных темам, дискутируемым общественностью. Применение данной категории вводит элемент дискурса-анализа в контент-аналитические исследования.

Актуальность темы. Определяется с помощью следующих маркеров: (1) сиюминутная актуальность (заданная дейτικότητα текста: здесь, сейчас); (2) придание теме исторического статуса; (3) смешанный тип. С помощью данной категории фиксируется статус темы (события): то ли это

«однодневка», то ли крупное и закономерное явление, то ли нечто, что не имеет пока своего статуса.

Важным фактором категориального обеспечения контент-исследования является сведение категорий анализа в **индексы**. Возможно выделение различных групп или классов индексов. Согласно каузально-генетической теории содержания текста, которая и определяет программу контент-исследования с учетом интегративного подхода, это могут быть субъект-объектные и субъект-субъектные характеристики, смысловые и сущностные, а также содержательные характеристики, ориентированные на значение и значимость текста. В данном случае мы берем за основу классификацию, построенную на дихотомии субъект-объектные – субъект-субъектные отношения, полагая, что она является наиболее перспективной для тема-центричных контент-исследований.

I. Индексы субъект-объектных характеристик содержания материалов: география интересов, тематический диапазон, структурированность, информативность, типологическая принадлежность.

II. Индексы субъект-субъектных характеристик содержания материалов: монологичность – диалогичность, открытость – закрытость, популярность – качество, информативность – аналитичность, информативность – дидактичность, собранность – дистанцируемость субъектов коммуникации.

Индекс «**география интересов**» фокусирует внимание не на месте события, а на том, *интересы* каких регионов, страны и мира затрагиваются в статье. В некоторых случаях эта информация домысливается, ибо не всегда география интересов указывается в статье непосредственно. Для нас важно, кто инициатор обсуждаемой темы или события, на каком уровне ведется обсуждение (одно дело, когда разговор ведет национальный лидер, и совсем другое – местный функционер).

Индекс «**тематический диапазон**» указывает, в какой сфере сосредоточены *интересы*, отраженные в материале, как они поданы (избыточность/ограниченность). Маркируется степень (ранг) интересов.

Индекс «**структурированность**» является показателем зрелости издания (констатирует обретение изданием своего лица).

Индекс «**информативность**» складывается из прочтения во взаимодействии ряда индексов, таких как география интересов, тематический диапазон, структурированность.

Индекс «**типологическая принадлежность**» определяется как суммарная характеристика издания с учетом всех результатов индексирования.

Индекс «**монологичность – диалогичность**» состоит из таких категорий, как жанр, язык, позиция статьи.

Индекс *«открытость – закрытость»* определяется через такие категории, как авторская маркированность, форма аргументации, жанр.

Индекс *«популярность – качественность»* выводится из замера таких категорий, как форма аргументации, жанровая палитра, позиция.

Индекс *«информативность – аналитичность»* определяет взаимодействие и соединение жанров и форм аргументации.

Индекс *«информативность – дидактичность»* характеризует степень дистанцирования участников общения. Здесь активная роль принадлежит таким категориям, как жанр и модальность, при решающей роли последней.

Индекс *«соборность – дистанцированность субъектов коммуникации»* конструируется посредством таких категорий, как позиция, оценка субъект-субъектных отношений, жанр, терминология.

Появление индексов не случайно, ибо для нас важна внутренняя динамика исследования. Каждая из категорий имеет свои маркеры, т. е. свою логику построения, которая может пересекаться с другими категориями, образуя более общие понятия – индексы. При необходимости на этапе обработки данных мы всегда можем перейти от категории к индексу и обратно. Индексы позволяют получить суммарный портрет (образ) как события/темы, так и типологии издания (речевого поведения).

3.6. ЖАНР И ФОРМАТ В ДИСКУРС-ПРОЕКЦИИ

Жанрово-форматная характеристика дискурса – это набор латентных проявлений его содержания, обеспечивающих содержанию объем и приносящих в него кортежную осмысленность [26, с. 62]. Мы воспринимаем эту характеристику не только в контексте комплементарности, но и в контексте их контрастного сосуществования. Идея контраста призвана отразить факт того, что одна позиция оттеняет другую, без одной не видно другой (может быть, именно поэтому наблюдается общая тенденция к их слиянию в исследованиях коммуникативных продуктов). Что же именно оттеняет каждая из позиций, мы и постараемся отразить в нашем докладе.

В рисунках каузально-генетической модели содержания дискурса позиции жанр и формат представляются как проявления кортежного содержания, характеризующего особенности взаимодействия «адресант – адресат» в их системной (жанр) и структурной (формат) данности. В уточняющей версии модели формат несет в себе социальную, а жанр – индивидуальную характеристики кортежа, что и наблюдается в реальной практике общения. Покажем это на примере телевизионных передач.

Формат. Что мы имеем на сегодняшнем телевидении в разных (в частности, европейских) странах? Набор стандартных передач, типовое содержание которых легко понять, не зная языка, но видя символику, картинки, людей в одних и тех же позах, за одной и той же типовой мебелью, пользующихся одним и тем же набором технических средств... Это и новостные передачи, и развлекательные («Кто хочет стать миллионером», «Танцы со звездами»...), постановки типа «Моя прекрасная няня» и др. Одно и то же время отведено на передачу, в них одна и та же последовательность действий, одни и те же типажи... Данные стандарты – предмет купли-продажи мирового сообщества, ибо они не имеют национальной или языковой специфики. Это своего рода матрицы общения в период глобализации, и они служат средством общения и самовыражения уже не национальных, а межэтнических, межнациональных сообществ, неся в себе картину этого нового мира, задавая новые стандарты общения. Перемещаясь из страны в страну, люди уже ожидают увидеть не национальные, а эти глобальные стандарты общения – знакомые форматы, которые программируют ожидаемое содержание. Формат – это и набор заданных участников в определенных отношениях, и отведенное им время для реализации своих ролей, и пространственная организация общения. И все это соподчиняет и диапазон предмета общения, и его глубину. Набор форматов социально задан: страны закупают те форматы, которые осмысливаются как необходимые обществу. Включение реальных коммуникантов в те или иные форматы с позиции участника есть индивидуальный выбор. Но в этих форматах участники, что бы они ни сказали, неизбежно соподчинены социальному заказу и являются трансляторами этого заказа. Таким образом, изучение содержания коммуникативного продукта с позиции формата есть изучение кортежного содержания с позиций его социальной составляющей. Вот почему построение теории форматов видится нами как задача, безусловно, интердисциплинарная, нежели собственно филологическая.

Жанр. Позиция данного термина в современной лингвистике (в отличие от формата) весьма прочна. Так, если формат становится все в большей степени в фокусе внимания наук, изучающих социальное знание в целом и коммуникативистику в частности, то жанр всегда был и остается в центре внимания филологии, а в последнее время (в связи с тем, что текст и даже макротекст считаются объектом языковедческих исследований) и лингвистики. Теория жанров (в любом из ее прочтений) есть доказательство того, что жанры – это и характеристика самой языковой системы, и ее проявлений в речи. Иначе говоря, системность есть ключевое свойство жанра. Наличие теорий языковых и речевых жанров, жанров с фокусом внимания как на формальные, так и содержательные признаки

текста указывает также на такое свойство системы, как открытость, которая обеспечивает «потребителя» такой системы определенной долей свободы. Жанр есть способ и знак речевого поведения, открытый разным трактовкам. Он также открыт разного рода внутренним (содержательным) и внешним (формальным) трансформациям, а вместе – национальной колористике. Все это говорит о том, что жанр осмысливается социально, но используется индивидуально языковыми пользователями. Именно поэтому он отражает лицо своего пользователя.

Вхождение коммуниканта в жанр отлично от вхождения в формат общения. Включившись в жанр, приняв его, коммуникант остается в достаточной степени свободным в выборе глубины общения, развертывании (линии) общения и даже в сохранении и реализации своей иерархии целей, задач и мотивов общения, что однозначно не так в контексте формат-заданного речевого поведения. Попадая в формат, общающийся не волен реализовывать свои цели – он неизбежно соподчинен только тем целям, которые однозначно приемлет заданный формат общения (глубина общения зависит от времени, которое отведено на общение, а линию общения все равно скорректирует ведущий, равно как и подытожит высказанное, расставив свои акценты, заданные рамками формата).

Таким образом, жанр и формат – принципиально разные направления реализации дискурса, обуславливающие его содержательные характеристики. Понимание того, какие именно содержательные характеристики создают каждый из них, помогает общающимся осознать возможности и «заслоны» одного и другого и использовать их или соподчиниться им в зависимости от обстоятельств. Исследователю это знание помогает больше узнать и об общающихся, и о предмете общения, а также и о контексте общения, а значит, переосмыслить содержание с позиции контекста, с позиции возможного и невозможного, планируемого и реализованного. Это знание помогает исследователю также проникнуть в прототипическое содержание и дать оценку не столько данному конкретному коммуникативному продукту, сколько самому факту его функционирования.

3.7. ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ С ПОЗИЦИИ КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Изучение политического дискурса предполагает не только знание того, какие стратегии используются в данном дискурсе и каковы их типовые черты (а значит, и того, как мы можем их классифицировать), но и знание механизма их функционирования. Последний включает, во-первых,

сопричастные элементы содержания: (1) **внелингвистические**: (а) *психологические* (инициальные, речеповеденческие, иерархические), (б) *логические* (гносеологические, структурные), (в) *тематические* (семиологические, референтные); и (2) собственно **лингвистические**: (а) *языковые* (системные), (б) *речевые* (линейные) и (в) *речедейательностные* (риторические). И, во-вторых, знание о том, как эти элементы соотносятся между собой в речетворчестве (текстопорождении и текстовосприятии), а также и знание контекста их функционирования (вербального и невербального) с учетом национальной, профессиональной, возрастной, гендерной и иной социально-ориентированной специфики и, соответственно, знание субъектной и объектной ситуации общения.

Все вышесказанное имеет непосредственное отношение к проблеме операционализации коммуникативных стратегий. Поиск дискурс-категорий, которые являются операционализаторами коммуникативных стратегий, возможен на основе каузально-генетического моделирования дискурса, что было обсуждено выше. Здесь же мы остановимся лишь на одной дискурс-категории и ее операционализации – коммуникативной стратегии.

Мы исходим из того факта, что коммуникативная стратегия – это не просто содержательный элемент текста, но своеобразный текст в тексте, т. е. дискурсия, которая может быть самостоятельным объектом исследования. Причем пересечение различных стратегий в одном макротексте означает пересечение ряда текстов в рамках одного текстового образования.

Мы полагаем, что основной содержательной дихотомией в текстуре коммуникативной стратегии должна быть дихотомия «предметно-ориентированное/субъектно-ориентированное содержание», ибо стратегии представляют собой либо реляционную (субъект-субъектную), либо тематически-фокусированную (субъект-предметную) направленность.

Исходя из этой посылки, можно предположить, что **стратегии реляционного характера** (*атака, защита, продажа, игнорирование и перехват инициативы: «я также... я лучше»*), описывающие речевые действия коммуникантов с точки зрения их отношения к последующим или предыдущим речевым действиям политического соперника (инициальная или ответная реакция), безусловно, **объективируют субъект**, рассматривают его в качестве объективной реальности, с которой надо что-то делать (нападать, защищаться от нее, игнорировать ее или же прецензировать).

С другой стороны, **стратегии тематического плана** описывают их содержание как позиционные, (1) например: *создание псевдособытий, на-*

значение на государственные или внутрипартийные посты, создание специальных подразделений для исследования острых социальных проблем, распределение государственных или общественных доходов, проведение переговоров или консультаций с мировыми лидерами, манипулирование социально-экономическими проблемами, выражение поддержки со стороны авторитетных лидеров, превознесение успехов или критика в адрес других, позиция «над схваткой», суррогатное проведение политической компании, раздувание определенной внешнеполитической проблемы до масштабов международного кризиса; конфронтационные, (2) например: критика деятельности оппонентов, наступательная позиция в полемике, призыв к переменам, подчеркнутый оптимизм, выступление в защиту традиционных ценностей, имидж центриста, делегирование критики с целью отстранения от демагогической риторики), всегда, вне всякого сомнения, **субъективируют объект**, делая его соподчиненным субъекту, его целям и задачам, выступают в качестве субститутов субъекта (недаром говорят, что дело само за себя говорит).

В обоих случаях (при концентрации внимания на объективированном субъекте или субъективированном объекте) анализ коммуникативной стратегии, рассматриваемой как текст в тексте, т. е. в качестве сложного языкового знака, предполагает, с одной стороны, обращение к анализу как внешнего (экстенционального, невербального), так и внутреннего (вербального, виртуального, знакового) содержания. С другой же стороны, каждая из этих характеристик не является чем-то застывшим, монолитным, а раскрывается и обогащается в речевой динамике. Этот процесс «схватывает» и обобщает каузально-генетическая модель плана содержания текста, именно ее мы и взяли за основу построения таблиц, отражающих возможные элементы операционализации изучаемых нами коммуникативных стратегий. Здесь мы рассмотрим таблицу, которая может быть использована для проведения анализа инициальных стратегий (таких как атака, защита, реклама, продажа), т. е. тех стратегий, предметом анализа которых становится объективированный субъект.

Какой бы ни была инициальная стратегия, она реализует себя через определение (идентификацию) того, на что нападают или что защищают. Причем это может быть не только реальный человек или группа людей, но и события, явления, предметы, ассоциируемые с этим субъектом. Определение (идентификация) получает знаковое развитие и поэтому в таблице в качестве элемента операционализации присутствует знаковая интерпретация объекта атаки, который мы представили как объективированный субъект (ОС). Далее, важно проследить, как ОС идентифицируется в реальном (внезнаковом) пространстве. Среди элементов этого

плана мы выделили: СО с позиций его качественного и деятельностного выражения, а также пространственного (включенность в ситуационно-деятельностное поле) и временного.

Инициальные коммуникативные стратегии проявляют себя и в процессе собственно **риторической деятельности**, в которую могут входить логические и эмоциональные компоненты. Сюда мы должны отнести:

- использование всякого рода переносов и уход от «прямых» значений (метафорический и/или метонимический язык, наклеивание ярлыков);

- актуализацию однозначности (с помощью приема «экстраполяции») или многозначности, непомерно сложного, комплексного содержания, задаваемого некоей абстракцией или рождаемого ее «размытым» образом (мифологизация);

- трансформацию грамматического или синтаксического уровней (риторический вопрос, обращение, маркированная модальность);

- введение эмоционально-окрашенной лексики (экспрессивность) или использование других способов актуализации отношения, т. е. прагматического содержания (ирония, скептицизм);

- «эксплуатацию» статистики;

- использование целого арсенала логических структур и алогизмов.

Таблица 3.1

Коммуникативная стратегия в ее операционализации

Характеристика		Стратегия (название)	1
Знаковая характеристика		идентификация субъекта (через номинацию)	2
		интерпретация субъекта	3
Оценочная характеристика		характеристика деятельности	4
		характеристика качеств	5
Пространственная характеристика	Субъект описывается в ситуации	реальной	6
		виртуальной	7
	Субъект описывается во взаимоотношении	интерсобытийность	8
		интерсубъектность (в противопоставлении)	9
		интерсубъектность (в отношении)	10
		интертекстуальность	11

Характеристика	Стратегия (название)	1
Временная характеристика	прошлое	12
	настоящее	13
	будущее	14
	не фиксированное время (отсутствие указания на время)	15
Риторическая характеристика	экстраполяция	16
	метафоры, сравнения	17
	риторический вопрос	18
	«слова-ярлыки»	19
	мифы	20
	ирония, скептицизм	21
	маркированная модальность	22
	логические приемы	23
	экспрессивность	24
	обращение	25
	оперирование цифрами	26

Все эти элементы операционализации (следует отметить, что список не является исчерпывающим) введены в таблицы, заполнение которых и представляет собой **этап сбора данных**. Образец, помогающий собрать базу данных (табл. 3.1), представлен ниже. Языковые, речевые и экстралингвистические факты подвергаются в дальнейшем сопоставительному анализу, в результате чего собирается (реконструируется) сама стратегия.

Библиографические ссылки

1. The Oxford Illustrated Dictionary. Oxford Univ. Press, 1962, 1975. P. 239.
2. Webster's New World Dictionary of the American Language. The world Publ. Co, 1957. P. 417.
3. Nouveau Petit LAROUSSE illustre. Dictionnaire encyclopedique. Paris, 1952. P. 308.
4. Испанско-русский словарь / под общ. ред. Ф. В. Кельина. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1962. С. 338.
5. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1990. С. 136–137.

6. *Супрун А. Е.* Текстовые реминисценции в газетных текстах // Методология исследований политического дискурса. Минск : Технопринт, 2002. Вып. 3. С. 142–150.

7. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998. Вып.1 ; Вып. 2. 2000 ; Вып. 3. 2002 ; Вып. 4. 2008; Вып. 5. 2008; Вып. 6. 2009.

8. La Table Ronde. Вып. 1: Дискурс в академическом пространстве : материалы междунар. круглого стола, 3–5 апр. 2009 г., Минск. Минск : Изд. центр БГУ, 2010 ; Там же. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск : РИВШ, 2013.

9. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : Технопринт, 2002. Вып. 3. С. 15–35, 354–355.

10. *Попова А. В.* Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации. Вильнюс : Изд-во Вильнюс. ун-та, 2010.

11. *Савич Е. В.* Медийный дискурс лоббирования: опыт анализа. Минск : БГУ, 2012.

12. *Курчак Л. В.* Дискурс деловых переговоров: опыт анализа. Минск : БГУ, 2012.

13. *Луцинская О. В.* Обучение иноязычному письменному дискурсу в контексте профессионального общения [Электронный ресурс]. Минск : БГУ, 2011. URL: <http://www.elib.bsu.by>.

14. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : Изд. Центр БГУ, 2009. Вып. 6: Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика.

15. *Туркина О. А.* Анализ актуализации реляционных коммуникативных стратегий в телевизионной игре «Последний герой 1» // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С. 174–183.

16. *Савич Е. В.* К вопросу о построении интегративной методики анализа дискурса // *Respectus Philologicus*. 2011. № 19 (24). С. 212–219.

17. *Савич Е. В.* Imagery as Discourse: Approach to Studies // *Respectus Philologicus*. 2012. № 21 (26). С. 170–180.

18. *Маркович А. А.* Коммуникативные стратегии интегративного типа в дискурсе Евросоюза // *Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна*. 2007. № 745. Сер. Филологія. Вип. 49. С. 76–82.

19. *Маркович А. А.* Анализ референтного содержания в дискурсе консолидации // *Вестн. МГЛУ*. 2006. Сер. 1. Филология. № 5 (25). С. 53–66.

20. *Туркина О. А.* Исследование конфликта и конфронтации с позиций современной теории дискурса // *Вестн. МГЛУ*. 2006. № 1 (21). С. 80–86.

21. *Ядченко Е. И.* Реконструкция национально-культурной идентичности из дискурса русского мигранта, проживающего в Германии: потенциал лингвистической методологии // *Вестн. МГЛУ*. 2012. Сер. 1. Филология. № 5. С. 47–54.

22. *Зинченко Я. Р.* Опыт дискурсивного анализа интертекстуальности в политических ток-шоу // Вестн. МГЛУ. 2010. № 4 (47). С. 74–84.

23. *Зинченко Я. Р.* «Роль» как средство структурирования дискурсивного пространства в формате политического ток-шоу (на материале русского и немецкого языков) // Уч. зап. УО «ВГУ им П. М. Машерова» : сб. науч. тр. Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2010. С. 47–53.

24. *Collins J.* Glasgow University Media Group. The bad news books // Reading into cultural studies / M. Barker and A. Beezer (eds.). Routledge, 1992. P. 65–80.

25. *Gerbner G.* Cultural Indicators: the Third Voice // Communications, Technology and Social policy. Melody, 1973. P. 555–573.

26. *Супрун А. Е.* Стратификация сообщения в крупном corteже общающихся // Мат-лы VIII Всесоюз. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл. М., 1985. С. 62.

Раздел 4

МЕТОДИКИ И ПРИЕМЫ, АКТУАЛЬНЫЕ ДЛЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ПОНИМАНИЮ ТЕКСТОВ И ДИСКУРСОВ

4.1. АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ РАБОТАХ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Дискурс-анализ пришел в лингвистические исследования с рядом методик, название которых произошло от слова «конструировать». Причиной тому стало понимание дискурса в целом и отдельных дискурсий (или дискурсных практик) в частности в качестве деятельности или организованного контекстами открытого, но целостного поля знаков, **конструирующих смыслы**.

Назначением дискурс-анализа стала (1) **деконструкция** целого на составляющие, чтобы понять *объем* и *глубину* порождения смыслов (описательная парадигма дискурсологии), а значит, и (2) **реконструкция целого во взаимодействии составляющих** (моделирующая парадигма дискурсологии). Если первым занялась **семиотика и семиология** с уже готовым для дискурс-анализа аппаратом, а вместе с ней и социальные науки, взявшие этот аппарат для непосредственного использования (вот вам и лингвистический поворот в социальных науках), то вторым (и значительно позже) – **лингвистика дискурса**, которая еще только зарождалась и только начинала осмысливать специфику явления – особенностей функционирования единиц языка больших, чем словоформа (слово, словосочетание, фразеологическая единица). Так, потребовалось появление **функциональных грамматики, синтаксиса, семантики, стилистики**, чтобы сфокусировать внимание на специфике функционирования **содержания** в условиях целостности предложения/высказывания, текста/макротекста, дискурсии/дискурса, т. е. макроединиц языка. Также потребовалось развитие уже появившихся к тому времени таких направлений лингвистики, как *психо-, социо-, этно-, прагма- и других лингвистик*, чтобы сфокусировать внимание на специфике функционирования контекстов, т. е. осознания факта их включения, актуализации в коммуникативный процесс и коммуникативный продукт – дискурсную практику (дискурсию).

Таким образом, становится понятным смысл и место в дискурс-анализе методик деконструкции и реконструкции содержательного наполнения дискурсов. Факт объединения контентов и контекстов, в свою очередь, породил дефиницию дискурса, ставшую сегодня общим местом лингвистики дискурса: *дискурс есть текст плюс социальный контекст* (Т. А. ван Дейк). Соответственно, в этом континууме теоретического освоения дискурс-пространства, а точнее, дискурс-уровня, ибо дискурс есть уровневая характеристика языка [1], появляется **каузально-генетическая теория содержания** вначале слова [2], а затем и макроединиц языка [3–5]. В результате происходит дальнейшее обоснование теоретических основ процесса *конструирования* смыслов в макропространствах [6, 7], а значит, и их *реконструкции* [8].

Новая теория позволяет непосредственно включить в потенциальное содержание дискурсов, а значит, и в процесс порождения смыслов дискурсов и дискурсов как (1) *текстовое информативное пространство* (субъект-объектное) с его разнообразным информационным потенциалом, порождаемым в том числе и спецификой процесса познания человеком окружающего мира, так и (2) *интерактивное пространство общающихся*, каждый общающийся (адресант и адресат) есть *кортеж* другого (адресант – кортеж адресата, и наоборот), ибо он/она/они конструируют роль другого, его значение и значимость (субъект-субъектное наполнение содержания). Причем каждый включен во взаимодействие вместе с его знаниями и особенностями познания, отношениями, настроениями, предрассудками, наложением культурных, гендерных, возрастных, профессиональных и других характеристик, предрасположенностью что-то увидеть, найти, либо не увидеть и не найти это, но процесс коммуникации может корректировать и конструировать все эти характеристики общающегося, наполняя их тем или иным содержанием.

Включение этих двух *равных по значимости* составляющих (субъект-объектной и субъект-субъектной) порождает третью составляющую – (3) *подвижное* (с учетом двух начал), *но целостное, динамически преобразуемое* содержательное пространство. На основании этих трех позиций только и возможно проведение реконструкции как самого *процесса* порождения смыслов, так и получаемого *результата* этого процесса. Таким образом, методика реконструкции содержания дискурсов и дискурсов предполагает:

○ знание о том, что составляет и как функционирует текстовое содержание, т. е. как в них организованы смыслы и что еще кроме смыслов в них можно найти;

○ знание о коммуникантах (социальная специфика актуализации смыслов);

○ знание, с одной стороны, о мире реальном (ибо смыслы черпаются из его осмысления), а с другой – мира человека, субъекта коммуникации, специфики его видения реальности и ее осмысления через познание себя;

○ знание о процессе коммуникации (специфике процессов кодирования, передачи и декодирования)

○ и, безусловно, предвидение результатов своих действий.

Добавим к вышесказанному, что понятие «текст» мы «прочитываем» исключительно в *контексте дискурса-знания*. В этом случае текст есть любой знак, обладающий формой и содержанием, открытый вхождению в разнообразные знаковые системы, а также открытый интерактивному взаимодействию и, значит, переходу в дискурс. Вполне понятно, что это может быть любой предмет современной культуры – от вполне серьезных до, казалось бы, пустяковых. Так, игрушка в контексте современной культуры может проявлять, например, такие качества, как дружелюбность или неприязнь, по отношению к ребенку, владеющему этой игрушкой. Характерно, что на этом основании каждый ребенок, например, в штате Миннесота, США, имеет право вернуть игрушку в магазин, где она была куплена, или обменять на другую, если прошло не более двух недель. Ведь игрушка куплена для общения с ребенком, а она вдруг оказывается закрытой общению с ним. Так простой предмет конструируется обществом как сложный, интерактивный и обретает вполне конкретный *дискурсивный смысл*.

Любопытно и то, что включаясь в интеракцию (а значит, становясь, по существу, дискурсом), *текст* становится прецедентным. Отсюда и изменение наполнения самого понятия «прецедентность» в лингвистике дискурса (где значимость обретают тексты, вовсе не рассматриваемые ранее как достойные особого внимания исследователя).

А вот иной, куда более чем серьезный предмет культуры – православная икона. Остановимся на этом знаковом и открытом для интеракции предмете православной культуры более подробно и посмотрим на него глазами богослова и искусствоведа Павла Флоренского – знакового лица славянской культуры. Наше стремление привлечь внимание к его трудам и, в частности, работе «Обратная перспектива» [9] в контексте разговора о *методах лингвистики дискурса* имеет даже не двойной, а тройной смысл:

○ *во-первых*, в данной работе представлен блестящий образец *конструирования смыслов*: автор обнаруживает их уже в самой реальности и переносит в мир знаковой реальности; при этом содержание знака остается подвижным, живым, ибо, конструируя смыслы, исследователь одно-

временно *и разводит* знак и реальность, *и объединяет их* в единое коммуникативное пространство;

○ *во-вторых*, данный труд учит тому, как **реконструировать** смыслы, взаимодействуя *и с текстовым, и с интерактивным пространствами* с учетом как их функционального единства, так и эксклюзивной значимости каждого;

○ *в-третьих*, мы имеем образец того, как ученый, опережая время, общается с аудиторией, вводя ее во все еще в чем-то новую для нее, сложную, далеко не однозначную область знаний – область анализа дискурсов.

Итак, познакомимся поближе с методом реконструкции смыслов, которым Павел Флоренский блестяще владеет и демонстрирует на примере трехмерного коммуникативного процесса, включающего **взаимодействие** художника (выписывающего на иконе церковное строение с нарушением приема передачи простой перспективы из-за его очевидности и бездумности) с реальным строением – объектом своего познания, в стремлении его осмыслить и передать свое видение знаково (образно); с образом, реализуемым согласно его разноплановому видению, но также и домысливанию; и, наконец, с потенциальными зрителями. Используем при этом оригинальный текст Флоренского, разбив его на восемь последовательных этапов. Соответственно предупредим описание этих этапов *вопросами*, назначение которых – включить в текст своего рода паузы, помогающие сформировать у читателя некоторое ожидание. Как мы полагаем, это дает возможность читателю лучше понять, что скрывает в себе метод реконструкции смыслов. Автор «Обратной перспективы» предоставляет читателю несколько ролей одновременно: вчитаться, всмотреться, вслушаться в содержание текста, обрести опыт наблюдателя и мыслителя и тем самым научиться читать *вглубь*, реконструировать смыслы, переносить их из одного пространства в другое, мыслить аналитически и одновременно синтетически. Итак, начнем.

В о п р о с 1: Как научить себя навыку реконструкции, т. е. навыку осмысленного видения (понимания) того, что наблюдаем, читаем, слушаем? Как научить молодого исследователя глубине анализа? Как смотреть и видеть, искать и находить, слушать и слышать? Как научить художника понимать, что он видит, порождает и передает другому?

П а в е л Ф л о р е н с к и й: *Чтобы видеть и рассмотреть предмет, а не только глядеть на него, необходимо последовательно переводить его изображение на сетине отдельными участками к чувствительному пятну ее* [9, с. 66].

В о п р о с 2: Как быть уверенным, что увидел главное, что есть в предмете, а потом и в тексте (знаке, который конструирует этот предмет)? Как

организовано его содержание, как зашифровать смыслы, которые я ищу, нахожу и хочу передать другому?

Павел Флоренский: *Это значит, зрительный образ вовсе не дан сознанию как нечто простое, без труда и усилия, но строится, слагается из последовательно подшиваемых друг к другу частей [9, с. 66].*

Вопрос 3: А как работает мое сознание, чтобы я мог найти смыслы как части единого целого и их сложить воедино?

Павел Флоренский: *... каждая из них воспринимается, более или менее, со **своей** точки зрения. Далее, грань синтетически прибавляется к грани особым актом психики, и вообще зрительный образ последовательно **образуется**, но не дается готовым [9, с. 66].*

Вопрос 4: Как я (ищущий смыслы в их взаимоотношении) познаю сложный (смыслы несущий) объект, который сам выбрал для познания? Как приходит ко мне его осмысление, осмысление его сложности?

Павел Флоренский: *В восприятии зрительный образ не созерцается с **одной** точки зрения, но по существу зрения есть образ многоцентрированной перспективы. Присоединяя сюда еще дополнительные поверхности, пристраиваемые к образу правого глаза – левым, мы должны признать сходство всякого зрительного образа с иконными палатами, и отныне спор может быть о мере и желательной степени этой разноцентрированности, но уже не об ее принципиальном допущении [9, с. 66–67].*

Вопрос 5: Ну и что дальше, когда мы увидели один предмет, но с разных перспектив (обоими глазами, а значит, как бы разными текстовыми кодами)? Будем стремиться объединить то, что разъединили, или оставим для передачи другому увиденное нами расщепленным (многоцентрированным)? Синтез или анализ? Правило (единой перспективы) или его нарушение? Конструируем конечный продукт познания как незаблемый монолит, или он пусть так и останется как бы незавершенным, в вечном движении?

Павел Флоренский: *Далее начинается или требование еще большей подвижности глаза, ради усиленно сгущенной синтетичности, либо требование, по возможности, закрепление глаза, – когда ищется зрение разлагающее, причем перспектива стоит на пути этого зрительного анализа. Но человек, куда бы ни жил, вполне вместиться в перспективную схему не может, и самый акт зрения с неподвижно-закрепленным глазом (забываем о левом глазе) психически невозможен [9, с. 67].*

Вопрос 6: Если конечный продукт реконструкции постепенно, благодаря нескольким «подходам» к нему обрел объем, можем ли мы действительно «видеть» этот объем? Иначе говоря, может ли познаваемое одним кодом (глазом), и вторым (вторым глазом), и третьим (мыслью) в их вре-

менном континууме приравнять, сложить воедино, увидеть так, как будто это произошло все сразу, в одно мгновение, и передать это именно так? Ведь это то, что мы искали и что осмыслили.

Павел Флоренский: *Скажут: «Но ведь нельзя все же видеть сразу трех стен у дома!» – ...Сразу нельзя видеть не только трех, но и двух стен дома, и даже одной. Сразу – мы видим только ничтожно малый кусочек стены, да и его не видим сразу, а сразу, буквально, ничего не видим. Но не сразу – мы обязательно получаем образ дома о трех и о четырех стенах, таким дом себе представляем [9, с. 67].*

Вопрос 7: Значит, нахождение смыслов – это труд аналитический, постепенный, последовательный, а получение конечного результата (знания) – временная остановка перед тем, чтобы идти дальше? Может, поэтому сохраняется термин *дискурс-анализ*, хотя конечная его цель, как это показывают современные исследования, – связать найденное вместе, построить (вариативные) модели. Но без понимания процесса модель непонятна.

Павел Флоренский: *В живом представлении происходит непрерывное струение, перетекание, измерение, борьба, оно непрерывно играет, искривляется, пульсирует, но никогда не останавливается во внутреннем созерцании мертвую схему вещи. Художник... от разных частей представления берет наиболее яркое, наиболее выразительное, и вместо длящегося во времени психического фейерверка дает неподвижную мозаику отдельных, наиболее выразительных его моментов [9, с. 67].*

Вопрос 8: А как происходит процесс передачи реконструированного другому? Повторяет ли модель декодирования модель кодирования содержания?

Павел Флоренский: *При созерцании же картины глаз зрителя... воспроизводит... образ играющего и пульсирующего представления, но теперь более интенсивного и более сплоченного, нежели образ от самой вещи, ибо тут яркие одновременно наблюдаемые моменты даны в чистом виде, уже уплотненно, и не требуют затраты психических усилий на выплавку из них шлаков [9, с. 67].*

4.2. ВВЕДЕНИЕ В ДИСКУРС-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ, ИЛИ ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ОТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Почему дискурс-исследования попадают в категорию модных? Какова логика построения дискурс-аналитических практик (в том числе рожденных в русле каузально-генетического подхода)? Что общего и чем отличаются качественный (дискурс-анализ) и количественный (контент-анализ)

подходы к исследованию содержания текста? (Впрочем, в социологии контент-анализ принято относить к методике качественно-количественного плана, что не мешает, однако, *подсчет* встречаемости той или иной категории считать ключевой позицией методики.) Как традиционно оценивается *репрезентативность* выборки или корпуса текстов, *объективность* (*субъективность*) полученных выводов в каждом из подходов?

Наши размышления над этими и сопряженными им вопросами представлены в *шести структурных элементах* статьи. В каждом из них вопрос, позволяющий выйти на проблему; ответ, сопровождаемый иллюстрацией, комментарием либо размышлением и, наконец, тезис, подводящий читателя к тому, что характерно, специфично, неотъемлемо для дискурс-аналитических практик сегодня и в чем их отличие от пришедшего из социологии и используемого при исследовании содержания большого массива текстов контент-анализа.

Итак, приступим к обсуждению этих вопросов, особо значимых в контексте выбора исследовательского подхода для решения тех или иных задач.

1

Образ языкового знака (слова, предложения, текста) традиционно подается в виде двуликого Януса, одно лицо которого обращено на **форму**, а другое – на **содержание**. Но что стоит за этим образом, что он символизирует, в чем его суть? Оптимален ли он?

Разнонаправленность ведет к тому, что он видит, а значит, и осмысливает два мира. Один из них – среда обитания человека, познаваемая и адаптируемая им, изменяемая соответственно его потребностям. Другой – полностью созданный человеком. И это мир знаков, своего рода сетка, матрица, карта, путеводитель по миру реальному. Освоение одного мира (среды обитания) тут же усложняет другой мир (язык). Усложнение мира языка дает иные установки поведения в среде обитания, мире, преобразуемом человеком. И тот и другой мир уже как бы изначально дан человеку при рождении опытом предыдущих поколений. И тот и другой мир необходимо не только познать, но и освоить, включиться в их преобразование. Каждый может быть ведущим и одновременно ведомым. Мир вербальный и мир реальный в каждый конкретный момент бытия человека не совпадают. Слово и реальность конфликтуют. В основе конфликта борьба миров за первенство, значимость, которая приписывается каждому из миров: что важнее – факт или его трактовка и какая из трактовок? Что есть факт, какие могут быть трактовки? Чувства дают противоречивые сигналы о мире реальном и мире знаков, но мозг способен охватить это противоречие и силой ума восстановить гармонию. И эта борьба веч-

на, пока жив человек. Насколько велик разум человека? Насколько способен человек гармонизировать ситуацию, опираясь на разум и игнорируя противоречивый опыт чувств?

Мы можем быть вполне удовлетворены чтением детектива, если есть захватывающее хитросплетение *сюжетных* линий, и не ропщем, если *форма* подачи содержания хромает. Мы можем наслаждаться красотой художественного слова автора, представляющего другую культуру, порой не совсем понимая смысл каких-то слов, додумывая, домысливая, порождая свое «видение» реальности. Ведущим в нашем понимании становится что-то одно: либо мир реальный (я знаю, я освоил эту реальность и потому понимаю слова, знаки, ее описывающие, наполняю форму содержанием), либо мир знаков (я понимаю слова, они несут мне содержание, и потому понимаю описанную реальность, формы проявления реальности). И мы уже готовы развести миры по разные стороны, мир формы и мир содержания. Только для одних формален, бездушен мир знаков (это всего лишь форма мысли, а не сама мысль), а для других бездушна, формальна среда обитания, пусть даже преобразованная человеком, созданная им (предмет, созданный или воссозданный кем бы то ни было, не хранит в себе души мастера). Где же истина?

Чуть ли не с самого детства мы приучаем детей к тому, что языковое воплощение мысли всего лишь форма, одежда мысли, удачная или неудачная, хорошая или плохая, но не соучастница мысли. За школьное сочинение мы ставим две оценки: одну за форму (языковое воплощение мысли), другую за содержание (за мысли). Причем за форму оценка имеет больший вес: она первая, она мотивирована, количественно оправдана (количество ошибок), а вторая размыта («тема не раскрыта» или «раскрыта не так», а как надо?). И бывшие школьники (уже став студентами) начинают сравнивать содержание оценки в школе и вузе. Они говорят: «Для нашего школьного учителя было главное – рассказать красиво, а здесь, в вузе, мало кто обращает на это внимание. Главное – содержательно, пусть даже за счет красоты изложения». Понятие «красота» изначально привязывается студентами к внешнему, формальному признаку текста. Но постепенно приходит понимание, что понятие «красивое» может быть применимо и к мысли как таковой. Единение содержания и формы, гармония между ними становятся потребностью, ценностью. Но часто идеальной, а не реальной. Изучить предмет и обрести навыки четко, красиво репрезентировать его – это для многих так и остается идеалом. Почему? Возможно, потому что понятие «идеал» сопоставляется не с процессом, а с результатом, а ведь коммуникация, общение, мышление есть в первую очередь процесс, жизненно важный, определяющий *самостность* человека.

Мы полагаем, что есть необходимость подумать о значимости оценивать в педагогической практике не только и не столько результаты познания (эту оценку поставит сама жизнь, а точнее, итог жизни), но и сам процесс: поиск формулировок, способ подачи фактов, комментариев, интерпретация, сопоставление, т. е. процесс рождения мысли, процесс размышления и т. п. [10]. Оценивают ли в реальной педагогической практике учителя (преподаватели) этот процесс; готовы ли слушать и слышать не истину, а *путь* к ней; или мы приемлем только конечный результат – по существу и красиво, результат, нередко достигнутый простой зубрежкой?

Таким образом, сформулируем **тезис 1**. Мы полагаем, что образ двуликого Януса переносит акцент на вечный конфликт процесса познания, акцентирует внимание на недостижимости единения двух миров. Но конфликт лишь изначальная, стартовая позиция процесса познания (и, возможно, завершающая). Само познание есть процесс преодоления конфликта и обретения внутренней гармонии. Преодоление конфликта требует рассмотрения уже самого процесса познания как ценности. Перенос акцента внимания с результата на процесс неизбежно приводит к гармонизации отношений между формой и содержанием, признанию возможности проявления одного в другом, перехода одного в другое, дополнения одного другим, но не «чистому» распределению функций. Возможно, более уместен здесь иной образ – обычный человек? Его оба «глаза» (**форма и содержание**) создают объемное видение (на том основании, что орган зрения у человека бифокален). Единство коммуникативного и познавательного начал, предмета общения и субъектной ситуации общения, и есть объемное видение, которое превращает текст (предмет общения) в *коммуникативное* (субъект-субъектное) событие.

Можно добавить мысль о том, что при таком видении меняется отношение к тому, что считать ошибкой в «живом» тексте. Новая кажущаяся шероховатой форма изложения мысли может быть просто иной мыслью, а редактор, не замечая этого, начинает править текст и теряет саму мысль автора, меняя на иную, привычную, типовую. Шероховатость в итоге рождает не только новые мысли, но и новые формы (как, например, «несоединимые длины» в технологии стрижки). Прочитать форму через призму содержания (например, жанр с помощью категорий «открытый-закрытый») – это и есть первый шаг навстречу дискурс-анализу, первая аналитическая практика дискурс-анализа, которая пришла в эпоху постмодернизма. В тексте важно не общее, типовое, а то, что эксклюзивно, единично, что важно для конкретной ситуации общения. Текстом можно считать все, что включено в субъектную ситуацию общения (например, архитектура, игрушка...). Так, магазин принимает на возврат игрушку, если ребен-

нок скажет, что она ведет себя «недружественно» по отношению к нему (*It is not friendly to me*). Можно ли «яростно» спать? Да, именно яростно, как бы назло всем иногда мы отсыпаемся после какой-то навалившейся на нас работы. Но компьютерный словарь подчеркнет это словосочетание как неправильное, если не поставить кавычек. Но кавычки – это индикатор того, что уже появилось новое значение у слова, просто к нему необходимо привыкнуть.

2

Понятия «содержание» (также **«контент»**) и **«контекст»** традиционно рассматриваются в качестве антонимических, противостоящих. Так ли это в реальной коммуникации? И что стоит за таким понятием, как «максима вежливости Грайса», и таким явлением, как «вежливо говорящий человек»?

Рассмотрим пример, приведенный одним из докладчиков на рижской конференции русистов в мае 2005 г. Пафос докладчика состоял в том, что фраза москвича в автобусе, обращенная к пассажиру-вьетнамцу, «На два!», произнесенная вместе с протянутой бумажной банкнотой, вьетнамцем не понимаема, ибо он знает русский язык (содержание слов, текста), но не понимает ситуацию (не знает содержание контекста). «Надо учить иностранцев не только языку, но и контексту, – комментирует данную ситуацию докладчик, – объяснять на уроках русского языка, что “на два” (или “на два, пожалуйста”) вместе с протянутой денежной банкнотой означает количество билетов, а деньги надо передать водителю. Если же не объяснить на уроке этот контекст, то вьетнамец простоит с банкнотой очень долго, размышляя, что же ему сказали».

Мы порой очень односторонне понимаем «максиму вежливости» Грайса, ибо считаем вежливость скорее формой поведения, чем содержательной компонентой общения. Простое добавление слова «пожалуйста» – это формальный подход (а нередко и просто акцент на себя: смотрите, какой я вежливый). В ситуации общения с пассажиром-вьетнамцем увидеть реального, а не типового адресата, т. е. того, кто стоит перед тобой, и сказать так, чтобы собеседник понял, а при необходимости и ввести контекст в содержание текста – вот путь к актуализации данной максимы. Но в таком случае порождается уже другой текст, текст, несущий другое содержание. А слово «пожалуйста» во фразе «На два!» будет насмешкой над вежливостью, ее гримасой, в то время как отсутствие слова «пожалуйста», но при этом присутствие куда более важных слов, объяс-

няющих ситуацию, будет кодировать и декодировать «саму вежливость» (inherited politeness).

Таким образом, можно сформулировать **тезис 2**. Разведение контента и контекста как диаметрально противоположных величин несколько устарело. Контекст есть продолжение контента, а контент – продолжение контекста. И это второй шаг к пониманию, что такое дискурс-анализ, и вторая аналитическая практика дискурс-анализа – реконструкция социального контекста, вписанного в текст.

В результате нового прочтения соотношений между этими явлениями мы можем сказать, что вежливость – это содержательная характеристика коммуникации (так же, как и «красивость» в обсуждении и формулировке тезиса 1).

3

Какие из форм организации **предметно-ориентированного содержания** обязательны, а какие факультативны при устной передаче содержания (предмета разговора) текста (его пересказе) или его письменном реферировании, если принять посылку каузально-генетической теории содержания, что содержание текста организовано структурно, системно, линейно и иерархически? Какие аналитические практики дискурс-анализа помогают реконструировать содержание с учетом этих форм?

Каузально-генетическая теория плана содержания текста, интегрирующая в себе разные подходы к содержанию и строящая собственный с учетом *взаимодействующих составляющих*, порождаемых воздействием факторов (постояннодействующих причин) и фактумов (результатирующих причин), операционализирует предметно-ориентированное (также референтное) содержание (о чем текст) в четырехмерном пространстве, уходя тем самым от плоского, примитивного видения содержания, утверждая, что содержание есть не просто отношение чего-то к чему-то (знак – реальность, знак – субъект), а некая многомерная организация; каждое измерение этого многомерного явления развивает, уточняет, верифицирует предмет внимания текста, делает его живым, внутренне конфликтным, многозначным.

Каузально-генетическая теория – это единственная известная нам теория содержания, которая объединяет *центробежные* и *центростремительные* силы содержания. Она, *во-первых*, делает акцент на *единение* лингвистического и внелингвистического, актуального и потенциального, феноменологического и идеального (идеалогического: *idea-bias*) в содержании текста (т. е. описывает его внутреннюю организационную структу-

ру). Она, во-вторых, делает акцент на *разъединение* составляющих функционального плана содержания текста: содержания, реализуемого в реальном коммуникативном пространстве, в субъектной ситуации общения, с учетом диалектического единства, а значит, столкновения и развития функциональных составляющих, а точнее, функциональных составляющих синтезированных единств, а именно: знание – отношение, смысл – сущность, предмет- и субъект-ориентированное содержание.

Остановимся подробнее на *предмет-ориентированном функциональном содержательном единстве* (дискурс-картине мира), которое можно также представить как «референтное содержание, реализующее себя в многомерном пространстве». Учитывая эту многомерность, мы предложили назвать референтное содержание дискурса «дискурс-картиной мира» (понятно, что картина может представлять собой и некий набросок, рисунок или иной жанр изображения реальности). Четыре измерения референтного содержания текста в его функциональном бытии представляют собой следующие позиции:

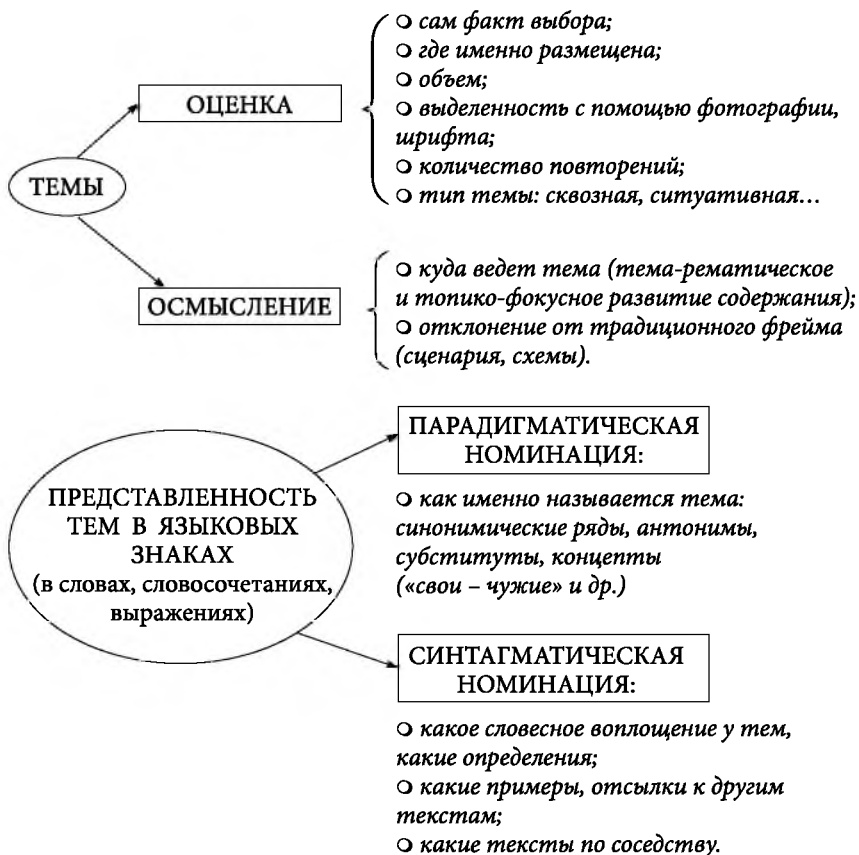
(1) *структурное измерение референтного содержания*: его тематический срез (о чем текст?) с учетом глубины структурирования тем, его составляющих (собственно значение текста, его познавательное содержание, для которого важно, **что** именно репрезентировано, но не важно как, какими словами);

(2) *иерархическое измерение содержания*: тематический срез с учетом его иерархического решения (прагматическая значимость содержания);

(3) *системное измерение содержания*: его тематические поля, т. е. вербальная репрезентация предмет-ориентированного содержания или языковое содержание текста, которое поддерживает тематический срез, но задает и свое поле тем, благодаря своему особому выбору в первую очередь лексических, но также и грамматических средств языковой *системы* (значимость, зафиксированная системно). Как видим, здесь форма репрезентации важна исключительно из соображений кодирования и декодирования дополнительного содержания, дополнительных значимостей, которые она с собой несет;

(4) *линейное измерение содержания*: линейная репрезентация в первую очередь тематических полей, но также и тематического среза, ибо одно выверяет другое, а все вместе они выверяются линейно, текстуально, нарративно (значение, зафиксированное линейно, синтагматически). Здесь мы реконструируем рамочные темы, стержневые темы, сопутствующие, поддерживающие и т. п., понимая лучше то, как реализуется замысел автора (схема 1 «Дискурс-картина мира» [11, с. 74]).

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ:

С х е м а 1. Дискурс-картина мира (представленная в тексте/дискурсии: смысловая информация, картина субъект-предметного взаимодействия; реальность vs. языковой реальности)

Вернемся к нашему вопросу: «Так какое же измерение важнее?» – и попробуем ответить на него, проанализировав одно из ключевых высказываний одного из текстов (своего рода текст в тексте).

Оригинальный текст:

Relationship between the experience of reading and what is now fashionably referred to in education-speak as 'transferable skills', that is, a spin-off in understanding, communicative abilities, and independent thinking, comes as no surprise to those of us who teach in modern universities.

Перевод:

«Обнаружение непосредственной связи (взаимодействия) между опытом чтения и формированием того, что сейчас модно называть в образовательной среде “навыком передачи” (навыком интерпретации, трансформации), т. е. того, что есть составляющее трех начал – понимания, коммуникативных способностей и независимого мышления, не стало чем-то неожиданным для тех из нас, кто преподает в современных университетах»¹.

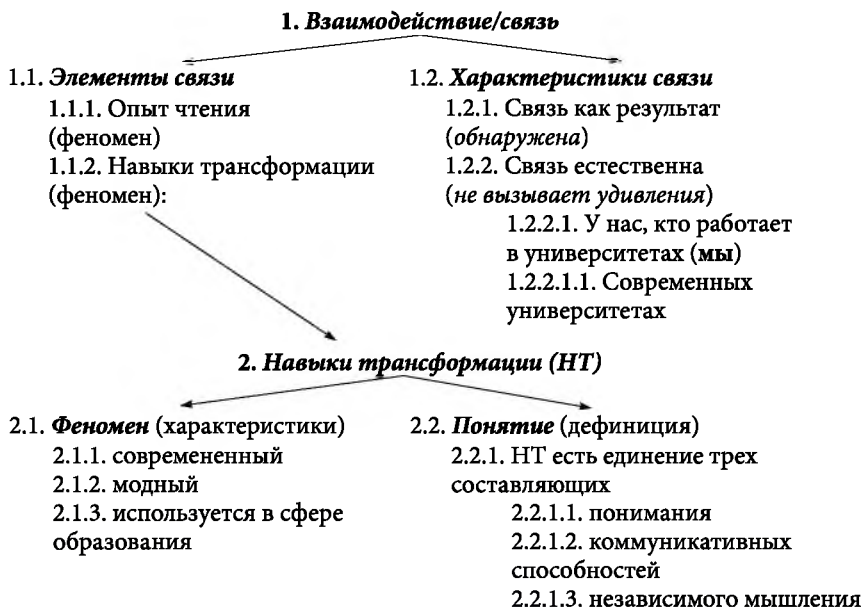
О чем данное высказывание? Попробуйте передать его идею (устно или письменно), и вы поймете себя на мысли, что стремитесь передать *линию* текста, что сделать достаточно сложно ввиду наличия в нем нескольких тематических направляющих с разной степенью их глубины. Заучивание общей линии текста наизусть и ее воспроизведение мало продвинет нас к пониманию этого текста. Оно может лишь породить иллюзию понимания – воспроизводишь, значит, понимаешь. Каков же иной путь?

Построим **карту-схему предметно-тематического содержания** текста с учетом (в первую очередь) номинации и развития (расщепления, операционализаций) тем, которые содержит данное высказывание (структурная или когнитивная компонента), сохранив при этом внимание к тому, как они соотносены друг другом, т. е. как они ранжированы, что изначально является более важным, значимым, а что сопутствующим (иерархическая, или прагматическая, компонента) (схема 2).

Как видим, тематический срез многопланов. Здесь есть **собственно темы** (мы маркируем их жирным курсивом), т. е. те элементы содержания текста (предмета обсуждения), которые получают свое структурное развитие. Здесь есть и **темы-топики**, т. е. ключевые темы, организующие весь тематический срез текста (жирный курсив, подчеркнуто). Нумерация – это еще один вариант маркирования. Здесь он помогает нам увидеть специфику взаимодействия, а значит, специфику иерархической организации тем данного высказывания.

Итак, мы собрали с помощью карты-схемы базу данных для реконструкции структурного и иерархического развития референтного содержания текста. Это и есть **первая аналитическая практика**, которая приближает нас к пониманию того, о чем текст. Приближает, ибо есть еще два измерения референтного содержания текста, без «считывания» которых мы еще не можем сказать, что реконструировали дискурс-картину мира данного текстового пространства в полной мере. И все же следует признать, что, используя данную аналитическую практику, мы получили

¹ Сборник тестов, тестовых заданий и контрольных работ по английскому языку / под общ. ред И. Ф. Ухвановой. Минск : БГУ, 2001.

С х е м а 2. Карта-схема предметно-тематического содержания текста/дискурсии

достаточно четкое понимание предмета общения. А уже далее мы можем (опираясь на это понимание) реализовывать ту задачу, которую мы перед собой ставили изначально: пересказать, прореферировать текст (т. е. реализовать академическую задачу), либо провести анализ содержания (реализация исследовательской задачи).

Пересказ по карте-схеме дает оптимальную свободу в репрезентации предмета разговора. Так, референт-переводчик может начать реферирование текста так: «Текст посвящен такому феномену, как “навыки трансформации”. Он является актуальным и даже модным сегодня в университетской среде. Автор определяет его следующим образом...», (т. е. идти по нисходящей, от общего к частному), а может идти и противоположным путем, по восходящей: от частного к общему, например: «Понимание, коммуникативные способности и независимое мышление являются непосредственными составляющими навыка трансформации, который в свою очередь непосредственно связан с опытом чтения...». Теперь мы можем рассказать, о чем текст, отталкиваясь от любой точки карты-схемы, ибо она нелинейна. Данными примерами пересказа мы подтверждаем,

что линия – это всего лишь одна из форм организации содержания текста, которая совсем не обязательна для обучения пересказу. Более того, она часто мешает сосредоточиться на главном. В своих вариантах пересказа мы независимы от оригинальной линии текста, но мы четко видим, что именно есть предмет внимания текста. Отсюда легкость пересказа и это естественно; ибо нам всегда легко говорить о том, что мы понимаем.

В свою очередь, если использовать карту-схему для проведения последующего дискурса-анализа, то можно, с опорой на собранную базу данных, констатировать следующее:

○ предмет-ориентированное содержание текста сконцентрировано вокруг феномена и понятия «*навыки трансформации*» и проявляет себя в двух темах-топиках;

○ первая тема-топик – «*взаимодействие, связь, которую видят профессионалы*», одним из элементов которой и являются навыки трансформации. Эта тема-топик помещает нас в определенный социальный контекст (подтема «*мы и университетское образование*»), показывает новизну, актуальность этого взаимодействия, значимость;

○ вторая тема-топик объясняет сущность выделенного элемента связи, поддерживая первую в аспекте актуальности и даже «модности» термина. Как видим, тематичен и предмет общения, и субъекты, вовлеченные в разговор.

Разница между реферативным пересказом текста с опорой на материал карты-схемы 1 и анализа содержания текста с опорой на ту же базу данных в экстенсивном использовании метаязыка во втором случае. Только если для реферирования такой базы данных в принципе достаточно, то для реконструкции картины мира текста нет.

Для полноты анализа предмет-ориентированного содержания необходимо добавить (что понятно из вышеприведенных рассуждений) две другие формы организации этой функциональной содержательной целостности – *линейную* и *системную* характеристики. Ведь первые две относительно свободны от знаковой маркированности идей (для них главное, что стоит за знаком, т. е. сама мысль, но не то, что привносит с собой знаковая форма выражения мысли). Именно в парадигматических (системных) и синтагматических (линейных) связях реализует себя знак (вербальная репрезентация), организуя содержание и тем самым влияя на него. Понятно, что выбор знакового ряда автором текста может быть относительно гибок и отражает (формирует) его отношение к предмету общения.

Анализ *системной* организации содержания опирается уже на другую аналитическую практику, такую как **реконструкция тематических полей**

текста. Используя ее, мы реконструируем из данного текста следующий набор значимых тематических полей:

(1) поле профессиональной лексики: *relationship, experience of reading transferable skills, understanding, communicative abilities, independent thinking, modern universities* – взаимодействие, опыт чтения, навык трансформации, понимание, коммуникативные способности, независимое мышление, современные университеты;

(2) поле разговорной лексики: *fashionably, comes as no surprise, those of us who teach* – модно, совсем не удивительно, те из нас, кто преподает;

(3) поле, которое мы не можем не заметить в тексте оригинала – это слова *education-speak* и *spin-off*, представляющие собой профессиональный жаргон.

Можно обратить внимание также на особенности синтаксического выражения:

(4) очень длинное сложноподчиненное предложение с четырьмя подчиненными синтаксическими частями разного характера и объема и одной примыкающей частью, уточняющим лексическим блоком (вкрапление дефиниции);

(5) риторический прием – выделительное предложение *those of us who teach* – тем из нас, кто преподает.

Какое знание о предметном содержании текста добавляет нам знание тематических полей? Теперь с уверенностью можно сказать:

(а) что предмет разговора имеет как бы двойную **глубину** содержания: одна за счет структурирования тем (о чем мы говорили выше), а вторая раскрывается тем, кто понимает данную терминологию;

(б) что предмет разговора эмоционально окрашен, «осовременен», тема «Мы, преподающие в современных университетах» хоть и не получает особой глубины, но имеет двойную **значимость** (как в структурном, так и системном развитии);

(в) что предмет разговора субъективирован.

И наконец, что нам говорит оригинальная *линия* подачи референтного содержания? Реконструкция линейной организации референтного содержания – это еще одна необходимая **аналитическая практика**.

Текст начинается (1) с идеи связи, (2) элементы, ее составляющие, расположены от нетематического к тематическому, т. е. от хорошо известного (опыт чтения) к новому; (3) причем новое, оно же главное, намеренно откладывается на более позднюю презентацию, а пока автор стремится преподнести идею значимости, актуальности того, что в тексте главное, что объединит две темы-топика, что последует позже; (4) наконец, введя

главное, ключевое слово (навыки трансформации), автор сразу же дает (5) определение и уже затем завершает свое послание, (6) тематизируя себя и свою аудиторию, объединяя себя с аудиторией, вписывая таким образом социальный контекст в текст и субъективизируя предмет разговора.

Можно прокомментировать новое полученное нами знание о линейном содержании текста (в контексте старого знания, т. е. других форм организации содержания текста) следующим образом. Картина мира текста, заданная тематически (темами-топиками), имеет четко выраженный фокус внимания, который спасает текст от чистой констатации, бессюжетности. Фокус внимания достаточно долго держится на всем, что подводит к новому термину (его связи, его значимость...): он как бы освещает изначально окружение главного, а уже потом **главное**. Так, он делает картину мира живой, напряженной, заряженной энергией, с тем чтобы потом (и, как нам кажется, несколько неожиданно) перевести фокус внимания на субъектов коммуникации, субъективизировав таким образом предмет разговора и сделав его еще более актуальным, значимым.

А теперь синтезируем поступенчатый комментарий и постараемся воспроизвести картину мира текста во всей его целостности:

(1) в центре внимания картины мира текста – феномен и понятие «*навыки трансформации*». Мы видим, с каким другим явлением это явление (феномен) связано (*с опытом чтения*), в какой среде оно себя проявляет и для кого актуально (*для университетских преподавателей, в образовательной среде, в современных вузах*) и для какого времени (*сегодня*) оно важно, каким образом оно характеризуется (*как модное, современное*); (2) прочитывая его как понятие, мы понимаем его суть, из чего оно складывается (единство коммуникативных способностей, понимания и независимого мышления). Картина мира уводит читателя в глубь понятия, не только структурируя его, но и систематизируя, помещая в определенное терминологическое русло (*терминология дидактического плана*), но при этом сохраняет определенный эмоциональный фон; (3) картина мира, изначально несколько размытая, как бы специально не спешит с фокусировкой на главном (явлении и понятии), еще больше подчеркивая его значимость, актуальность, но вводя его, заряжает его энергией, субъективизирует его; (4) что, в свою очередь, становится фоном рождения значимости другой темы – субъектов университетского образования, а точнее, педагогов, тех, кто учит.

Вот в общих чертах и все, что можно сказать о предмет-ориентированном (референтном) содержании данного текста, способах его организации и использовании в данном конкретном случае соответствующих аналитических практик [12].

Чтобы закрепить знание о специфике реализации аналитических практик для реконструкции картины мира текста с учетом возможной их вариативности, обратимся к *еще одному примеру* и посмотрим, каково референтное содержание текста (с учетом всех форм организации этого содержания) одной из сказок-притч. Приведем полностью притчу в нашем переводе:

Мальчик, который кричал «волк»

Это история о мальчике из маленькой деревеньки, расположенной в горной местности. Мальчик не ходил в школу – он пас овец отца. Но работа была очень скучной.

Однажды мальчику пришла в голову идея пошутить над жителями деревни. Он закричал: «Волк! Волк! Помогите! Волк убивает наших овец!».

Жители деревни прибежали на крик. Мальчик засмеялся, а люди увидели, что никакого волка не было. Они очень рассердились.

Прошло время, и опять мальчик пас овец. Вдруг он увидел крупного волка и закричал: «Волк! Волк! Помогите! Пожалуйста, придите и помогите мне!». Но жители деревни подумали: «Это опять он. Значит, нет никакого волка». И они не пришли на помощь мальчику. Волк убил всех овец.

Рассмотрим, во-первых, практику, которая помогает нам «снять» структурное развитие референтного содержания текста уже без дополнительной цифровой нагрузки, а значит, без включения в базу данных информации по иерархической организации референтного содержания. Отметим также то, что в более ранних работах мы называли эту практику (или технику, методику) анализа идентификативно-интерпретативным анализом. Название мотивировано тем, что в данной практике мы *идентифицируем* темы текста и показываем, как текст (автор текста) их *интерпретирует*, в данном случае структурирует. Но эту технику можно назвать и более точно: **анализ идентификации тем текста в их структурном развитии**. Темы задаются с помощью логического, индуктивно-направленного размышления – от частного к общему.

Итак, мы видим следующие темы текста и их структурное развитие (поясним, что в двойные скобки мы поместили предварительный комментарий) (схема 3).

Так, мы собрали базу данных и теперь будем ее *интерпретировать и анализировать*, причем в данном случае не только с позиции развития тем (структурная или познавательная референтная компонента), но также и с двух других позиций:

(1) их значимости (иерархическая или прагматическая компонента) и (2) нарративного развертывания (линейная или синтагматическая компонента).

▶ Данная история

○ о мальчике (не о жителях деревни, жизни в деревне, жизни в горной деревне, работе ребенка, волках или овцах, а о мальчике!!!)

▶ мальчик

○ где живет (= маленькая горная деревенька)

○ что (не) делает (= не ходит в школу, = пасет овец отца)

▶ работа мальчика

○ скучная

▶ Событие одного дня (по существу коммуникативное событие = общение между субъектами)

○ участники события: = мальчик, = жители деревни

○ действия участников (включая невербализованный контекст деятельности)

= мальчик (пас овец):

– план, размышление (пришла в голову идея пошутить над жителями деревни);

– реализация плана (пошутил – закричал: «Волк! Волк! Помогите! Волк убивает наших овец!»);

– эффективность реализации плана (засмеялся, когда люди прибежали, – шутка удалась).

= жители деревни

– их реакция (прибежали на крик)

– осознание (увидели, что никакого волка не было)

– последствие осознания (очень рассердились)

▶ Событие другого дня («полукоммуникативное», ибо общения как такового не состоялось, отказ от взаимодействия со стороны адресата)

○ участники события (= мальчик, = волк, = жители деревни, = овцы)

○ действия участников

= мальчик:

– работал (пас овец)

– наблюдал (увидел крупного волка)

– реакции (закричал: «Волк! Волк! Помогите! Придите и помогите мне, пожалуйста.»)

= жители деревни

– план, размышление (думали: «Это опять он. Значит, нет никакого волка»)

– реализация плана (не пошли помогать мальчику)

– неэффективность реализации плана (из чего и рождается новая подтема) =

= волк (вследствие заданной ситуации: отсутствие сопротивления)

– убил всех овец

Мы подключили здесь еще две пространственные составляющие референтного содержания. Почему? Иерархическая компонента оказалась видимой здесь и без маркирования значимости тем и их элементов с помощью цифр и букв, ибо текст достаточно прост. Также и линия практически сохранена в схеме 3, а значит, нет необходимости в аналитической практике «реконструкция линии развития референтного содержания текста», или *«техника линейного картирования»*. Мы полагаем, что использование этой практики необходимо при наличии хотя бы некоторого множества переплетающихся, реализующихся друг в друге тем.

Итак, посмотрим на наш текст с учетом вышесказанного и собранной базы данных.

Мы обнаружили пять тем. Первые три темы – *вводные*. Первая («данная история») вводит информацию о самой истории-притче: определяет фокус внимания автора, понятно, что автор желает, чтобы этот фокус внимания был и у читателя. Соответственно тема структурирована неглубоко, ибо глубина не ее предназначение. Вторая и третья («мальчик» и «работа мальчика») вводят информацию о главном герое. Темы также поверхностно представлены, скорее расставлены акценты (мы видим, что место жизни задает деятельность мальчика, и с позиции этой деятельности жизнь мальчика скучна). Другие герои истории не попадают в вводную группу тем (анализ значимого отсутствия). Автор тем самым дублирует (верифицирует) информацию о том, что речь, собственно говоря, не о них, а о мальчике.

Две оставшиеся темы событийны. Внутри каждой – свой тематический блок, свои участники события, но в целом они симметричны. Заданные подтемы имеют практически аналогичное структурное развитие. Это обстоятельство может указывать на тот факт, что и мальчик, и жители деревни *одинаково вовлечены в эти события, а значит, могут нести одинаковую долю ответственности за них.*

Однако этот вывод из анализа структурного компонента референтного содержания находится в некотором противоречии с выводом, который можно сделать из анализа его линейной компоненты. Первое событие подается в двух абзацах: отдельно действия мальчика (шутка), отдельно – людей (хотели помочь и потому прибежали). Второе – в одном абзаце. Если мы рассматриваем абзац как основу для какой-то одной идеи с учетом ее развития, то можно сказать, что идея автора объединить абзацы означает его попытку затушевать ответственность жителей за съедение волками овец. Такой вывод поддерживается и тем, что в первом абзаце было сказано, что история не о жителях деревни и не об овцах, которых в итоге съели, а о мальчике. Вывод поддерживается и объяснением в тексте того,

что подумали жители. Но может ли в реальной ситуации интенция оправдать результат (?), если, конечно, уместна здесь такая постановка вопроса.

Таким образом, имплицитруемая тема «кто виноват» в линии, заданной автором, развивается в одном направлении – «конечно мальчик», а в структуре в другом – «конечно жители».

Рассмотрим еще одно пространственное воплощение референтного содержания – *системное* – и подумаем, меняет ли оно что-то в картине мира, репрезентированной вышеописанными тремя пространственными позициями.

В тексте мы обнаруживаем следующие тематические поля:

(1) поле слов, характеризующее главного героя – мальчика: (а) характеристики мальчика: <i>мальчик; история о мальчике, мальчик из маленькой горной деревеньки; мальчик, который кричал «волк»;</i>(б) рутинная деятельность мальчика: <i>не ходил в школу, пас овец отца;</i>(в) характеристики деятельности мальчика: <i>работа очень скучная;</i>(г) мыслительная деятельность мальчика: <i>идея пошутить над жителями деревни;</i>(д) Событие 1: разовые действия мальчика (реализация идеи, идея удалась): <i>закричал: «Волк!...», засмеялся;</i>(е) Событие 2: разовое действие мальчика (реакция на увиденное): <i>увидел, закричал: «Волк! Помогите!..»;</i> (2) главные герои: <i>жители деревни, люди;</i>   (а) их реакция на крик мальчика + реакция на то, что они среагировали на крик мальчика: <i>прибежали, увидели, очень рассердились;</i>(б) мыслительная деятельность и ее реализация: <i>подумали, не пришли на помощь;</i> (3) (виртуальный и реальный объект, он же активный субъект): <i>волк, никакого волка, крупный волк; волк убивший всех овец;</i>   (4) (реальные объекты): <i>овцы отца – волк убил всех овец;</i>(5) значимое отсутствие!!!: нет лексики, хоть как-то характеризующей отца или просто присутствие отца мальчика;(6) маркированное пространство: <i>деревенька, горная местность, место крика (место, где мальчик пас овец);</i>(7) маркированная эмоциональная максима (превосходная степень): <i>очень скучная работа мальчика, люди <u>очень</u> рассердились, волк убил <u>всех</u> овец.</i> (8) синтаксис;   (а) прямая речь: характеризует событие или ключевого субъекта (в заголовке);(б) простые предложения, кроме первого, но и мысль первого простая (ее можно представить как: «<i>Это история о мальчике из маленькой горной деревеньки</i>»);(в) знаки препинания: восклицательный знак в прямой речи только в односложных предложениях.

С х е м а 4. Тематические поля в их знаковом воплощении

Что дает нам схема 4?

Картина мира текста, согласно системной характеристике содержания, представляет собой некое локальное пространство, абсолютно не значимое само по себе, ибо нет географических названий, даже вымышленных названий, а есть только их типовое видение и привязка к мальчику и событию, которые и подает текст.

Впрочем, и мальчик также неважен, ибо и у него нет ни имени, ни реальной семьи, ни того, чем обычно занимаются дети. Это типовой мальчик в некоей ситуации, в некотором событии. Мальчик здесь – это скорее некая отправная категория текста. Данная категория может быть интерпретирована по-разному. Быть может, за ней идея одиночества: ведь привязка мальчика к реальности в данном тексте – это овцы, которых он пасет, но которые его никак не занимают, и люди, с которыми ему хочется общаться, но им нет дела до него.

События подаются схематично, как действия, вызванные также типовыми фактами или мыслями, которые просто констатируются. Единственная привязка к конкретному событию – прямая речь, создающая идею события, а значит, и идею участия в этом событии ряда субъектов и объектов, а также восклицательные знаки, создающие эмоциональный ряд события.

Наиболее реален волк. Он вначале подается как идея волка, которую можно представить и на которую можно среагировать. Затем его описание как факта события вполне реально и достаточно – *крутный* (достаточно для декодирования реального страха при встрече с волком как опасностью, ибо нам не нужно уточнять другие характеристики волка, и иного имени у него быть не может).

Овцы также не совсем реальны. Идею нереальности создает слово «всех» во фразе «волк убил всех овец». Ведь в картине мира текста не совсем ясно, сколько их было, а значит, и сколько съедено, непонятно даже «всех» – это много или мало. Поэтому есть основания относить фразу «волк убил всех овец» не к факту реальному (убийство кого-то), а к факту виртуальному, гипотетическому, к подаче факта ради эмоции, а не ради самого факта.

Анализ системного содержания можно и углубить. Схема 4 достаточно емкая и информативная, в ней можно найти послышки и к другим выводам.

Итак, мы сняли четыре вида информации о картине мира данного текста и поняли, что картина мира подвижна, многогранна, многопланова, в чем-то конфликтна, в чем-то едина. Последний этап исследовательской процедуры – это объединение (синтез) всех проанализированных

элементов содержания и описание картины мира в ее целостности. Мы также поняли в процессе нашего анализа, что если бы мы не читали текст каждый раз с иным фокусом внимания, то не смогли бы так глубоко проникнуть в его содержание. Мы не увидели бы то эксклюзивное, что есть в тексте и в текстах такого типа – притчах.

И наконец, поставим перед собой цель – свести всю информацию воедино, т. е. выйти на порождение нового текста о данном тексте, текста, представляющего собой описание дискурс-картины мира, репрезентированной в данном текстовом пространстве. И это уже синтетическая практика, дающая нам конечный результат данного исследования, то, ради чего мы использовали 4 аналитические практики.

Итак, картина мира текста сфокусирована на типовом мальчике определенной местности (*маленькой горной деревушки*), который представлен в типовой деятельности данной местности (*пастух овец*), причем деятельность констатируется как *скучная*. Мальчик представлен также во взаимодействии с жителями деревни и со средой обитания (волк). Картина мира репрезентирует два события, происходящие в разные дни, и два плана (виртуальный и реальный: тот, что мыслится, и тот, что имеет место в реальности: реальные субъекты, их мысли-планы и действия, но волк как виртуальный, так и реальный, действия последнего. Впрочем, реальность – виртуальность здесь неоднозначна по отношению ко всем героям и участникам событий). Взаимосвязь героев текста создает некоторую симметрию картины мира, которая в то же время не абсолютна. Фокус внимания перемещается от мальчика к жителям деревни и опять к мальчику. Реальное-виртуальное также, и на это мы уже обратили внимание, не абсолютно. Вот почему можно сказать, что картина мира текста – это не только и не столько конкретные субъекты и конкретные события, и осмысление поведения субъектов. Иначе говоря, в картине мира присутствует одновременно событие и его оценка, отношение к нему, которая, однако, имплицитна; содержание рождается как бы между темами, а не в них самих. Тот факт, что картина мира – это одновременно факты, их оценка и в то же время и как бы реальные факты и субъекты, и как бы нереальные, приводит к пониманию того, что здесь рождается новое содержание между фактами и оценкой, реальностью и ирреальностью. И это содержание – вопрос: кто виноват? А также мораль, что хорошо, что плохо. В картине мира сохраняется, тем самым, конфликтная ситуация, которая имеет все основания быть прочитанной по-разному. Так, мы можем говорить о субъективированности референтной информации, а значит, о том, что есть авторская картина мира и картина мира читателя.

Авторская представлена как фокусированная на мальчике и, соответственно, ответ на вновь возникший вопрос делает виновным мальчика. Текст, прочитанный и оцененный читателем, может иметь другую фокусировку и другой ответ. И эта позиция именно в картине мира, она тематична, она референтна. Она прочитывается, декодируется, реконструируется.

Тезис 3, который мы хотим сформулировать на основании данных размышлений и с учетом двух вышеприведенных тезисов, будет следующим. Дискурс-анализ есть: (1) результат перехода от видения формы и содержания как противостоящих друг другу к видению содержания как продолжения и упорядочивания формы, (2) результат перехода от видения контекста и контента как противостоящих друг другу к видению их как способствующих взаимному развитию, взаимообогащению, взаимной реализации. Это означает, что реконструкция содержания текста есть работа с ним как с целостностью, единичностью, эксклюзивностью; внимание к частному, отдельному, единичному; внимание к каждой отдельной дискурс-категории, которая попадает в фокус внимания аналитика с тем, чтобы решить ту или иную задачу и, тем самым, приблизиться к более глубокому пониманию содержания текста. В данном случае такими дискурс-категориями стали:

(1) *темы с учетом двух координат, определяющих развитие их потенциального содержания (глубина кодирования или декодирования содержания зависит от знания адресантом и адресатом предмета общения и языка, на котором ведется общение); т. е. мы говорим здесь о темах текста в их структурном развитии, т. е. о тематическом срезе текста, и о темах в их системном развитии, т. е. о тематических полях текста. Иначе говоря, «тематический срез» (или собственно темы) и «тематические поля» (или вербализованные темы, репрезентированные в знаке) и есть наши дискурс-категории, которые надо реконструировать, чтобы понять текст;*

(2) *темы с учетом двух других координат, определяющих развитие их актуального (манифестированного) содержания (содержание как бы лежит на поверхности: оно (очевидно). Это те же темы (тематический срез и тематические поля), но уже представленные в синтагматическом измерении (нарративная характеристика содержания; «предмет общения, вытянутый линейно») и иерархическом (прагматическая характеристика; предмет общения в спектре его значимости).*

Установив все это, мы также ответили на вопрос: какая из форм организации содержания (структурная, системная, иерархическая или линейная) важнее? Для понимания содержания текста во всей его глубине и функциональной полноте – все.

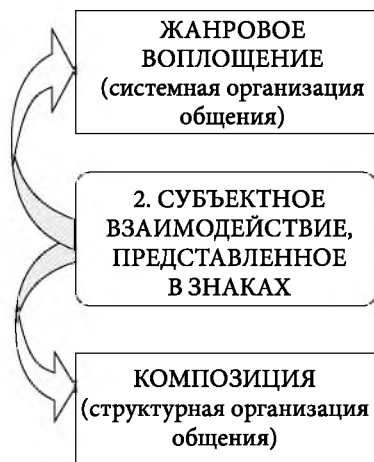
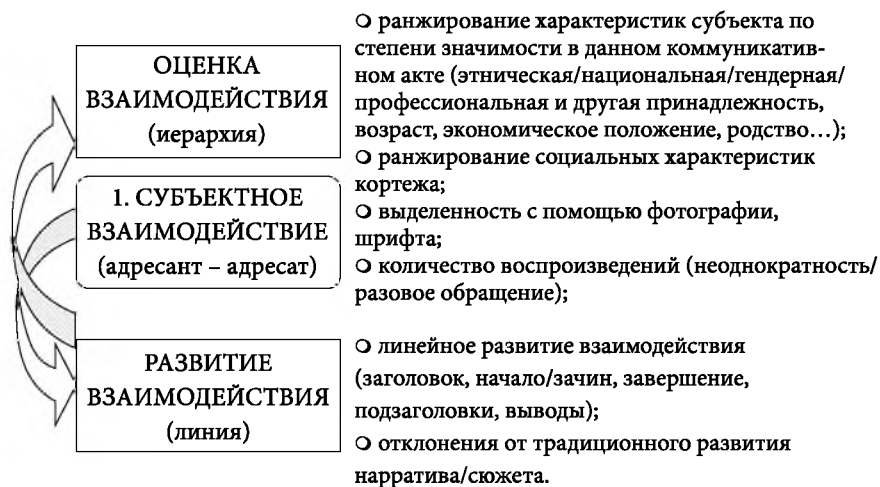
Для понимания содержания текста в процессе естественной коммуникации все зависит от целевой установки общения. Общение профессионалов, в центре внимания которых находятся их профессиональные вопросы, предполагает актуализацию и структурной, и системной компонент наряду с иерархической и линейной. Общение ради общения или общение по не столь серьезным поводам, как правило, не требует декодировать информацию структурной и системной компонент. Вполне достаточно декодировать линейную и иерархическую компоненты содержания, т. е. актуальное, манифестируемое содержание, которое и находится в фокусе внимания тех, кто проводит контент-анализ, т. е. тех, кто работает в количественной исследовательской парадигме.

4

Четвертый вопрос, который мы хотим поставить здесь, таков: почему преподаватель немецкого языка, обучая аспирантов повелительной форме глагола (ибо такая форма существует и в немецком языке), говорит им буквально следующее: «Только не используйте ее в устной речи, просто знайте, что она есть»?

Ответ достаточно прост. Адресат (предполагается, что это человек, для которого немецкий язык будет родным) вместо того, чтобы думать о предмете разговора, станет думать о том, что случилось с собеседником, почему он себя так странно ведет, чем он или она его обидели и пр. Иначе говоря, актуализация содержания перейдет с референтной на кортежную информацию текста (с картины мира текста на картину его речевого поведения), что является еще одним доказательством наличия обеих. Актуализация этого вида информации чаще происходит, когда есть коммуникативные сбои, когда общение «переходит на личности», когда есть неудовлетворение собеседником. Мы привыкли выносить за скобки такую информацию, считать ее контекстной. Но она всегда присутствует в тексте, планируем мы ее или нет (конструктивная, негативная, нейтральная, коллегияльная, дидактическая, пропагандистская, объединяющая, позиционирующая и др.), а при знании аналитических практик, используемых для реконструкции картины речевого поведения текста, мы также можем ее декодировать.

Посмотрим теперь на **аналитические практики, с помощью которых мы можем реконструировать картину речевого поведения (кортежного взаимодействия)** на примере вышеприведенных двух текстов («Чтение и университеты» и сказки-притчи) (схема 5) [11, с. 75].

С х е м а 5. Дискурс-картина кортежного взаимодействия (субъектно-деятельностная картина мира), представленная в тексте/ дискурсии: сущностная информация, картина социального взаимодействия; поведенческая реальность vs. коммуникативной реальности

Для реконструкции картины речевого поведения текста (в соответствии с тем, как эту функциональную содержательную целостность операционализирует каузально-генетическая модель содержания дискурса) нам нужно реконструировать *кортежное содержание текста в его*

иерархической, линейной, системной и структурной реализации. Короткое содержание отражает (в пассивных видах речевой деятельности: чтении и аудировании) и формирует (в говорении и письме) специфику взаимодействия адресант – адресат. Снимая линейную и иерархическую информацию о коротком взаимодействии, мы реконструируем роли, которые берет на себя адресант и приписывает адресату с учетом линии текста или с учетом их значимости в разных позициях этой линии. Снимая структурную и системную информацию, мы реконструируем специфику содержания, которое несет **формат** текста, и специфику содержания его **жанровой** подачи.

Текст из материала «Чтение и университеты» дает нам основание для констатации того факта, что это **формат** научного письменного общения некоторого междисциплинарного сообщества. То есть тех, кто занимается исследованием в таких областях знания, как методика преподавания родного языка, педагогика, психология, история образования, теория литературы, а также тех, кто руководит научной работой студентов-гуманитариев.

Жанровый анализ, в свою очередь, говорит о том, что **жанр** является полуоткрытым. *Закрытость* мы декодируем из терминологического среза текста, который со всей очевидностью говорит о закрытости дискурсного сообщества рамками профессии коммуникантов. *Открытость* мы декодируем из других лексико-семантических и тематических полей текста (см. схему 4). Текст открыт всем, кто работает или учится в университетах, кто просто интересуется, чему сейчас учат в университетах, что важно, актуально, модно, наконец.

Роли адресанта и адресата, в принципе, парные и немногочисленные. Так, с позиции значимости это: (1) ученый-педагог – коллегам и одновременно тем, кому интересно (широкой общественности); (2) современный педагог – коллегам, мыслящим прогрессивно; (3) педагог – педагогу; (4) ученый-педагог – всем, кому интересно; (5) ученый-либерал – своим единомышленникам.

С позиции линейного развития можно нарисовать следующую цепочку (где цифры в скобках соответствуют цифрам, обозначающим парные роли адресанта и адресата, которые мы назвали в предыдущем абзаце):

«Обнаружение непосредственного взаимодействия между опытом чтения и формированием (2) того, что сейчас модно называть (1) в образовательной среде (in education-speak) (5) «навыком передачи» (навыком интерпретации, трансформации), т. е. того, что есть составляющее трех начал – понимания, коммуникативных способностей и независимого мышления (4) – не стало чем-то неожиданным для тех из нас, кто преподает в современных университетах» (3).

Проанализировав данную цепочку ролей, мы увидели, что рамочным является общение «педагог – педагогу» в контексте современности, актуальности, прогрессивных веяний. В самом тексте дискурсная группа значительно расширяется: если это аудитория из другой среды, но заинтересована в информации, то она все поймет, ибо все разъяснено, определено, трудности понимания, связанные со сферой занятий целевой группы, сняты. Центральное место также занимает позиция свободного, либерального общения.

Подводя итоги, можно сказать о картине речевого поведения первого текста следующее. Автор и аудитория представлены в письменном взаимодействии. Они – это научное междисциплинарное, скорее гуманитарное, сообщество, которое в каком-то смысле закрыто (не каждый их поймет), но в целом открыто (кому интересно – могут включиться). Реконструкция взаимодействия автора и аудитории позволяет сказать, что кортеж в первую очередь профессионален, заинтересован в предмете общения, в поиске нового, значимого, актуального; заинтересован также в либеральном отношении, открытости общения.

Попробуем теперь реконструировать картину речевого поведения из второго текста. Текст дает нам основание для констатации того факта, что это **формат** общения старшего с младшим, педагога, воспитателя с учеником, воспитанником.

Жанровый анализ, в свою очередь, говорит о том, что жанр задан как полужакрытый. *Закрытость* мы декодируем из того, как структурированы абзацы текста: читатель оказывается ведомым, а автор ведущим, фокусирующим внимание, расставляющим акценты; и особенно из первого абзаца. *Открытость* мы декодируем из последнего абзаца: на вопрос «кто виноват», читатель сам ищет ответ. В то же время максимально много сделано для того, чтобы виновным был назван мальчик, хотя есть в тексте и то, что может посеять сомнения. Если читателю будет дано время на размышление и если от читателя ждут размышлений и поиска своего ответа на ситуацию. Факт, что убиты овцы, достаточно жесткий, и им он уже открывает текст для размышлений и выводов.

Роли адресанта и адресата, в принципе, парные и немногочисленные. Так, с позиции *значимости*, которая будет их интерпретировать, это: (1) учитель, выделяющий главное, – ученик, которому не надо искать, ему уже все дано; (2) повествующий нарратор – слушающий, следящий за повествованием; (3) драматизатор – включенное присутствие; (4) эмоциональный рассказчик – сопереживающая аудитория; (5) автор, называющий факты, но не интерпретирующий их, – аудитория, академическая,

школьная, детсадовская, семейная (но кто именно – не ясно: учитель или ученик? Ребенок или воспитатель, родитель?).

С позиции *линейного* развития можно нарисовать следующую цепочку реализации дискурс-категории **«роль»**:

Мальчик, который кричал «волк!» (1)

Это история о мальчике (1) из маленькой деревеньки, расположенной в горной местности. Мальчик не ходил в школу — он пас овец отца. Но работа была очень скучной (2).

Однажды мальчику пришла в голову идея пошутить над жителями деревни (2). Он закричал: «Волк! Волк! Помогите! Волк убивает наших овец!» (3)

Жители деревни прибежали на крик. Мальчик засмеялся, а люди увидели, что никакого волка не было. Они очень рассердились (4).

*Прошло время, и опять мальчик пас овец (2). Вдруг он увидел крупного волка и закричал: «Волк! Волк! Помогите! Пожалуйста, придите и помогите мне!» (3) Но жители деревни подумали: «Это опять он. Значит, нет никакой волка» (3). И они не пришли **на** помощь мальчику (4). Волк убил всех овец (5).*

Комментарий по поводу цепочки может быть следующим.

Рамочное общение – это диаметрально противоположное поведение автора, задающее, соответственно, и разное поведение у аудитории. Вначале автор взял на себя роль расставляющего акценты и предоставил аудитории роль следующих за ним, внимающих ему. А в конце он как бы освобождает их от своей фокусировки внимания, предоставляя домыслить. Иначе говоря, начало – это закрытое, фокусированное общение, а конец текста – это общение, открытое интерпретациям. Но взаимодействие, данное вначале, несколько протяженно, в то время как общение в конце текста разово, т. е. все сделано так, чтобы подвести читателя к единому выводу.

В самом тексте автор в большей степени нарратор, повествующий, а аудитория – слушающий, следящий за повествованием читатель. Но значимо и взаимодействие, где автор драматизатор, он проигрывает роль, вводя прямую речь, что предполагает прямую включенность аудитории, как бы ее присутствие, ибо уже не только рассказчик, но и сами герои общаются с аудиторией.

Появляется у автора и позиция «эмоциональный рассказчик», что должно вызвать сопереживание со стороны аудитории. Но характерно, что это напряжение, эмоция строятся не на использовании эмоционально-оценочной лексики, а на том, что сами факты, которые вводит автор, несут в себе этот отрицательный заряд и, тем самым, должны вызвать негативное отношение у аудитории. То есть уже тут аудитории дана как бы свобода порождения своего отношения, однако это отношение прогнозируемое ибо заданное, руководимое.

Осмысливая все 4 компонента организации картины речевого поведения второго текста, можно сказать следующее: (1) взаимодействие адресант – адресат – это взаимодействие старшего с младшим, педагога, воспитателя с учеником, воспитанником. Адресант как бы ведет за собой аудиторию, фокусирует внимание, расставляет акценты; (2) трудно сказать, какая роль автора иерархически более значимая: изначально кажется, что главное – пересказать историю (нарратор), потом оказывается, что главное – включить аудиторию в историю (драматизация), заставить переживать (эмоциональный рассказчик), но потом становится понятно, что важнее для автора оттолкнуться от этой истории, сконцентрировав внимание на главном, и как бы перейти к новому тексту, тексту морализаторскому, хотя этот текст и не озвучен (учитель, моралист). Можно добавить также, что только что перечисленная последовательность ролей опять-таки перечисление без ранжирования и без учета линии появления этих ролей в тексте. Если же учесть последнее, то в линейном плане автор уходит от какого-либо давления на читателя, дает ему возможность самому подумать о тексте и о выводах. Поэтому и здесь мы не можем сказать, что текст однозначен, прямолинеен, прост. Остается недосказанность, открытость взаимоотношений адресант – адресат, возможность разного наполнения кортежного содержания.

Подведем итоги. Нашим **тезисом 4** будет следующий. Картина речевого поведения есть одна из функциональных содержательных целостностей текста. Процесс переноса фокуса внимания автора и аудитории с кортежной информации на референтную и обратно помогает лучше понять специфику взаимодействия коммуникантов в ситуации общения.

5

Еще, казалось бы, относительно недавно внимание лингвистов было сфокусировано исключительно на анализе морфем и фонем. Позже – на словах и их грамматических формах. Те, кто читал «Недоросль» Фонвизина, помнят удивление главного героя по поводу того, что мы общаемся прилагательными, глаголами... В то время эти малые лингвистические формы были еще не совсем понятны обывателю, казались кому-то революционными, а кому-то просто модными. Сегодня же фокус внимания – на макрокатегориях: дискурсах, дискурсиях, жанрах, форматах. Эти слова – на слуху, и заговорили о моде на них, даже о революции в языковании. Что здесь нового?

Сегодня мы так же, как когда-то Фонвизин, можем сказать, что общаемся жанрами, форматами. Что нового мы узнали о жанре, формате, что поместили их в разряд актуальных, новых категорий?

Новое то, что жанр и формат перестают рассматриваться исключительно как форма мысли, а скорее как содержательная характеристика мысли. «В каком мы будем формате?» – спросите вы у журналиста, приглашающего вас выступить в эфире. Вы будете говорить совсем другое и по-другому в зависимости от выбора формата и жанра коммуникации. Жанры «лекция», «семинар», «тренинг», «мыльная опера», «боевик», «мужской сериал», «ток-шоу» задают некое обязательное содержание текстам, репрезентированным ими.

Фильм «Крамер против Крамера» в свое время был увиден и услышан широкой европейской общественностью. Причина тому – принципиально новое содержание, которое фильм донес до аудитории. Принципиально новое, хотя ключевая тема данного фильма эксплуатировалась продюсерами и ранее: тема неравенства в семье и, в частности, в возможностях карьерного роста мужа и жены, если в семье маленький ребенок, требующий постоянного внимания. В чем же новизна содержания этого фильма? В том, что проблематика, ранее поднимавшаяся преимущественно в жанре «мыльной оперы» (открытый, неспешный текст), была помещена в жанр «мужского сериала» (закрытый текст, не предполагающий множественности трактовок, текст с быстро меняющейся картинкой и информацией, не фильм-размышление, а фильм-действие). Для одних (мужская аудитория) – новое содержание в старой упаковке. Для других (женская аудитория) старое содержание в новой упаковке. Для всех что-то новое. Вот почему оно и было донесено и услышано. Соответственно, неожиданное, новое содержание привело к иной реакции аудитории, иным выводам, даже решениям. Фильм способствовал даже рождению нового витка в законотворчестве Европы, которое дало равную возможность и мужчинам и женщинам брать отпуск по уходу за ребенком.

Наш тезис 5 открывает путь преемственности в процессе реализации дискурс-аналитических исследований при переходе от малых содержательных, т. е. коммуникативных, форм к большим (от слова к предложению, тексту и далее к жанру, формату, дискурсии, дискурсу, макротексту). Не удивительно, что источниками дискурс-анализа стали прагмалингвистика, семантика, макросинтаксис.

6

Чем отличается процедура контент-анализа от процедуры дискурс-анализа?

На этот вопрос мы уже в каком-то смысле ответили. Вся логика теоретического осмысления, подхода к дискурс-анализу и логистика процедуры его проведения (аналитические практики), описанные в данной статье, со-

вершено иные, чем в случае осмысления и проведения контент-анализа, рожденного в русле позитивистской, количественной социологии и характеризующегося скольжением исследователя (а чаще его помощников) по огромной выборке текстов, фиксацией им или ими (помощниками) на тех элементах содержания или формы текстов, которые заданы исследователем и составляют скорее его картину мира, но не картину мира каждого из изучаемых текстов, игнорированием всего, что есть в текстах, но не важно аналитику. И все же сделаем еще ряд уточнений по поводу вышесказанного.

В основе контент-анализа (осуществляющего сбор и осмысление базы данных текстов с опорой на количественные показатели выборки, текстовые фрагменты, системность в отборе информации, экстенсивность, фиксацией внимания только на актуальном, поверхностное содержание текста) *и дискурс-анализа* (сбор и осмысление базы данных текста с опорой на текст в его целостности и эксклюзивности, фиксация внимания как на актуальном, так и потенциальном, глубинное содержание, селективность, иллюстративность, качественная обработка материала без пропусков того, что единично и на первый взгляд случайно) *находятся разные методологические программы*. Доверие методике невозможно без доверия методологической программе.

Контент-анализ текста – это выборка текстов по определенной проблеме. В центре внимания проблема. Проблема операционализируется с позиции социальной теории ее видения безотносительно текстов выборки. Проблема структурируется, в ней выделяется главное, возможен также замер и системных характеристик содержания (терминология, жанрово-стилистическая характеристика). Потом с позиции этой схемы-программы анализируются все тексты выборки. Текст как целостность, как ценность не реализует себя никак. Ценность за отдельными фрагментами. Фрагменты текстов начинают складывать рисунок анализируемого текстового пространства. Но это уже другие тексты, разрезанные, как в анатомическом зале, а потом сшитые, но все равно мертвые. Их анализ многое может объяснить, но не может оживить текст, поместить его в живую среду общения, сделать многогранным, противоречивым, полифункциональным.

Дискурс-анализ – это внимание к единичным текстам. В центре внимания целостное оригинальное, живое, дышащее текстовое пространство. Его анализ не требует разрезания, а лишь особого фокуса внимания. Множественные аналитические практики – это рентген, УЗИ, анализ крови и др. От них тексты не умирают, не меняют своего облика. Они

остаются такими, какие они есть. Каждый анализ не самозначим – важен комплекс анализов, исследований. Только тогда можно поставить диагноз пациенту. И лучше когда ставит консилиум или врач-универсал, объединяющий и опыт практической работы, и опыт исследовательской.

Иначе говоря, **контент-анализ** – это анализ содержания того, что мы отфильтровали из текста, видимая часть айсберга, это только актуальное, манифестируемое содержание, то, что очевидно, что на поверхности. А **дискурс-анализ** – это анализ живого текста, текста в субъектной ситуации общения, текста в социальном контексте (что, впрочем, синонимично), это – и видимая, и невидимая часть айсберга одновременно, это и актуальное, и потенциальное и, как мы показали в статье, многое другое. Каждый вид анализа выполняет свою задачу. И странно требовать от одного быть похожим на другого и тем более ставить знак равенства между ними. Это как лебедь и утенок в сказке Андерсена «Гадкий утенок». Они просто разные птицы. Если с позиции утки лебедь – гадкий утенок, то с позиции лебеда утенок – гадкий лебедь. Абсолютно абсурдная логика оценки.

Но если мы признаем этот факт, то тогда мы должны пересмотреть целый ряд вопросов: что составляет сущность *объективного* и *субъективного* в исследовательской программе анализа содержания текста и выборке? Что значит *репрезентативная выборка*? Что есть действительно *функциональное* исследование содержания текста? Что есть *текст в его функциональной данности*? Что есть *план содержания текста* в его современном видении?

Эти вопросы мы уже поднимали в ряде наших статей ранее [4, 5]. Здесь же сфокусируем внимание на следующих позициях, которые и будут нашим **тезисом 6**:

○ *Контент-анализ* и *дискурс-анализ* призваны исследовать **план содержания** текста, и это единственное, что их объединяет.

○ *Контент-анализ* «считывает» только актуальное, манифестируемое содержание, причем из отдельных фрагментов текста, но утверждает, что анализирует весь текст. Фрагменты текста, ставшие предметом анализа, выбраны в соответствии с теоретическими установками исследователя. *Дискурс-анализ* «реконструирует» то, что неочевидно, что лежит на глубине содержания, для него важно «вытащить» на свет все потенциально заложенное в нем.

○ Для *контент-анализа* текст – только материал, он не самоценен, самоценна позиция исследователя, с материалом может работать даже начинающий исследователь, тот, кто умеет читать, т. е. видеть *форму* выражения. Для *дискурс-анализа* текст самоценен, его надо понять; он же

является и материалом исследования, но это такой материал, с которым может работать только профессионал, тот, кто умеет читать, т. е. видеть *смыслы*.

Для контент-анализа содержание однозначно, одномерно. Для *дискурс-анализа* сознание многомерно, полифонично. Поэтому тем, кто проводит *контент-анализ*, нужно много текстов, а тем, кто проводит *дискурс-анализ*, – нет, ибо в одном тексте они видят много текстов. Поиск глубины так же бесконечен для дискурс-аналитика, как бесконечен (открыт) размер выборки для контент-аналитика. Сторонником количественного подхода порой не совсем понятно: что же можно искать на глубине? В то же время сторонникам качественного подхода также может быть не совсем понятно, зачем увеличивать количество текстов выборки. Для *контент-анализа* результатом является цифра и ее интерпретация. Можно сказать, что цифра есть способ описания содержания в данном подходе. Для *дискурс-анализа* результатом является слово. Живое слово есть способ описания содержания, иначе говоря, результат дискурс-анализа есть новый текст, рожденный в процессе интерпретации и комментирования, анализа исходного текста (материала).

Процедура *контент-анализа* идет от построения (субъективной) исследовательской программы к сбору базы данных по этой программе и далее, ее обработке и подсчету (результат объективен). Процедура *дискурс-анализа* идет от работы над текстом (материалом) в его целостности (объективация текста, текст как объективная данность) к сбору базы данных (всего возможного, что можно собрать) и далее ее обработке (комментарий, интерпретация, анализ) и созданию нового текста (синтез), в котором все имплицитное эксплицировано.

4.3. ОТ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА К ПОНИМАНИЮ МИРА. КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ НОВОЕ ЗНАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Здесь мы акцентируем внимание на необходимости введения в процесс обучения специалистов гуманитарного профиля интердисциплинарного курса (или учебного модуля) по дискурс-анализу, т. е. анализу *содержания* общения с учетом *социального контекста*, синтезирующего знание о том, *как организовано содержательное пространство дискурса и как его можно оптимально реконструировать с учетом разнообразия целевых установок чтения*. В частности, обращается внимание на актуальность обучения студентов и аспирантов таким приемам чтения, как:

ранжирование информации (нахождение главного), *структурирование или операционализация* (поиск глубины содержания), *анализ системных и линейных* проявлений содержания (видение парадигматических и синтагматических форм означивания). Значимость этих приемов анализа содержания текстов обосновывается особенностью организации их содержания и ссылками на существующие модели современного цивилизационного развития, программирующие те или иные доминирующие формы (практики) мышления. В статье подчеркивается тот факт, что обучение данным приемам анализа содержания текстов помогает сформировать дискурсную и методическую (когнитивную) компетенции студентов, а также объясняется место данных компетенций в общей системе компетентностного подхода к обучению эффективному языковому общению.

Значение выражения «*понять текст*» несколько расплывчато: мы используем это выражение в речи, констатируя факт как поверхностного, так и глубокого понимания. Иначе говоря, диапазон понимания достаточно велик – от начального, стартового до экспертного. Соответственно, мы и воспроизводим результат нашего понимания по-разному: на разном акцентируем внимание, по-разному оцениваем текст. И это естественно, ибо «понимать», согласно толковому словарю русского языка, значит «иметь ту или иную точку зрения на что-либо», что **акцентирует субъективное начало понимания** и «быть знатоком чего-либо», что акцентирует **объективное начало** процесса понимания. Так, в самом диапазоне определений прочитывается возможность оценки результата понимания не только в плане дихотомии «глубокое – поверхностное», но и «объективное – субъективное», «правильное – неправильное», «авторитетное – неавторитетное».

Изначальная множественность понимания предполагает и наличие множественности *приемов чтения*, каковыми являются: *просмотр, поиск, концентрация на главном, анализ*. Соответственно выделяются и виды чтения – просмотрное, поисковое, информативное, аналитическое. Понятно, что настоящая глубина понимания текста достигается, если мы используем *аналитический вид чтения*. А значит, освоение этого вида чтения – необходимая составляющая учебного процесса специалистов по иностранному языку. Ведь они – специалисты, эксперты. Мы полагаем, что, обучая студентов иностранному языку в рамках таких направлений, как «иностраный язык для специальных целей» и «иностраный язык для академических целей» (в том числе «научных»), мы также не можем не обратить самое пристальное внимание на обучение студентов *техникам, или приемам, аналитического чтения*. Насколько профессионально,

компетентно мы это делаем и чему именно мы обучаем? Отдаем ли себе отчет в том, насколько актуальны *именно сегодня* те техники аналитического чтения, которым мы обучаем студентов?

Текст есть **единство формы и содержания**. До настоящего времени техники анализа содержания (будь то целостного текста или отдельного высказывания) озвучивались в курсах родного и иностранного языка (лексический, грамматический, синтаксический анализ), риторики (стилистический, риторический анализ), философии (герменевтика), литературы (анализ литературного произведения), логики (логический анализ), компьютерной лингвистики и социологии (статистический анализ, контент-анализ) и других дисциплин (этно-, социо-, прагма-, психолингвистики, культурологии, истории...). Каждый анализ имеет перед собой свою задачу и обращает внимание на свой срез содержания. И практически везде текст (в его реальной функциональной данности, предполагающей целостность, многомерность, единство потенциального и актуального, имплицитного и эксплицитного, адресанта и адресата) ускользает от специалиста. Не случайно мы констатируем рождение и все больший вес новой синтетической дисциплины – *дискурс-теории, или дискурс-анализа*, объединяющей в своей научно-исследовательской и педагогической практике *максимальное число видов (срезов) информации*. Однако этот курс сегодня скорее случаен, чем закономерен в курсах обучения специалистов гуманитарного профиля.

Отсутствие обязательного единого курса, сконцентрированного на обучении *многомерному качественному анализу* содержания текстов, не способствует сохранению авторитета Текста (текста с большой буквы, текста как единства мысли и дела, отношения к миру и социальной среде). Количественному подходу в этом смысле повезло больше: студенты-гуманитарии изучают статистический, дисперсный, другие виды количественного анализа, в том числе и контент-анализ, который озвучивается как качественно-количественный, но он изначально построен по законам количественного исследования и подтверждение тому – исследовательская выборка [13, 14].

Нам следует остановиться отдельно на специфике качественной и количественной выборки, т. е. выборки, характерной для качественной и количественной исследовательских традиций, ибо сегодня наблюдается тенденция считать один подход хорошим, а другой плохим – большая исследовательская выборка (корпус текстов, например) – это хорошо, а маленькая – плохо. Плохо и хорошо для чего и для кого? И что такое большая выборка? Цифра 200–300 – это много или мало для установления зако-

номерностей какого-либо рода в языковом исследовании? Такой вопрос некорректен по сути. Это может быть катастрофически мало для количественного исследования и катастрофически много для качественного. Вопрос в том, какой метод исследования выбран нами. И только тогда мы можем говорить о правомерности той или иной выборки, ибо она задает методу качественные характеристики. Давайте посмотрим, какие именно.

Квалитативная выборка задает методу качественного анализа такие характеристики, как: (1) целостный (холистический) взгляд на текст, отношение к тексту или супертексту (определенному дискурсивному пространству) как к языковому знаку; (2) бесспорное внимание к структуре текста, которая, однако, видится исследователями далеко не однозначно; (3) учет не только и не столько актуального содержания текста (исключительное внимание к актуальному содержанию характерно для количественных подходов к исследованию текста), сколько всего многообразия содержательных аспектов и видов, присущих тексту; (4) селективный подход (что предполагает отбор на первый взгляд случайных элементов текста); (5) иллюстративный, специфицирующий взгляд на текст (текст иллюстрирует ту или иную тенденцию, но не тенденция заключена в тексте); (6) учет (главным образом, в исследовании текстов СМИ) зависимости специфики актуализации плана содержания текста от субъектной ситуации общения, а именно: перенос акцента с адресанта (автора) и даже собственно с текста на адресата, аудиторию (что в настоящее время трактуется учеными социальных наук как показатель субъективности содержания текста и, соответственно, субъективности результатов анализа; они рассматривают данный анализ либо как открывающий, пилотажный, либо как завершающий исследования, фокусирующий, акцентирующий) [15, 16].

В свою очередь **квалитативная выборка характеризует метод следующим образом**. Его характеристиками становятся: (1) систематичность (в рамках исследования предполагается равное отношение ко всем единицам содержания, определенным процедурой исследования, а также повышенное внимание к процедурам выборки); (2) фрагментарность (уделяется внимание не самому тексту, а отдельным его фрагментам); (3) объективность (опора на текстовую реалию как на материальный след опыта субъектов коммуникации); (4) интенсивность (последовательность и постоянство); (5) генерализация (обобщенность результатов исследования); (6) опора на анализ манифестирующего, актуального (но не латентного, потенциального) содержания вербального документа [17, 18].

Как видим, количественный и качественный метод обладают самостоятельными, отличными друг от друга, даже противостоящими, противо-

положительными характеристиками. Игнорирование одного из них нарушает баланс наших знаний о мире и о нас. Именно это и происходит сегодня. А в результате мы оказываемся перед *глобальной проблемой непонимания текстов*, которые нас окружают: текстов других людей, представляющих другие культуры – культуры другого пола, возраста, образования, рода занятий, другой культуры, другого народа, другой цивилизации. И при этом упорствуем в своем незнании: мы уверены, что мы понимаем других (ведь мы «считываем **форму**», а если какое-то слово и не знаем, то посмотрим в словаре, «всех-то и делов!»). Мы понимаем других, а они нас нет или не хотят понять. Мы ничуть не стали лучше, т. е. не стали более эффективными коммуникантами. И это приводит нас к тому, что мы опять делим мир на хороших и плохих, на верных и неверных, на своих и чужих, на тех, кто понимает (так как нам этого хочется) и тех, кто не понимает (т. е. понимает иначе). Пробелы, имеющиеся в образовании, становятся проблемами общества. Впрочем, уже само осознание этого факта значимо и открывает нам путь к поиску решения проблемы.

Тяга к знаниям, расширению своего диапазона умений и навыков, стремление к овладению стратегиями эффективной коммуникации у студентов есть. На высоте ли мы – преподаватели вузов? Как мы сегодня учим студентов и чему?

Работая с текстом на занятиях по иностранному языку, обучая студентов **аналитическому чтению** (в некоторых случаях его называют интерпретативным чтением), преподаватель просит: «перескажи» (не предлагая ситуацию общения – кто адресат?), «проинтерпретируй» (не называя целевую установку интерпретации – для чего она необходима?), «проанализируй» (не объяснив специфику аналитического мышления и возможности разного подхода к аналитическому чтению, к выбору приемов анализа текстов). Возможно, так происходит потому, что и в специальной литературе крайне сложно найти определение термина «аналитическое чтение», описание приемов аналитического чтения, его целевых установок. Оно до сих пор остается чем-то собирательным, расплывчатым. Часто на уроках этого вида чтения учитель учит анализировать главным образом даже не текстовую, а языковую форму и из нее извлекать содержание. Работая с макротекстом, может перейти к литературному анализу, анализу жанра, т. е. той же формы. Анализ текста часто превращается в поиск одного, правильного (!) варианта содержания, того, который хотел передать автор. Естественная многозначность текста (благодаря естественной многозначности формы) часто куда-то уходит. Потенциальное содержание, которым обладает текст и благодаря которому текст живет не только в момент рождения, но и многие годы спустя, сужается вплоть до исчезновения.

Такой подход способствует идеализации автора и формы и тормозит развитие критического мышления студентов. (Поясним, что для нас критика текста и использование критического мышления – это совершенно разные действия: *критическое мышление* предполагает опору на действительное понимание текста: вначале понять, а потом критиковать; в то время как *критика текста* может быть реакцией на недостаточное понимание.) В дальнейшем такие студенты, поступая на магистерскую учебу, испытывают большие сложности, работая, например, над обзорами специальной литературы. Им проще процитировать автора, чем извлечь информацию и использовать ее в своем тексте, ибо целевые установки автора цитируемой работы, и автора, пишущего обзор, различны. Значит, и текст будущий магистр должен читать иначе, через призму своей задачи, своего видения, актуализируя предмет общения в иной ситуации общения, в ином социальном контексте. Но этому на уроках аналитического чтения его не учили. Это было бы уже иное аналитическое чтение – с фокусом внимания не на форму и ее актуальное содержательное наполнение, а на содержание и другие формы, которые могли бы передать все его многообразие в его комплементарности (дополнительности), а быть может, противоречивости или созвучии: вариантов реализации будет относительно открытое множество.

Таким образом, мы подводим к мысли о том, что в настоящее время можно подумать и о другом наполнении курса «аналитическое чтение» и предложить такой курс не только старшекурсникам языкового вуза, но и студентам и магистрантам других специальностей, в курс обучения которых входит учебный модуль «Иностранный язык для специальных целей». Основу для нового наполнения курса мы видим в более активном использовании знаний новейших направлений лингвистики – когнитивной, этно-, психо-, социолингвистик, теории коммуникации, межкультурной коммуникации и др. Но мы говорим в данном случае не о знаниевой парадигме обучения, а о формировании и закреплении умений и навыков анализа с опорой на эти знания. Вот почему мы говорим об актуальности использования ряда приемов дискурс-анализа на уроках аналитического чтения.

К таким актуальным сегодня приемам (методикам, техникам) анализа (безусловно, наряду с традиционными, ибо мы не отрицаем, а, наоборот, подчеркиваем безусловную преимуществом новых видов работы с текстами) нам хотелось бы отнести следующие четыре группы приемов (техник), каждая из которых (в силу их комплементарности/дополнительности) может рассматриваться как верификативная или уточняющая.

Первая группа – это *приемы линейного (параллельного, непересекающегося) чтения*. Каждый текст – это не одна, а некоторое множество тем,

которые текст развивает, а в результате текст представляет собой своего рода клубок (тематические цепочки) из меланжевой нити. Мы привыкли сводить текст к какой-то одной теме, но если присмотреться, то их будет гораздо больше. Тематической в нем может стать и фактологическая информация (факты, события, складывающиеся в сюжет); и мыслительная (отношения, оценки, переосмысление факта, поднимающиеся до этического или эстетического). В клубок подмешана и информация об общающихся коммуникантах, их коммуникативной модели взаимодействия, их речевом поведении. Анализ содержания, таким образом, становится распутыванием клубка, отделением каждой его ниточки, осознанием ее значимости для общего содержательного единства.

Вторая группа – приемы структурирования (операционализации) тематических узлов текста. Каждая тема текста, помимо линейного развития, имеет и структурное развитие, которое можно реконструировать приемами, напоминающими приемы актуального членения и тема-рематический анализ, с той только разницей, что материалом анализа служит одновременно все текстовое пространство как определенное содержательное единство. Здесь важной составляющей анализа является способность видеть, на какую глубину опускается каждая из зафиксированных предыдущими приемами тем. Если в тексте говорится о каком-то явлении, то не важно, в какой части текста, а важно, что именно о нем говорится, какие его характеристики даны, как они далее специфицированы, как эта спецификация уточняется и т. д. Так же можно операционализировать (разложить на составляющие) и интерактивное взаимодействие коммуникантов: определить их формат общения, время, отведенное каждому для общения, роль каждого, другие ограничители порождаемого текста.

Третья группа – приемы чтения с опорой на вербальный ряд (системную или парадигматическую организацию содержания). Один из приемов, актуальных для данной группы, – работа с *ключевыми словами*, их поиск, группировка (полевая организация), определение коннотативного и ассоциативного фона, что помогает расширить возможное «считывание» предмета общения, найти иные фокусы внимания, но также увидеть субъектную ситуацию общения, взаимоотношения между коммуникантами. Другие приемы – поиск специфики грамматической, синтаксической, стилистической «оранжировки» тем и речевого поведения, что также поддается «считыванию» и множит содержательное разнообразие. Жанровая палитра текста либо открывает текст для неопределенного числа общающихся, делая текст популярным, либо закрывает и тем самым ограничивает число тех, кто может понять и принять данный текст.

Четвертая – *техники ранжирования* информации с учетом обязательного использования разных критериев значимости. Как видим, есть что ранжировать, ибо содержание множится, дробится, «одевается в разные вербальные одежды». Ранжирование – это не просто оценка чего-то, но оценка с позиции пространственного видения содержания (линейного, структурного, системного). В ее основе – сравнение, поиск места всем элементам целого.

Мы полагаем, что эти четыре группы приемов, или техник, анализа могут формировать и *четыре подвида аналитического чтения* (с акцентом не на формальный, а содержательный пласт текстов), каждое из которых раскрывает свой горизонт содержания:

○ *анализ линейного развития содержания* открывает возможность увидеть множество сопутствующей информации, своего рода «*параллельные миры*» текстов;

○ *анализ структурного развития содержания* открывает возможность увидеть *конфликт*, противоречие, заложенное в тексте, ибо операционализация – это видение целого через набор других целостностей и т. д., мы имеем своего рода отрицание отрицания;

○ *анализ системного развития содержания* открывает возможность увидеть гармонию языкового воплощения содержания текста. Суть этой гармонии во внутреннем постоянном *диалоге* составляющих (у каждого из которых есть свое место в системе языковых значений), ибо взаимодействие всех уровней языка подчинено единой цели – на основании общего (а в языке есть только общее) порождение нового, эксклюзивного содержания, живого функционального, подвижного;

○ *анализ иерархического развития содержания* открывает возможность увидеть *поглощение* одних, менее важных элементов содержания другими, более ценными, центральными, ключевыми.

Как эти практики и виды аналитического чтения текстов работают на понимание мира?

Мы исходим из того, что мир есть текст, а текст есть слепок мира (результат) и открытие мира (процесс). Мир представлен странами, нациями, культурами, цивилизациями, наконец. Мы предложили заострить внимание на этих четырех ключевых группах приемов аналитической работы с текстом уже хотя бы потому, что именно по этим направлениям организуется план содержания текста/дискурса [19, 20]. И если принять посылку, что каждый текст несет нам некую свою, эксклюзивную картину или хотя бы картинку, некий рисунок мира (*дискурс-картину мира*), а также особую картину или рисунок речевого поведения коммуникантов (*дискурс-картину коротежного взаимодействия*) [21], то именно эти прие-

мы нам и помогут эти рисунки (картины) восстановить (реконструировать) и описать.

Еще одна причина, которая указывает на значимость этих групп приемов и, соответственно, видов аналитического чтения. Она заключается в том, что, как мы выяснили, данные четыре практики являются *ключевыми практиками мышления народов*, репрезентирующих четыре существующие в настоящий момент (согласно современной философской исследовательской традиции) *модели цивилизационного развития*.

Так, в настоящее время специалисты выделяют и изучают четыре модели цивилизационного развития: *европоцентризм* (с его доминантой на ранжирование ценностей и признание европейских ценностей в качестве ведущих, ключевых), *параллелизм*, или *модель параллельного существования* (с его принципиальным дуализмом и признанием того факта, что непересекающееся развитие Запада и Востока ведет к формированию культурных идентичностей более высокого порядка), *модель сосуществования*, или *модель диалога культур* (с акцентом на созвучие, нахождение всем своего «места под солнцем» в единой экосистеме), *модель конфликтного существования* (с его идеей прочтения столкновений цивилизаций (несущих изменения структурного порядка) в качестве основы их роста, развития и, соответственно, столкновения культур как основы их продвижения) [22–27].

Как видим, в *первой* (согласно вышеперечисленным, но не исторически первой) доминирует критическое мышление (ранжирование по значимости, признание европейских ценностей, а точнее, ценностей так называемой «старой Европы», абсолютно значимыми), в *второй* – линейное мышление, в *третьей* – структурное, в *четвертой* – системное.

Если мы владеем всеми четырьмя техниками мышления, мы способны максимально приблизиться к пониманию представителей разных цивилизаций, разных миров, разных культур. Иначе говоря, научиться «читать» цивилизации значит научиться видеть самостоятельную значимость каждой из форм организации содержания, каждой из техник аналитического чтения. А познание мира в целом есть единение всех этих элементов содержания воедино. Научившись читать тексты во всей их полноте, мы приблизимся к лучшему пониманию мира в целом и, что не менее важно, каждый – своего маленького (но от этого не менее значимого) мира в частности.

Таким образом, мы увидели, что для глубинного декодирования текстов (их аналитического чтения, концентрированного на содержании) требуется владение навыками дискурс-анализа, ибо все вышеперечисленные техники, или приемы, являются одновременно и приемами дискурс-анализа. И здесь возникает вопрос о том, как это новое знание адап-

тировать к уже имеющейся теории и использовать в прикладном плане. Поговорим об этом в контексте методики преподавания иностранного языка в вузе.

Современное преподавание иностранного языка (да и родного тоже) акцентирует внимание на компетентностном подходе, причем в центре внимания – **коммуникативная компетенция** (способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности). Компетенция позволяет участвовать в речевом общении в его продуктивных и рецептивных видах и является своего рода макрокомпетенцией, синтезирующей такие (микро) компетенции, как:

- лингвистическая, или языковая (способность с помощью языковой системы выразить и понимать мысли);

- социолингвистическая, или речевая (способность пользоваться языком в речевом акте, выбрать форму в зависимости от ситуации общения);

- социокультурная (способность узнавать в форме национально-культурную специфику и обмениваться ею – диалог культур);

- социальная, или прагматическая (способность строить высказывание в соответствии с коммуникативным намерением говорящего и ситуацией);

- стратегическая, или компенсаторная (способность к творчеству в языковой деятельности, т. е. к языковой догадке, предвосхищению, выбору правильного для данной формы содержания с опорой на словарь, интерпретации в пользу упрощения для себя мысли);

- дискурсивная (способность использовать коммуникативные стратегии в процессе вербализации/кодирования своей мысли или декодирования мысли другого);

- предметная (способность ориентироваться в содержательном плане общения в определенной сфере человеческой деятельности) [28–30].

Как видим, коммуникативная компетенция охватывает практически все составляющие общения, кроме одной. Эта компетенция читается как адресант-центричная. Общение же – это адресант-адресатное единство, это – кортежная (взаимоопределяющая), социально-адаптационная знаковая деятельность субъектов [31].

Мы предлагаем рассматривать данную ключевую компетенцию (коммуникативную) в ее развитии, а значит, **в дихотомическом ключе**. Второй элемент дихотомии – *дискурсивная компетенция* [32–34]. Не дискурсивная, образованная от термина «дискурсия», т. е. речевое воплощение дискурса, а дискурсивная, т. е. контекстно-определенная: предмет разгово-

ра проецируется не только на автора и не только на аудиторию, а на них как единство, целостность.

Дискурсная компетенция – это знание и владение ситуацией общения, знание и владение предметом общения, знание и владение кодами общения, в том числе речеповеденческим, и это также способность соотнесения этих видов знаний и выработка на их основе умений и навыков, т. е. это – со-владение, со-знание, со-деятельность. Поэтому я конструирую общение совместно с тем, с кем я общаюсь. Я владею ситуацией, я обладаю знанием и сознанием, я включаюсь в деятельность – это все предпосылка, а «посылка» – это Мы. Коммуниканты в общении находятся не в типичной ситуации, а в своей, актуализированной именно ими, ибо они ее строят, порождают и воспринимают. Коммуниканты – это единство, это – коммуникативный кортеж.

Мы видим обе компетенции (коммуникативную и дискурсную) как макро- или синтетические компетенции (или даже группы компетенций): все составляющие коммуникативную компетенцию являются одновременно и составляющими дискурсной компетенции. Обе группы являются продолжением друг друга, но также и верификацией друг друга, зеркальным отражением друг друга (левая часть подается как правая): надо посмотреть на себя со стороны (в зеркало), чтобы убедиться, что все в порядке (согласно твоему лично и социальному «заказу»). Дискурсная компетенция – это рефлексия коммуникативной компетенции, это самоконтроль. Надо сформировать обе группы компетенций, если стремишься быть эффективным коммуникантом (что, по сути, и нетрудно, ибо они в чем-то идентичны, иная лишь направленность). Так обеспечивается встреча интенций, целей, мотивов, знаний, культур... адресанта и адресата. Так обеспечивается встречное движение от формы к содержанию и от содержания к форме. Так осознается уравнение: форма есть содержание, а содержание есть форма. Так становится понимаемым переход от дефиниции «что есть содержание» к дефиниции «где содержание: с адресантом или адресатом» и далее к дефиниции дискурса «содержание есть в тексте, погруженном в социальный контекст».

Итак, понятно, что встреча двух начал неизбежна и полезна. В *исследовательском процессе* именно она обеспечивает верификацию, объективируя результат, поднимает качественный анализ на более высокую ступеньку в иерархии методов научной деятельности. А что она дает педагогическому процессу, которому в значительно меньшей (если порой не нулевой) степени присущи движение, поиск, сомнение? Дихотомия «коммуникативная компенсация – дискурсная компетенция» может и должна быть уравновешена в контексте педагогической практики, и этим

противовесом становится методическая (когнитивная) компетенция. До настоящего времени мы говорили о необходимости формирования методической компетенции у учителей. Но сегодня, когда мы говорим об ином уровне самообразования, о внедрении КСР (контролируемой самостоятельной работы) в программу учебного процесса, о дистанционном образовании, о других новых инновационных (компьютерных и не только) технологиях обучения иностранному языку, мы понимаем, что не сформировав методическую компетенцию у студента, мы далеко не уйдем. Учебная деятельность – это та же коммуникативная деятельность, и законы обучения эффективной коммуникации остаются теми же. Соответственно, мы должны не только «приглаживать», «гармонизировать» процесс мышления студента, но и добавлять в него «конфликтное начало», вводить теории, существующие «параллельно» центральным, доминирующим, ключевым (ибо движение вперед идет не по одной столбовой дорожке). Так работает точная наука. В этом сила и гуманитарного знания. Это учитывают практически все сегодняшние *теоретические* университетские курсы, но это редко распространяется на область формирования умений и навыков студентов, ибо и преподавателей конфликт знаний порой смущает. Как его преодолевать? Справится ли студент, если и преподаватель в каких-то ситуациях не справляется?

Совершенно очевидно, что конфликт работает не на конструктивное начало тогда, когда не сформирована методическая компетенция: и это то, что объединяет все сферы человеческого знания и практики, на нем базирующиеся. Как именно корректно выполнить ту или иную работу? С позиции учебной коммуникативной деятельности на уроках по иностранному языку это может быть (в деловой игре, например) «работа» ведущего беседу за круглым столом и участников (роль медиатора и экспертов или носителей общественного мнения и т. д.), интервью (роли интервьюира и интервьюируемого), пишущего реферат, аннотацию, обзор литературы по какому-то вопросу (роль ученого, а с другой стороны оппонента или, например, соавтора). Если у студента (или аспиранта) нет списка, из каких слагаемых эта работа состоит и что собой эти слагаемые представляют, то и нечего за эту работу браться. Скажем, чем отличается круглый стол экспертов в популярной телепрограмме от круглого стола тех же экспертов-ученых, организованного в рамках научной конференции? Просто хорошая языковая подготовка студентов ничуть не спасает положения и может превратить «научное» общение в фарс. Методическая компетенция формируется и с помощью методической записки в контексте учебника, адресованной не только учителю, но и студенту; и с помощью разверну-

того объяснения задания вместе с уточнением мотивации: зачем студенту следует именно это задание выполнить в контексте данного урока (понятно, что такими заданиями перегружать учебник нерационально, однако и не воспользоваться в каких-то случаях этой возможностью ничуть не менее нерационально). Методическая компетенция формируется и с помощью многочисленных приложений к учебнику, делающих его универсальным справочником по всей методической терминологии, используемой в учебнике: «просканируйте текст, используйте поисковое чтение, перескажите, проинтерпретируйте, дайте дефиниции, подведите итоги, обобщите». А как это делать профессионально, а не на уровне дилетанта? Понятно, что уже сам факт наличия этих материалов в учебниках важен. Но еще более важно использовать на уроке эти материалы: открыть пояснение во время выполнения данного конкретного задания, сделать самооценку выполненной работы по схеме, предлагаемой в учебнике, и т. д. Контроль за формированием методической компетенции можно осуществлять даже в тестах: заполнить таблицу оптимальной последовательности действий учащегося, выполняющего то или иное задание; сравнить ответы и указать, при каких условиях эти ответы будут правильными, а при каких нет; заполнить в таблице столбик на целевую установку того или иного задания. Так мы можем выйти и на открытые вопросы в процессе тестирования, оценивающие творческий потенциал претендента и в то же время его методическую грамотность.

Учим ли мы такому общению, методически грамотному, «видящему» и себя, и адресата, и ситуацию общения; конструирующему общение, а не только предмет разговора, упаковывающему свои мысли в задаваемый формат общения (с учетом коммуникативного кортежа и задаваемому времени общения), ориентирующегося в жанрах, понимающему, что есть открытый жанр (т. е. вовлекающий в общение всех желающих) и закрытый, знаем ли мы, какие именно компоненты содержания делают его таковым? Учим ли мы сегодня эффективному общению?

Если нет, то значит, наша методическая наука не использует то, что сегодня готова предложить лингвистика и, в частности, дискурс-теория (лингвистика дискурса). Или, может быть, лингвистика еще недостаточно уделяет внимания этому своему новому направлению и, в частности, не со-организовала (структурный параметр содержания) должным образом данный материал, не описала его (линейный параметр содержания), не вышла на точные дефиниции (системный параметр содержания), не определила свои приоритеты внутри данного направления (иерархический параметр содержания)? Безусловно, здесь еще много работы, но она того стоит.

4.4. ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Данный материал дает общее представление об англоязычном дистанционном курсе «Эффективная коммуникация», подготовленном сотрудниками кафедры английского языка и речевой коммуникации БГУ и университета К. Линнея (Linneus University, Sweden) для студентов, интересующихся тем, как создавать и продвигать коммуникативные продукты. Курс апробирован в БГУ в весеннем семестре 2010/11 учебного года, показал общую заинтересованность в нем и подобных курсах целевой аудитории (студентов), а также необходимость целенаправленной работы педагогических коллективов над их созданием и адаптацией к условиям современного процесса обучения в вузе. Делается акцент на необходимости формировать дискурс-компетенцию у студентов, изучающих специфику профессионально ориентированного иноязычного общения, а значит, обучать студентов и порождению иноязычных текстов, и активному включению в процесс взаимодействия, что ведет к созданию событийного пространства, организованного предметно и субъектно, интертекстуально и поликультурно. Среди задач курса – научить студентов работе в международных проектах с учетом понимания ими разнообразия социальных, законодательных, технических, финансовых и культурных условий, в которых формируется современная массовая коммуникация.

Кафедра английского языка и речевой коммуникации БГУ сфокусировала свое внимание в педагогическом процессе на такое новое понятие, как «дискурс-компетенция». Здесь могут возникнуть вопросы: «Какое же оно новое?» и «Что в нем нового?» Если мы обратимся к европейскому опыту, то увидим, что понятие «дискурс-компетенция» фигурирует около полусотни лет (в то время как понятие «дискурс» – более пяти веков). В лингвистическом поле понятие так или иначе получает свое развитие с началом 60-х гг. прошлого века благодаря исследованиям Н. Хомского (N. Chomsky). Так, американский лингвист вводит в научный оборот термин «коммуникативная компетенция» и понимает под ним способность, необходимую для выполнения языковой деятельности на родном или чужом языке. В конце 1960-х его точка зрения была подвергнута критике со стороны социолингвистов (Л. Тайер, Р. Уайт, Дж. Хаймс), предложивших рассматривать понятие «коммуникативная компетенция» как способность правильно использовать язык в разнообразных социально детерминированных ситуациях [35]. И тем не менее можно говорить о том, что определенная новизна есть, несмотря на преклонный возраст самого термина. В чем она заключается?

Дискурс-компетенция и событийность в основании дистанционного курса. Русскоязычные источники переводят понятие *discourse competence* как дискурсивная компетенция и определяют ее как *способность пользоваться нормами речи для построения логичного по форме и содержанию собственного высказывания, а также для толкования смысла высказывания других людей* (Головина, Кучеренко и др.). Иначе говоря, речь идет о способности порождать (кодировать) и воспринимать (декодировать) тексты в их целостности, структурной и коммуникативной состоятельности. Порождающий текст (автор) заботится о смысловой нагрузке текста, т. е. несет ответственность за порождаемые им смыслы (ибо их будут декодировать) и правильность (нормативность) формы их подачи. Так мы (в большинстве своем) и учим студентов иностранному языку с целевой установкой – порождать тексты. Само собой, порождаем мы тексты для кого-то. Это понимают и студенты. И они успешно порождают тексты для своего преподавателя. И никому более, как это актуализировано в известной цитате из книги «От двух до пяти»: «Я *плáчу* не тебе, а *тете Маше*» (поэтому не мешай мне и не успокаивай). Но иностранный язык мы учим не для учителя.

Именно адресат (адресность порождаемых текстов) — ключевая фигура дискурс-проблематики, дискурс-лингвистики. Кажется, что тексты создаются как бы внутри автора и затем «выходят в свет» (в контекст общающихся). Однако это не совсем так. Контекст общающихся задает тон, непосредственно «вписывается» (*inscribed*) в порождаемые нами тексты, становясь элементом содержания (т. е. полем контента, а не контекста). Задают ли себе студенты хоть какое-то многообразие ролей, общаясь на занятиях по иностранному языку? Готовы ли адаптировать свои тексты, а значит и предмет сообщения, под разные «контексты»? Может быть, и готовы. Но учим ли мы их этому? Весьма условно. А именно это видится нами как самое значимое, актуальное в преподавании иностранного языка сегодня: учить студента видению не условной, типовой аудитории, а конкретного собеседника, понимать, осознавать те роли, которые отводишь ему и себе, соотносить форму высказывания с этим конкретным знанием. И речь здесь о знании специфики интеракции, взаимодействия, о необходимости научить студента выделять это знание как отдельное, особое в контексте общего знания о процессе коммуникации, иначе говоря, научить студента выделять субъект-предметное содержание и субъект-субъектное и видеть то, как влияют они вместе на содержание коммуникации. Если мы (преподаватели) сами поймем значимость этого знания и формирования у студентов на его основе умений и навыков социального взаимодействия, то мы, безусловно, повысим качество преподава-

ния иностранного языка, ибо студенты будут в большей степени готовы к переходу от квазикоммуникации к реальной коммуникации. Они смогут перейти от порождения типовых текстов к текстам эксклюзивным, актуализирующим категории «здесь» и «сейчас», они будут готовы увидеть и понять свою аудиторию, быть ей доступным.

Исходя из этого, и учебные пособия по иностранному языку строятся иначе. Тексты (не отдельные высказывания, а именно тексты) – это всего лишь образцы или повод для общения, или набор фактов, которыми можно воспользоваться... Они – не самоценность учебника. И они разнообразны в своей форме: таблицы, схемы, карты, рисунки – это письменные тексты и их надо уметь читать и озвучивать. Реплика, комментарий, вопрос, аргумент, интерпретация, оценочное суждение могут быть и элементами текстов, и самостоятельными текстами. Можно проверять, насколько они понятны студенту, но и здесь возможно общение на уроке не только дидактическое, но и коллегиальное, не только оппонирующее, но и развивающее... Тексты не предлагаются готовыми, но дается некий достаточный набор элементов, из которых они будут создаваться и корректироваться прямо на уроке под определенную задачу (задачи), под определенную аудиторию (сегменты аудитории), под определенную целевую установку (установки). И преподаватель должен быть готов менять роли. В каких-то случаях передавать роль эксперта своим студентам (что естественно, в частности, в процессе работы со студентами нефилологических специальностей), менять не только тематическую и стилистическую, но и жанровую и форматную палитры общения, передавать лидирующие позиции разным участникам общения.

О чем мы говорим? О том, что порождаемые на уроке тексты становятся *событиями*, а значит, происходит уже обмен не *текстами*, а *дискурсиями*. Таким образом, вступает в силу иная компетенция – компетенция общения в контексте реальных событий (не тексто-порождение, а событие-порождение). Вот почему мы уходим от термина «дискурсивная компетенция» к термину «дискурс-компетенция», ибо предыдущий термин уже имеет свою отличную от нашей смысловую нагрузку.

Что мы ждем в таком случае от учебника по иностранному языку? Многого. Даже того, что он нам вряд ли может дать. Ибо речь идет уже не о речевом акте, а о целом пространстве взаимодействия, поле общения, сообществе, которые есть не предмет наблюдения, но включения в общение. Такую широту и в то же время глубину общения, интегрированные в материал, на котором проводится обучение иноязычному общению, может дать, как мы сегодня это видим, курс с использованием новых интернет-технологий, а именно курс дистанционного обучения (*distance*

learning course: dl), создающий виртуальное пространство – *дискурс-пространство*, в котором не просто порождаются тексты, а строится некий мир, в центре которого сообщество взаимодействующих субъектов, которые живут в нем и созидают его общими усилиями. Такая своего рода оптимальная ситуация для реализации правила: *языку нельзя научить, можно только научиться*.

Такую оптимальную ситуацию мы и попробовали создать совместно с коллегами из университета К. Линнея. Таким образом, проектировщиков этого курса достаточно много: от белорусской стороны – П. Л. Соловьев, Е. В. Коршук, Е. В. Савич, Л. В. Курчак и авторы данного сообщения И. Ф. Ухванова и А. В. Попова; от шведской стороны – Ориан Петерсон, Йене Каваллин, Элестер Крилман, Фредерик Герцман и Йоаким Мартинсон. Непосредственно ведущей эту программу является белорусская сторона. Шведы со своей стороны активно комментируют, дополняют, консультируют, а также выступают своего рода дополнительной аудиторией, которая создает межкультурное и межнациональное пространство, делая общение на иностранном языке *реальным*, а не искусственно заданным (кстати сказать, английский язык, на котором представлен курс, является иностранным языком для всей команды преподавателей; и для шведской стороны это курс не иностранного языка, а профессионально ориентированный курс на английском языке).

Структура и задачи курса. Курс проводился в весеннем семестре 2010/11 учебного года и называется «Эффективная коммуникация» (*Effective Communication*). Рассчитан на 70 аудиторных часов (часов виртуального общения организованного сообщества – участников проекта (студентов и преподавателей), включая общение в учебных форумах, непосредственное общение студента с преподавателем, совместную работу в малых студенческих группах по подготовке финального проекта) и 70 часов самостоятельной работы (чтение предлагаемой литературы, подготовка заданий). Изначально зарегистрировались 24 студента, но фактически участвовали в работе курса 12 студентов. Учебных модулей пять: 1. Межкультурная коммуникация (*Intercultural Communication*). 2. Коммуникативный продукт: анализируем готовый образец (*Communicative Product In-Depth*). 3. Порождение коммуникативного продукта (*Communicative Module Production*). 4. Контекст, в котором функционирует коммуникативный продукт (*Media Environment: Communicative Product Context*). 5. Презентация продукта и его продвижение (*Product Presentation and Promotion*). Последний в ряду – модуль готовых проектных работ (в данном случае – три проекта), выполняемых студентами в группах по 4–5 человек. Темы

проектов самостоятельно выбраны и сформулированы студентами исходя из общей установки курса. Помимо модулей в структуру курса входят также «Раздел для студентов» (*Learner's Corner*), «Раздел для преподавателей» (*Teacher's Corner*) и «Форум». Длительность прохождения каждого модуля – от одной до трех недель. Список предлагаемых заданий для самостоятельной работы определяется индивидуально для каждого модуля. Модуль кросс-культурной коммуникации, разделы и форум – сквозные. Курс является пилотажным и пока не включен в учебное расписание и непосредственную нагрузку кафедры, однако зарегистрирован в БГУ и LU, проводится бесплатно для студентов. По окончании курса ожидается, что у студентов сформируется понимание того, что есть коммуникативный продукт, что они будут способны самостоятельно изучать и анализировать международные коммуникативные кампании, планировать и участвовать в создании собственных коммуникативных продуктов, проводить базовые аналитические процедуры феноменов коммуникации (анализ медиапространства, анализ аудитории, анализ технического инструментария организации коммуникации с учетом социальной и политической ситуации), а также пользоваться инструментарием интернет-пространства в международных проектах с учетом *профессиональных этических стандартов*. Целевая установка курса – научить студентов работе в международных проектах с учетом понимания ими разнообразия социальных, законодательных, технических, финансовых и культурных условий, в которых формируется современная массовая коммуникация. Данный курс включает поле международной коммерческой коммуникации, а также коммуникацию в рамках общественных организаций (NGO), государственных учреждений и других субъектов стратегической коммуникации; курс вводит фундаментальные элементы стратегической коммуникации с фокусом внимания на формирование и управление смыслами. Мы обсуждаем предмет коммуникации, ее причины, дислокацию, аудиторию, форматы, стили и жанры. Целевые установки модулей даны в аннотациях к каждому модулю (подробнее на нашем интернет-сайте: <http://www.dl.bsu.by/course/view.php?id=368>). Курс ведется исключительно на английском языке. Добавим, что в данном проекте работают студенты 1–3-х курсов Института журналистики БГУ и факультета философии и социальных наук БГУ, которые принимают данный курс как профессионально ориентированный курс английского языка. Уровень знания английского языка у студентов, включенных в проект, определяется по международным стандартам как C 1 и C 2.

Дискурс-пространство курса. Таким образом, создается вполне реальное пространство. Есть события, которые представлены и порождаются текстами. Эти события осваиваются (анализируются), порождаются подобные и новые, которые представляются и продвигаются, обсуждается контекст. А преподаватели участвуют не только в качестве тех, кто подготовил основу для создания ряда событий в определенном сообществе, но и тех, кто адаптирует наполнение курса к тем событиям, которые выстраиваются. Так создается «архитектура» реальной коммуникации, фактура которой модифицируется и самими студентами. Меняются и изначально определенные роли, заданные в типах общения: коллегиальный, дидактический, широкий демократический, узкий демократический, широкий авторитарный, узкий авторитарный, патриархальный (данные термины не несут в себе идеологической нагрузки) [36]. Список видов общения можно продолжить. Благодаря тому, что в курсе участвуют студенты различных курсов и различных специальностей (печатные СМИ, информация и коммуникация, международная журналистика), а также преподаватели из различных вузов и стран, материал обогащается междисциплинарно, кросс-культурно, интертекстуально. Форум представляет собой демократичное поле для обсуждения тем в рамках курса. Студенты по-разному демонстрируют уровень творческой смелости и открытости: первокурсники правильно и четко выполняют задания, старшекурсники усложняют и испытывают определенную робость, не ожидая, что задания могут быть очень простыми (например, описать графические инструменты интернет-ресурса с точки зрения их сюжетной подачи). В рамках курса есть общение между самими преподавателями, которые ведут модуль. Есть интриги (например, анонимное вхождение, а позже эффектное «появление»). И главное: есть реальная жизнь и скорость движения. Студент может не успеть выполнить задание в рамках модуля, но у него есть возможность двигаться дальше. Все подвижно, «многоканально» и в предмете обсуждения, и в субъекте – обретение статуса, выстраивание отношений, вербальная реализация индивидов, групп, профессиональная состоятельность участников коммуникации. Уважение к студентам задается тем, что у преподавателя есть возможность лично с каждым общаться индивидуально (эта информация закрыта для других, как, например, оценку задания и комментариев педагога видит только реальный адресат, а не вся группа). Таким образом, формируя дискурс-компетенцию, студент развивается и коммуникативно, и предметно, и кросс-культурно, и как личность и как языковая личность, проявляя активность, реализуя свое творческое начало. Язык становится и средством познания реально-

сти, и средством взаимодействия, и средством организации предметной (профессионально ориентированной) деятельности. В этом контексте и происходит естественное обучение иноязычному общению.

Как оценивать в таких условиях учебную работу студентов с учетом ее дистанционного формата? Позитивной оценки заслуживает уже сам факт активной и системной работы студентов: они взялись за новый курс, который выходит за рамки обязательной программы, и довели его до конца. Шведские коллеги опасались большого процента отсева, однако этого не случилось: все, кто с начала включился в работу, остались в проекте. Студенты столкнулись с новым стилем проведения учебного курса, в котором есть возможность движения вперед без искушения повторять что-то или откладывать на потом. Современный ритм жизни зачастую исключает возможность возврата к тем делам, которые отложил, и ситуациям, с которыми когда-то не справился. Данный курс предоставил студентам возможность пройти подобный опыт в ином формате, наш курс копирует эту логику развития. Студенты могли «отработать» пропущенный материал/тему в другом поле (модуле), на другом познавательном уровне, используя иные инструменты. Альтернативы имелись: что-то получено как знание, что-то перешло в умение и навык, что-то осталось как материал, к которому можно будет все же вернуться, если понадобится. Таким образом, в рамках курса созданы реальное сообщество и реальный предметный мир, которые, взаимодействуя, дорабатывались, адаптировались, модифицировались, жили как некое единство. И процесс не закончен. Можно утверждать, что положено начало. Курс можно сравнить с ребенком, который некрепок и гибок. Однако в том его сила. Ведь «когда человек рождается – он слаб и гибок, а когда умирает – он крепок и черств. Когда дерево растет, оно нежно и гибко, а когда оно сухо и жестко – оно умирает. Черствость и сила спутники смерти. Гибкость и слабость выражают свежесть бытия» [37].

Библиографические ссылки

1. Кибрик А. Е. Дискурсивный анализ // Энциклопедия Фонда знаний «Ломоносов» [Электронный ресурс]. URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia>.
2. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Построение семантической модели слова на основании соединения внелингвистического и лингвистического семантических треугольников // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. 1982. Сер. IV. № 3.
3. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Семантика слова, предложения, текста: точки соприкосновения // Семантико-стилистические исследования слова и предложения. Барнаул : АГУ, 1990.

4. Ухванова-Шмыгова И. Ф. В поисках реалий семантического ядра текста // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. 1992. Сер. IV. № 3.
5. Ухванова-Шмыгова И. Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 3.
6. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Модель эффективной речевой деятельности // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. 1986. Сер. IV. № 4.
7. Ухванова-Шмыгова И. Ф., Елсукова Н. А. Тема и ее знаковая репрезентация (двунаправленный анализ содержания газетной статьи) // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. СПб., 2000.
8. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Реконструкция харизматической и других моделей речевого поведения субъектов коммуникации // Материалы Междунар. конф. Каунас, 2003.
9. Флоренский П. А. Обратная перспектива: избранные труды по искусству. М. : Изобразит. искусство, 1996. С. 9–72.
10. Ухванова И. Ф. Актуализация дискурс-компетенции студента в процессе обучения эффективной коммуникации // Сб. науч. ст. ; под ред. Ю. Е. Прохорова. Рига, 2005. Вып. 1. С. 424–431.
11. Ухванова И. Ф. Дискурсные методики в социологическом исследовании. Минск : БГУ, 2003.
12. Манаев О. Т. Контент-анализ. Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицаков [и др.]. Минск : Кн. дом, 2003. С. 455–457.
13. McQuail D. Mass communication theory 4th ed. London : Sage Publications. 2000. P. 328–329.
14. Ухванова И. Ф. Квалитативный (качественный) анализ текста. Постмодернизм: энцикл. Минск : Интерпресс-сервис : Кн. дом, 2001.
15. Ухванова И. Ф. Квантитативный (количественный) анализ текста. Постмодернизм: энцикл. Минск : Интерпресс-сервис : Кн. дом, 2001.
16. Ухванова И. Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 3. С. 3–15.
17. Cause-Genetic theory of text content in its application to mass media text studies. Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists, 20–25 July 1997 / ed. B. Caron. Paris : Pergamon : An imprint of Elsevier Science, 1998.
18. Каузально-генетический подход. Всемирная энциклопедия. Философия. М. : АСТ ; Минск : Харверст : Современ. литератор, 2001.
19. Ухванова-Шмыгова И. Ф., Савич Е. В., Ефимова Н. В. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : Изд. центр БГУ, 2009. Вып. 6: Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика.
20. Попова А. В. Дискурс-картины мира и короткого взаимодействия элитарных средств информации. Минск : Изд. центр БГУ, 2008.
21. Nakamura H. Ways of Thinking of Eastern Peoples: India – China – Tibet – Japan. Honolulu, 1965.
22. Fukuyama F. The end of History and the last man. N. Y., 1992.

23. *Huntington S. P.* The clash of civilizations. N. Y., 1993.
24. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2001.
25. *Oukhvanova I. F., Ilyushyna L.* Civilization as a Sign: New Perspectives in Civilization Studies. *Respectus Philologicus*. Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas. № 10 (15) 2006. P. 10–24 .
26. *Ухванова И. Ф., Ильюшина Л.* Цивилизация как открытая динамическая система: взгляд с позиции каузально-генетического моделирования // Адукацыя і выхаванне. Гісторыя. Праблемы выкладання. 2007. № 8 (62). С. 3–8.
27. *Щукин А. Н.* Обучение иностранным языкам: теория и практика : учеб. пособие для преподавателей и студентов. М. : Филоматис, 2004.
28. *Ek J. A. van.* Objectives for foreign language learning : in 2 vol. Strasbourg : Council for Europe Press, 1993. Vol. 1. 87 p.
29. *Изаренков Д. И.* Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Рус. яз. за рубежом. 1990. Вып. 4. С. 54–60.
30. *Ухванова И. Ф.* Дискурсная и методическая компетенция и их место в процессе повышения качества преподавания иностранного языка в вузе // Сб. науч. ст. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании. С. 231–245.
31. *Ухванова И. Ф.* Методика обучения иноязычной коммуникации и курс-перспектива // Вестн. МГЛУ. Филология. Сер.1, № 4/20. Минск : МГЛУ, 2005.
32. *Супрун А. Е.* Стратификация сообщения в крупном corteже общающихся // Материалы VIII Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1985. С.62.
33. *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М. : Прогресс, 1972.
34. *Богушевич Д. Г., Ухванова И. Ф.* Актуализация потенциальной прагматической информации и типы общения // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. 1991. № 2. С. 52–56.
35. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Пикник на обочине: фантастическая повесть // Аврора. 1972.

Раздел 5
ТИПЫ ДИСКУРСОВ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ СПЕЦИФИКИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

5.1. ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН:
ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПАСПОРТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ

Общение в контексте конференций и круглых столов с лингвистами из славянских стран, которые активно исследуют дискурс-пространство и руководят работами аспирантов в этом исследовательском поле, помогло выявить те трудности, с которыми они сталкиваются в процессе защиты, а также определенный *разброс* в том, по каким специальностям проходят эти защиты. Так, это могут быть теория языка, а также частное и прикладное языкознание. Наши дискуссии о будущем данного направления послужили *мотивом* пилотажного исследования. *Материалом исследования* стали паспорта научных специальностей, сопричастных дискурс-лингвистике, представленные на интернет-странице ВАК Беларуси; *объектом* – репрезентативность новой лингвистики – лингвистики дискурса – в них; *предметом* – операционализация *направления* «лингвистика дискурса» в этих документах; *целью* – реконструкция, интерпретация, моделирование и развитие содержательного потенциала лингвистики дискурса в контексте институционального дискурса (на примере дискурса паспортов научных специальностей); *методом* – реконструкция специфики репрезентации нового научного явления из анализируемых текстов, в частности синтагматический и парадигматический, прагматический и когнитивный анализ ключевых слов документа, когнитивное картирование смыслов (поиск вариантов включения явления в документ).

Посмотрим на ситуацию в единстве ее контентной и контекстной составляющих. Развитие того или иного направления исследований во многом зависит от официальной позиции авторитетных научных институтов: университетской кафедры, научно-методического совета факультета, высшей аттестационной комиссии (если таковая ступень присутствует в

конкретном научном сообществе). Позиция последней, на которую ориентируются все вышеназванные ступени, зафиксирована в открытых для широкой общественности документах, называемых *паспортами специальностей*, которые, по сути, являются результатом анализа уже состоявшихся профессиональных дискурсов с присутствием представителей предшествующих ступеней.

Все это говорит о том, что (и это наш первый фокус внимания) паспорт специальности является нужной, но *ограниченной во времени* дискурсией (наполненность событий, которые он формирует, меняется со временем), а также дискурсией, соотносимой с реальным пространством (географическим, национальным, кросс-национальным, в зависимости от контекста функционирования). Иными словами, упомянутый дискурс репрезентирует дискурс организации научного направления в социальном контексте. В этом его значимость и эффективность.

На этом основании и рассматриваются *плюсы* институционального дискурса – в актуализации социального контекста, в котором наука рассматривается не как самостоятельная деятельность, а как *государственный ресурс*. При этом те области знания, в которых национальная наука уже завоевала лидирующие позиции, еще более укрепляются в авангарде мировой науки, а новые направления, отражаемые в документации, получают возможность более развернутой репрезентации своих достижений на национальной сцене (ибо мировая сцена в значительном количестве случаев остается открытой). Так происходит сцепка актуализации двух (ключевых для операционализации) макрокатегорий институционального дискурса – *время и пространство*. Именно они выводят явление на уровень актуализации *значения* и *значимости*, а значит, на уровень его воспроизведения как знака времени и знака пространства.

Наш **второй фокус внимания** на лингвистике как широком и интердисциплинарном (в самом себе) исследовательском поле и лингвистике дискурса как поле, выводящем лингвистику в пространство макрознаков. Макрознак – это контент открытого знакового пространства. Именно с ним сегодня работает вся мировая наука, и не только гуманитарная, что не может не говорить о значимости и актуальности направления и его исследований с самых разных позиций, лингвистических включительно.

Знакомство, в качестве примера, с документами Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ВАК РБ) с позиции реконструкции нового научного явления в документе, как ожидается, репрезентирующем это явление, позволяет сделать выводы следующего порядка. *С позиции*

номинации данного явления, т. е. его подачи в эксплицитной форме, такого явления как лингвистика дискурса нет. Но есть имплицитная форма его подачи. Так, при отсутствии номинации «лингвистика дискурса» (что в целом понятно, ибо словарная фиксация, а значит, легализация термина, датируется в мировой лингвистической науке началом нашего века на основании вышедшего в 2002-м году Словаря дискурс-анализа, подготовленного лингвистами Франции для репрезентации французской *школы лингвистики дискурса*), в документах Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, представленных в виде паспортов специальностей в диапазоне специальностей лингвистического поля знания есть «лингвистика языка», «лингвистика речи» и «коммуникативная лингвистика». Последний термин означает «лингвистика коммуникации», а значит, по сути (но не по номинации) включает речевые макропространства и идею интерактивности.

Это обстоятельство делает паспорт зависимым от пользователя в контексте, когда интерактивная практика изначально иерархична: паспорт значим для того, кто претендует на поле специальности, и для того, кто уже в этом поле. И если решает участник поля, то именно он, что вполне понятно, определяет правила чтения паспорта. Иначе говоря, паспорт специальности в конкретной ситуации общения может терять свою функцию сообщать, информировать, т. е. быть *самостоятельно значимым коммуникантом*, становясь атрибутом коммуниканта, а контент ведомым контекста. Интересно, что это происходит именно с той дисциплиной, которая этот предмет – коммуникацию как контент-контекстную зависимость – и изучает (сапожник без сапог).

После этого предварительного замечания подойдем несколько ближе к нашему исследовательскому материалу: паспортам специальностей 10 01 08 «Теория литературы, текстология»; 10 01 10 «Журналистика»; 10 02 03 «Славянские языки»; 10 02 19 «Теория языка»; 10 02 20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»; 10 02 21 «Прикладная и математическая лингвистика». Внимательное чтение, фокусированное на задачу реконструировать лингвистику дискурса в иных номинативных вариантах, показывает, что *ничто не противоречит факту принятия дискурс-направления в отрасль филологических наук*. Именно поэтому направление, несмотря на факт отсутствия номинации как таковой, не только существует, но и вполне успешно развивается, представляя конкуренцию другим мировым трендам данной научной дисциплины.

Это обстоятельство обращает нас к комментариям с элементами анализа к еще одной контекстной составляющей – предметному контексту, а затем к проекции результатов этого анализа на непосредственный материал нашего пилотажного исследования. Так, в материалах белорусских ученых по направлению дискурс-исследований, широко представленных внутри страны за последние шестнадцать лет (начиная с 1998 года), в том числе и в научных международных сериях, инициируемых белорусскими учеными («Методология исследований политического дискурса» и «La Table Ronde»), в которых участвуют представители разных национальных школ, в том числе и белорусской, активно формирующейся сегодня как в поле количественных, так и качественных исследований, явление представлено многопланово, вариативно, оставаясь при этом целостным фактом языковой и, благодаря этому, социальной реальности.

Референты дискурса: общее место современной теории языка в международном и славянском контекстах

Сегодня нет противоречия между мировым и славянским подходами к пониманию и изучению дискурса. Так, дискурс понимается славянским научным сообществом [1] как *комплексный кросс-дисциплинарный феномен*, изучение которого предполагает *системное исследование вербальных структур* с учетом *когнитивной и интерактивной составляющих*, а также *их взаимосвязи и зависимости от внешнего контекста*. Еще в 1997 г. Т. Ван Дейк определил подобный комплексный подход к исследованию дискурса и назвал его задачей «формулировки теорий, которые объясняли бы взаимоотношения между использованием языка, верованиями (когнитивными формациями) и интеракцией» [2, с. 2]. При этом **предметом** исследования признаются компоненты дискурса, а объектом – **структуры**, ими образованные. Дискурс как **структура вербальная** имеет свои категории (см. [2, с. 6–18] и разделы 2 и 3 данной монографии):

- звуки и абстрактные звуковые структуры устных дискурсов;
- порядок и форму (здесь речь идет в основном о единицах грамматики (синтаксиса) дискурса – предложениях, т. е. о том, как форма предложений влияет на дистрибуцию информации в дискурсе);
- семантические репрезентации (абстрактные значения слов, предложений, последовательностей предложений и целых дискурсий); пропозиции и их структурные взаимосвязи в рамках дискурсий и дискурсов; референты дискурса – его темы и топики;

○ стиль и вариативность, находящие отражение в выборе тех или иных лексических и грамматических средств в зависимости от интеракционного контекста дискурса (жанра, субъектной ситуации общения, степени формальности ситуации взаимодействия, культуры и т. д.); риторические структуры;

○ схему/матрицу (совокупность типичных формальных категорий, их особый порядок и функции).

Дискурс как **структура интеракционная** может изучаться с использованием категории «речевой акт» или даже «речевой макроакт», тип которого определяется с учетом контекста дискурса, т. е. в рамках эмпирического, а не нормативного подхода. Контекстом для интерпретации актуального речевого акта для дискурс-исследователя становятся как предыдущие и последующие речевые акты, так и внелингвистический субъектный контекст дискурса.

Дискурс как **ментальная структура** исследуется в терминах знания и отношения – концептов, мнений, идеологий и др. Ментальные модели, которые лежат в основе продукции и рецепции дискурсов, так же как и модели интеракционные, являются контекст-зависимыми.

Комплексное изучение вербальной, ментальной и интеракционной структур (возможно, с неравной детализацией каждой в рамках одного исследования) претендует на создание *теории того или иного типа дискурса* и отделяет дискурс-анализ от дискурсивного анализа, который на материале отдельных дискурсивных рассматривает тот или иной аспект/категорию того или иного дискурса. Таким образом, **цель** дискурс-исследований – не столько анализ дискурсов, сколько *синтез знаний об их механизме (функционировании)* (см. работы В. Е. Чернявской [3], Т. ван Дейка [1, 4], О. Г. Ревзиной [5, 6], В. Г. Борботько [7], а также материалы участников *круглого стола* [1]: И. Ф. Ухвановой-Шмыговой («Актуализация методологического аппарата лингвистики дискурса в искусствоведческих работах Павла Флоренского»), Е. В. Савич («Построение теоретических моделей в контексте дискурс-исследований») и Т. И. Красновой («К методологии исследования политического дискурса»).

Важным моментом в создании теорий является выбор **метода** исследования дискурса, который непосредственно отражает специфику предмета и цели исследования. С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак и Е. Веттер выделяют 12 методов анализа: контент-анализ; обоснованная теория; этнографический анализ текста, этнография речи; этнометодологический анализ способа категоризации участия; этнометодологический

конверсационный анализ; нарративная семиотика; SYMLOG как метод текстового анализа; критический дискурс-анализ (КДА) Нормана Фэркло; критический дискурс-анализ (КДА), исторический дискурс-метод Рут Водак; функциональная прагматика; теория различий в текстовом анализе; объективная герменевтика [8]. Каждый из перечисленных методов, а также те методы, которые представлены в разделах 3, 4 и 5 данной монографии, могут быть отнесены к типу *реконструирующих* и позволяют в той или иной степени *выявить* разные структуры дискурса. Естественно, что комплексный объект дискурс-исследований требует комплексного метода, а значит, объединяет методики разных филологических (и не только) специальностей.

Таким образом, мы увидели, что референтами дискурса о дискурс-исследованиях являются их специфический комплексный предмет (дискурс-структуры и их составляющие), цель (синтез теории дискурса – выявление механизма дискурса) и метод (реконструкция дискурс-структур, моделирование).

Дискурс паспортов филологических специальностей¹

Дискурс паспортов филологических специальностей как *вербальная структура* был рассмотрен и описан нами с позиций вышеперечисленных категорий². На основании анализа мы смогли сделать следующие **выводы**:

○ Вариативность выбора языковых средств проявляется в паспортах только в выборе языка – паспорта специальностей 10 01 08 «Теория литературы; текстология» и 10 02 03 «Славянские языки» выполнены на белорусском языке (при этом название специальности всегда дается на русском языке).

○ Риторические структуры в дискурсах отсутствуют.

○ Пропозиции паспортов филологических специальностей можно отнести к типу пропозиций-характеристик – специальность характеризуется через предмет и объект исследования, иногда через цель и методы.

¹ В наш корпус попали паспорта следующих филологических специальностей: 10 01 08 «Теория литературы, текстология»; 10 01 10 «Журналистика»; 10 02 03 «Славянские языки»; 10 02 19 «Теория языка»; 10 02 20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»; 10 02 21 «Прикладная и математическая лингвистика».

² Мы опускаем пункт о реконструкции звуковой структуры, поскольку изначально дискурс паспортов специальностей задан как письменный.

Типовая пропозициональная модель паспорта выглядит следующим образом:

{[Филологическая специальность имеет особые предмет и объект исследования] и [Филологическая дисциплина отличается от ряда смежных дисциплин] и [Отличие филологической специальности от конкретной смежной специальности заключается в разнице объекта/предмета/цели/метода/]}.

○ Дискурсии паспортов строятся по единому плану: в начале дискурсии дается определение специальности через предмет и объект исследования; объект и предмет специфицируются; далее специальность определяется через отрицание, т. е. через сопоставление со смежными дисциплинами; отличие дисциплин специфицируется через их предмет, объект, цель или метод.

Таким образом, мы видим, что вербальная структура рассматриваемого дискурса актуализует в большей степени референт «объект/предмет исследования»¹. Анализ показал совпадение содержания референта «объект/предмет исследования» в дискурсе о дискурс-исследованиях и в дискурсе паспортов филологических специальностей. Так, паспорт специальности 10 01 08 «Теория литературы; текстология» в список областей исследования включает «своєасаблівасці тэксталагічных падыходаў да незавершаных твораў (не апублікаваных самім аўтарам) у кантэксце меркаванняў аб творчай эвалюцыі аўтара, складванні сэнсаўтваральнай канцэпцыі яго твораў, а таксама гісторыка-літаратурнага працэсу» и «праблемы атрыбуцыі (устаанаўлення аўтарства) твораў, навуковыя прынцыпы фарміравання раздзела DUBIA (тое, што прыпісваецца аўтару) пры падрыхтоўцы да выдання літаратурных тэкстаў». Обе области исследования предполагают реконструкцию структур авторского дискурса. Паспорт специальности 10 02 20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» среди областей исследования называет «типологию языковых ситуаций» и «лингвистические универсалии», ко-

¹ Поскольку референты «цель» и «метод» представлены не во всех рассмотренных паспортах специальностей, а демаркационная линия проводится только между смежными специальностями, в состав которых дискурс-исследования пока не включены, определить возможные несоответствия между последними и каждой из филологических специальностей не представляется возможным. Исключением является специальность 10 02 21 «Прикладная и математическая лингвистика», приоритетные методы которой (методы математики и информатики) входят в некоторое противоречие с приоритетными для дискурс-исследований качественными методами.

торые также соотносятся с дискурс-структурами. Дискурс-исследовательская тематика прописана и в паспорте специальности 10 02 21 «Прикладная и математическая лингвистика» в виде таких исследовательских направлений, как «вероятностные модели языка и речи» и «моделирование процессов восприятия, хранения, преобразования и передачи информации на естественных языках». Исследование вербальной и интеракционной структур дискурса СМИ заявлено в паспорте специальности 10 01 10 «Журналистика» (области исследования – «жанрово-групповые, структурные и стилевые процессы», «дискурсный анализ СМИ»). Специальность 10 02 03 «Славянские языки» в свою очередь включает такие дискурс-исследовательские направления, как «функцыянаванне славянскіх моў у грамадстве», «рэканструкцыя і вывучэнне старажытных славянскіх пісьмовых тэкстаў з пункту погляду генетычнай і функцыянальнай тоеснасці», «моўныя карціны свету ў славян», «кагнітыўны, канцэптуальны, этналінгвістычны і лінгва-культуралагічны падыходы пры вывучэнні славянскіх моў», «лінгвапрагматычныя асаблівасці камунікацыі на славянскіх мовах, спецыфіка маўленчых актаў, камунікатыўныя характарыстыкі кожнай з славянскіх моў на шырокім кантрастыўным фоне».

Самым «дискурс-содержательным» стал паспорт специальности 10 02 19 «Теория языка». Во-первых, сама дискурсия актуализует каждый из искомых референтов («объект», «предмет», «цель» и «метод»). Во-вторых, совпадение содержания специальности «теория языка» и дискурс-исследований имеет место в рамках каждого референта. Рассмотрим эту дискурсию более подробно в данном случае уже в контексте не репрезентации референта, а репрезентации темы, актуализируемой референтом (что, по сути, лишь продолжение первого, ибо референт может быть представлен на уровне факта (фактологически), темы (тематически) или метаязыка (методологически с учетом исследовательского поля в качестве контекста).

Как и все остальные паспорта, структура паспорта специальности организована таким образом, чтобы, во-первых, определить *направление* науки, дать ее *формулу*, описать *область*, назвать *смежные* специальности и определиться в контексте их *разграничения*. Однако **темы** этой дискурсии в их развитии организованы как внутри каждого структурного элемента, так и кросс-структурно. Нам показалось значимым выделить здесь и построить когнитивную карту кросс-структурной проблематики паспорта специальности 10 02 19 «Теория языка», ибо, как мы полагаем, кросс-структурные смыслы помогают ярче увидеть суть вопроса.

Кросс-структурными темами стали несколько, три из которых по-своему уникальны и самозначимы. Более того, именно в них мы видим

возможность вписывания теории дискурса (лингвистики дискурса) в контекст теории языка. На них и остановимся подробнее.

Во-первых, это тема общелингвистического начала. Данная тема получает развитие и в формуле *специальности* («общелингвистические закономерности структурно-семантического строения языка и общелингвистические методологии»), и в области *исследования* («общелингвистические закономерности уровневого строения»), и тем более в *разграничении со смежными специальностями*, где сема «общее» остается сутью специальности «теория языка» (ранее титулованной как общее языкознание).

Во-вторых, это тема глобальной связи, представленная как минимум пятью позициями:

(1) *собственно связь (как соединение) и связь в развитии.* Примерами рем здесь будут: связь языка с сознанием и общественной практикой, связь (в развитии) с процессами социально-культурной истории человечества, связи языков между собой, связи теории языка с практикой преподавания языка, диалектическая связь языков с их распространенными чертами, связи таких порядков, как системный, структурный, синхронический, диахронический, связи закономерности реализации и форм существования языка, т. е. связи языка и речи, связь времен (история, онтогенез), связь порождения и восприятия, связь языков и этносов;

(2) *«связь как влияние»* реализуется в контексте влияния связи на формы, содержание, структурное изменение (в том числе контактирующих языков), объем, функцию, процессы, нормирование, узуализацию, статус и, наконец, на лингвогеографический ландшафт регионов, языковые ситуации (смещение, поглощение языков, многоязычие);

(3) *связь в качестве взаимодействия* (говорящего и слушающего, пишущего и читающего), взаимодействия историй разных лингвистик – теоретической, структурной, социальной; а также теории речевой деятельности и психолингвистики, коммуникативной лингвистики и лингвистической методологии), ареальное взаимодействие языков;

(4) *связь как мера* или, точнее, *характеристика.* Так, темой становится идея *специфики реализации связи* в системе и структуре, иерархии (например, иерархия речеповеденческих ролей человека) и линии (характеристика процессуальности);

(5) *закономерности связи* (связи, приводящей к закономерному результату). Паспорт не просто устанавливает связи, а фокусирует внимание на закономерности перехода от одного связующего элемента к другому и далее к третьему. Так, например, развивается идея уровневого строения языка от собственно языкового (средство) к функциональному (реализация) и коммуникативному (деятельность).

В-третьих, это тема открытости теории языка в коммуникативное пространство, в теорию коммуникации. Так, словосочетания «теория коммуникации», «процесс коммуникации», «межкультурная коммуникация», «коммуникативные функции», «объем коммуникации», «акты речевой коммуникации», «коммуникативная деятельность», причины коммуникативных неудач и, наконец, «коммуникативная лингвистика» вполне гармонично вписаны в данный паспорт.

Реконструированные нами темы в контексте их развития, значимости однозначно подводят нас к ряду выводов.

Итак, **вывод первый.** Теория языка является общелингвистической дисциплиной, организующей пространство лингвистики в контексте всеобщей связи и движения от языкового начала к коммуникативному оптимуму. Теория дискурса в этом контексте видится как естественное, закономерное, непротиворечивое продолжение теории языка, однако, как и теория речи, самостоятельным элементом приложения сил лингвиста-исследователя.

Вывод второй. В паспортах специальностей лингвистика дискурса имплицитно вписана, однако в них нет не только слов «лингвистика дискурса» или «дискурс-анализ», но и начального слова «дискурс».

Вывод третий. Необходимость вписания дискурс-перспективы в теорию лингвистики абсолютно прозрачна и является лишь вопросом времени.

5.2. ДИСКУРС-ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Современные дискурс-исследования стали, безусловно, более технологичными. Этому способствует, в частности, дальнейшее развитие категориального аппарата, в том числе и опора на классификационные характеристики каузально-генетической модели плана содержания дискурса.

Инвентаризация категорий дискурса в рамках каузально-генетического проектирования позволила выделить более 30 дискурс-категорий, разбив их на четыре ключевых направления: (1) адресант-идентифицирующие категории (самоидентификация, время, пространство, миссия, атрибутивность, деятельность, роль); (2) аудитория-идентифицирующие категории (аудитория, целевая аудитория, реляционные коммуникативные стратегии), (3) кортеж-идентифицирующие дискурс-категории (направленная/упакованная информация, предметно-ориентированные и кортежные коммуникативные стратегии, контакт с аудиторией, ин-тертекстуальность, интересубъектность, интересобытийность); (4) код-

идентифицирующие дискурс-категории (корреляция «миф – реальность», риторические практики, дискурсные практики, лингвистический статус, энциклопедические знания, правильность речи, вариант языка, специальная терминология, открытость/закрытость, стилистический диапазон).

Использование этого набора категорий позволяет организовать дискурс-анализ как комплекс взаимодействующих верификативных методов, куда входят в том числе идентификативно-интерпретативный анализ (*номинативный анализ*), анализ кода (*системный анализ*), нарративный (*линейный анализ*), анализ коммуникативных стратегий/мотивационно-целевой (*иерархический*), анализ дискурсных практик (*структурный анализ*), риторический (*функциональный анализ*).

Опора на выше обозначенный категориальный аппарат позволила реконструировать из дискурса политического лидера своего рода «Я-текст», т. е. «нарисовать» его дискурс-портрет. Проведя такое пилотажное исследование на материале дискурса 11 политических лидеров современности – представителей дискурса власти и контрдискурсии Беларуси и России (см.: Методология политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск: Технопринт, 2002. Вып. 3.), мы смогли построить дискурс-типологию политического лидерства, которая представлена следующими 24 дискурс-типами:

1. Лидер-ориентированные дискурс-типы:

○ *лидер-описательные/дескриптивные (статические) дискурс-типы*, отвечающие на вопросы: *кто он? какой?* Сюда входят такие две группы типовых вариантов: коллективист, индивидуалист, институционалист; созерцатель, деятель, сбалансированный;

○ *лидер-формирующие или лидер-функционалирующие (динамические) дискурс-типы*, отвечающие на вопросы: *кто он? что его делает лидером? И как он удерживает лидерство?* Сюда входят, в частности, такие дискурс-типы, как популист, рационалист, борец.

2. Кортёж-ориентированные дискурс-типы:

○ *кортёж-описательные/дескриптивные (статические) дискурс-типы*, отвечающие на вопросы: *кто он? с кем? кому?* Сюда входят дискурс-типы: общенациональный, региональный, партийный;

○ *кортёж-формирующие или кортёж-функционалирующие (динамические) дискурс-типы*, отвечающие на вопросы: *кто он? к кому обращается? как?* Сюда входят две группы типовых вариантов: тактик, стратег, псевдотактик или тип «чего изволите» (имеет место несоответствие целей средствам).

3. Аудитория-ориентированные дискурс-типы:

○ *аудитория-формирующие и описательные (динамические) дискурсы-типы*, отвечающие на вопросы: *кто? с кем? как? что? по отношению к кому?* и одновременно отражающие данный факт и его конструирующие. Сюда входят три группы типовых вариантов: 1) прагматик, идеолог, идеалист; 2) демократ, мессия; народник; 3) менеджер, сказитель, технолог, учитель.

Изучив тексты политиков, представленные в рамках таких жанров, как интервью, выступление перед массами/целевой группой, аналитика и программа, мы определили ключевые тенденции дискурс-репрезентаций политиков и, тем самым, ключевые дискурс-модели политического лидерства. В нашей выборке наиболее четко заявили о себе дискурс-модели харизматического лидера и лидеров восточнославянской и юго-восточной (азиатской) традиции, а также лидера западного образца.

Суммируя результаты исследования дискурса белорусских и российских политических деятелей, можно дать следующую характеристику дискурсу власти и контрдискурсии конца XX – начала XXI века.

Беларусь. Дискурс власти. При всех идеологических и личностных различиях П. Машерова, С. Шушкевича и А. Лукашенко следует отнести к единому дискурс-типу *общенациональных* политиков. Они проецируют себя на всю страну, стремятся объединить и повести за собой народ. Для них характерно также сочетание таких противостоящих дискурс-типов, как *коллективист* и *индивидуалист* (сильное «я» + сильное «мы»), *реалист*, *борец*, *созерцатель* и *деятель*. Судя по всему, это и есть оптимальный набор дискурсных характеристик для дискурса власти в Беларуси. К этому списку востребованных белорусским обществом дискурс-типов можно добавить также и кортеж-формирующий дискурс-тип *тактик*. Как показал анализ, *качества тактика* более успешны в белорусской среде, чем качества *стратегия*: важнее быть интерактивным и больше демонстрировать свою связь с аудиторией, чем делегировать свои обязанности другим; политик должен быть на виду и оставаться активным коммуникантом. Помимо этого репрезентация в дискурсе власти дискурс-типов демонстрирует жесткое требование для успешного лидера реализовывать все типовые варианты: легко ориентироваться в мифологии и реалиях страны, нести миссию, понятную и близкую аудитории, не преувеличивать значимость голой информации, а упаковывать ее «под аудиторию», четко выверять и реализовывать в своем дискурсе все виды коммуникативных стратегий.

Тем, кто хочет оказаться у власти, белорусы предъявляют максимальные требования. Дискурс-модель успешного лидера, поднявшегося на высшую ступень власти, состоит из следующих компонентов: национальный, внутренне гармоничный, сильный лидер, стоящий на земле и преданный своему народу, способный контактировать с массовой аудиторией.

Дискурс оппозиции (на материале дискурса З. Позняка и В. Гончарика) принципиально иной. К типу общенационального лидера не принадлежат ни З. Позняк, ни В. Гончарик. Последний вообще выпадает, как это ни парадоксально звучит, из системы дискурс-типов: они номинированы, но не реализованы. То, что В. Гончарик не нашел массовой аудитории и не воспринял ее, вычеркивает его из числа политиков одномоментно. Можно сказать, что он так и остался функционером. В актуализации целевой аудитории не преуспел и З. Позняк. Оба политика так и не смогли преодолеть неприязнь к электорату А. Лукашенко, не боролись за него, не видели в этих людях равных себе, достойных внимания и уважения. Как ни парадоксально, другими недостатками дискурса З. Позняка, не позволившими ему подняться вверх по политической лестнице, явились его прямые достоинства. Так, все дискурс-типы, присущие З. Позняку, проявляются в полную меру, максимально интенсивно, особенно такие, как наличие миссии, способность прогнозировать, ораторский дар, но очевиден недостаточный учет меняющегося социального контекста, отсутствие гибкости и умения «породниться с аудиторией».

Набор дискурс-типов в данной выборке: С. Шушкевич репрезентирует элементы дискурс-типов *демократ, деятель, рационалист, общенациональный, сказитель, идеалист, созерцатель, тактик*. В свою очередь в дискурсе З. Позняка мы находим дискурс-типы *деятель, борец, партийный, тактик, институционалист, созерцатель, идеолог, мессия, сказитель*.

Дискурсы П. Машерова и А. Лукашенко репрезентируют практически все дискурс-типы, что говорит об отнесенности их к дискурс-модели харизматического лидера, которая, по всей вероятности, всегда сопровождает переходные периоды истории народа (только в одном случае речь идет о поиске новых обоснований старого курса, а в другом – о практической перестройке). В дискурсах З. Позняка и В. Гончарика ни одна из определенных нами дискурс-моделей лидера не прочитывается.

Россия. Дискурс власти в лице Б. Ельцина и В. Путина характеризуется удивительной гармоничностью и преемственностью первого и второго президентов страны при всей очевидности принципиального различия между лидером перестройки и его преемником. Практически все

дискурс-типы у них совпадают. Если мы составим дискурс-портрет Путина по присущим ему дискурс-типам, то увидим, что это индивидуалист, деятель, рационалист, стратег, прагматик, демократ, менеджер и, конечно же, он общенациональный лидер. Практически все это есть и у Ельцина с той только разницей, что дискурс-портрет Б. Ельцина куда более сложен и противоречив. На нем смыкаются 21 из 24 дискурс-типов, которые мы выявили в процессе построения их типологической классификации. При этом мы полагаем, что оставшиеся три дискурс-типа в нем также были заложены и реализовывались ранее на тех или иных этапах его политической карьеры, но не в тот период, когда тексты были подвергнуты нами дискурс-экспертизе. В этот период в нем нет качеств *идеалиста* (для него важно не столько отношение к реальности, сколько сама реальность), *учителя* (он не вводит в свой дискурс расхожие мифы для того, чтобы их развенчивать, скорее, наоборот, для того, чтобы на них опереться и их максимально эксплуатировать), и наконец, он не декларирует себя *региональным* и *партийным* лидером (это для него уже не актуально).

Дискурс-модель лидерства **претендентов на пост президента** России в лице В. Жириновского и Г. Зюганова. Дискурс данных политиков в сопоставлении – это как «рыжий» и «белый» в известной клоунской пантомиме. Они и задуманы как антиподы и демонстрируют это, реализуя свои противостоящие дискурсы в СМИ и, соответственно, отвечая запросам своего электората. Единственно совпадающий для них дискурс-тип – это тактик: оба они активные коммуниканты и не делегируют другим лицам партии решение каких-либо коммуникативных задач. Но это характерно и для В. Путина. Таким образом, можно констатировать, что эта черта абсолютно необходима политическому лидеру данного геополитического пространства. Остается добавить, что как не совпадают дискурс-модели у В. Жириновского и Г. Зюганова, так же они разнятся и с дискурс-моделью В. Путина. Проводя между этими тремя, а далее и четырьмя дискурс-моделями демаркационную черту, можно констатировать (или выдвигать в качестве рабочей гипотезы для последующих дискурс-исследований политической коммуникации) следующее.

Путин репрезентирует дискурс-модель лидера западного образца (*индивидуалист, демократ, прагматик, менеджер, деятель позитивно-конструктивной направленности, общенациональный, рационалист, стратег*); Жириновский – дискурс-модель лидера восточноевропейского образца (*коллективист, народник, идеалист, технолог, деятель критической направленности, партийный, сохраняющий общенациональную и региональную направленность, популист, тактик*); у Г. Зюганова – дискурс-модель лидера юго-восточного (*институционалист, мессия, идео-*

лог, сказитель, созерцатель и деятель одновременно, борец, стратег и тактик одновременно). Соответственно, у Б. Ельцина репрезентирована дискурс-модель харизматического лидера, т. е. лидера переходного периода, когда все противоречивое электоральное поле надо объединить и повести за собой вразрез с устоявшейся традицией (ибо традиционные связи и так рвутся), когда надо дать возможность своему электорату увидеть новые горизонты развития, ибо старые уже больше не отвечают запросам общества.

Дискурс-портретирование, проведенное в самом начале нашего столетия, дает представление как об этом исторически значимом времени, так и о славянском контексте лидерства одного из периодов истории двух восточнославянских стран. При этом наше исследование демонстрирует со всей очевидностью то, как может быть реализован потенциал каузально-генетического подхода.

5.3. ЮМОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

В толковых словарях можно встретить такие определения слова «юмор»: понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-нибудь или «изображение чего-нибудь в смешном, комическом виде». «Смешное» определяется как «вызывающее смех», а «смех» – как «голосовые звуки, выражающие веселье, а также насмешку, злорадство и другие чувства, эмоции». Таким образом, юмористический дискурс есть дискурс в высшей степени эмоциональный, одновременно и отражающий, и порождающий, конституирующий эмоцию, личностное отношение.

Эмоция как душевное переживание является непосредственным объектом исследования психологии. Однако *вербализованная эмоция* (эмоция как *вербальное событие*) – это объект пристального внимания практически всех гуманитарных дисциплин, так или иначе являющихся слагаемыми дискурс-анализа – лингвистики, истории, философии, социологии, коммуникации, политологии, культурологии. Юмористический дискурс – явление, безусловно, интегративное. В нем мы находим и социальное, и коммуникативное содержание, и речеповеденческое. Он может актуализировать и объектную, и субъектную ситуации общения. Юмористический дискурс – это всегда событие: рождение и «коммуницирование» новой, неожиданной, спонтанной связи (внутренней или

внешней). При этом мы осознаем, что происходит нечто парадоксальное: совмещаются трудно совместимые связи как между разными видами деятельности – языковой и речевой, познавательной и оценочной, практической и поведенческой, так и между их производными (столкновение фонетической и семантической сторон знака, возвышенного и низкого стилей, общепринятого и маргинального, бытового и профессионального и пр.).

Шутка/юмор не просто случайное (немотивированное) соотнесение неких реалий с известным аудитории словом или образом (вербализация события), а действие вполне позитивное – свободное проявление фантазии, обязательно несущее оптимистическую нотку, рассчитанное на понимание со стороны группы, а значит, объединяющее группу вокруг этого эмоционального «фокуса». При этом юмористическая эскапада, не требуя от адресата особого умственного напряжения или душевных затрат, настраивает его на удовольствие и позволяет ему выплеснуть лишнюю энергию, снять напряжение. Юмор социален, идеологичен, коммуникативен.

Однако в политической жизни роль юмора значительно усложняется, становится многозначной и противоречивой. Юмористический дискурс включается в поле политической борьбы независимо от того, является ли он проявлением скептицизма или, наоборот, воодушевления.

Юмор в политическом дискурсе – малоизученная область знания, хотя и с богатыми традициями. Возможность соединения политики и смешного – того, что есть, и того, что могло бы случиться, – мы находим в работах Аристотеля, Сократа, Аристофана. Однако в наши дни эта нить утрачена. Современность осознает политическую деятельность не в рамках *модальности*, а в рамках *преодоления противоречия*. Политический дискурс «втянут» во множество дуальных оппозиций (дихотомий), в которых для смешного практически не находится места. Оно перестает быть «действующим лицом» дискурсив, а становится инструментом манипуляции общественным мнением.

Вовлечение юмора в орбиту различных видов деятельности породило разные подходы к изучению этого явления и, соответственно, разнообразные теоретические схемы. Среди них – концепции несовместимости или превосходства, психоаналитическая и психолингвистическая трактовка, прагматическая и когнитивная (концептуальная), семиотическая и культурологическая.

Исследование юмористического дискурса, политического юмора в том числе, непосредственно активизировалось в связи с усилением внимания к социальной истории и реальному политическому процессу, с

рождением интердисциплинарных подходов и дифференциацией лингвистической науки.

Мы полагаем, что можно выделить *три направления исследования юмора в общественно-политическом дискурсе*:

1) исследования функциональной направленности юмора: а) место, цели, задачи, функции юмора в политическом дискурсе; б) взаимодействие юмора и власти с учетом адресанта и адресата в аспекте их взаимодействия; в) актуализация различных сторон содержания шутки (как то: прагматической, синтагматической и пр.); г) различные функциональные формы проявления юмора (специфика функционирования в социуме национально-культурных, этнических, возрастных и прочих стереотипов);

2) исследования структурной направленности: а) проблематика юмора в политике; б) языковые, логические, идентификационные и деятельностные содержательные аспекты юмора; в) формальные характеристики (жанры политического юмора);

3) динамические, комплексные исследования, а именно: а) многоступенчатые исследования отдельных случаев (ситуативных, временных, групповых, институциональных) и б) исследования отдельных случаев в режиме мониторинга с целью обнаружения тенденций.

Понятно, что третий тип исследования вбирает в себя первые два и использует выработанные ими исследовательские подходы и методики. Причем возможен вариативный набор таких методик, определяемый в соответствии с конкретными целями и задачами исследования, а также его материала.

Рассмотрим ряд вопросов, общих для трех исследовательских направлений.

Одной из центральных проблем в обсуждаемой нами области знаний (юмор и политика) является *проблема взаимоотношений юмора и власти*. Она находит свое отражение практически во всех видах речевой деятельности (письменной и устной, активной и пассивной), на всех ее этапах (интенция, реализация, результат), охватывает все элементы коммуникативной модели (адресант – текст – адресат).

Для выявления специфики функционирования юмора в политическом дискурсе и случаев актуализации в нем политического (властного) начала важно исследовать субъектную ситуацию общения: кто над кем смеется и кто есть эти «кто» (каковы статусы смеющегося и осмеянного). Здесь исследователю может помочь таблица, предложенная А. Бергером в книге «Анатомия юмора» [9]:

Цель	Наш статус	Мы смеемся над другими	Другие смеются над нами
Власть	Высокий	Равенство	Воздействие (манипуляция)
Власть	Низкий	Сопротивление	Контроль

Как видим, в таблице учтены четыре ситуации общения, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1) смеющийся, обладающий высоким статусом, смеясь (шутя), констатирует (утверждает) наличие равенства между общающимися;

2) смеющийся, обладающий низким статусом, смеясь (шутя), противостоит контролю над собой;

3) смеющийся, обладающий высоким статусом, смеясь (шутя), пытается воздействовать на нас (манипулировать нами);

4) смеющийся над нами, обладающими более низким статусом, смеясь (шутя), подтверждает (актуализирует) наш низкий статус и демонстрирует свою доминирующую позицию (контроль над нами).

Итак, юмор может быть и утонченным средством социального контроля доминирующих элементов общества, и в то же время формой сопротивления подчиненных элементов. По тому, что характерно для юмористического дискурса той или иной социальной группы, можно судить, с одной стороны, о ее реальном положении в обществе, ее силе, зрелости, а с другой стороны, о силе и зрелости ее оппонентов.

Смех – сильное оружие. Умение пользоваться им и направлять на противника – индивида (субъекта политики), группу, институт, идею – входит в арсенал политической деятельности и является определенной формой власти. Если над политиком, институтом, идеей смеются, то, значит, этот объект юмора, возможно, имеет серьезные недостатки (пробелы) и трудноразрешимые проблемы.

Анализ субъектной ситуации общения в юмористическом дискурсе может быть дополнен анализом объектной ситуации общения, экстенсивной характеристикой текстологической «ткани» шутки. Иначе говоря, **юмор – это не только средство борьбы против кого-то, но также и аргумент за что-то/кого-то.**

В содержательном анализе юмора первостепенное значение имеет выделение ключевых идей. Пилотажное исследование юмора в современном политическом дискурсе позволило выявить ряд повторяющихся в разных ситуациях идей, которые можно рассматривать как *аргументативные идеи*, т. е. идеи, вокруг которых строится аргумент, а параллельно рождается шутка.

1. Символ как аргумент: использование *слова-символа*, за которым стоит идея, группа, личность, институт, документ, гимн, торжественный день и прочее (как то: сакральные понятия или мифологизмы), и его деконструкция, не соответствующая ожиданиям. Примером может служить следующее прочтение (деконструкция) цветов российского флага: «Перебранка между двумя колоннами демонстрантов на манежной площади в Москве: “Вы, *красная* сволочь.” – “Вы, недобитки *белые*.” Выходит третья колонна. “А вы за кого?” – “Ни за кого. Мы *голубые*.” – “Братцы, так чего же мы ссоримся? Ведь тут собрались все *цвета российского флага*»).

2. Секс как аргумент: использование ассоциаций сексуального плана как аргумент сильной или слабой позиции, а также такие приемы, как перенос, параллельные конструкции, например импотенция – политическая импотенция (В. Черномырдин: «Говорят, что я делаю это из популистских соображений, чтобы поднять рейтинг или что-то там еще. У меня все в порядке, ничего поднимать не надо»).

3. Инсценировка опроса или статистического анализа как аргумент (например, рейтинг политика в сантиметрах и килограммах – выпад обозревателя ОРТ С. Доренко против мэра Москвы Ю. Лужкова 5 декабря 1999 г.).

4. Национальные предрассудки или заниженный статус профессии как аргумент (уничижительные характеристики российских аграриев во время дебатов в Думе – «ветеринары», «костоломы»; «разоблачение» национальной принадлежности В. Жириновского: «мать – русская, а отец – адвокат».)

Использование юмора в политических дискуссиях может преследовать как конструктивные, так и деструктивные, манипулятивные или демагогические цели. Современный политический дискурс выступает чаще всего как дискурс власти и контрдискурсии. В результате реализуются две функции юмора – свободомыслия и насаждения повиновения. Такой черно-белый подход к функциональному изучению юмора в политике восходит ко временам холодной войны и, бесспорно, обедняет реальную картину. Наличие других цветов не только возможно, но и необходимо, ибо оно снимает напряжение в обществе и сам юмор становится средством «выпуска пара». Впрочем, и этой функцией не исчерпывается диапазон юмора в политике. Как нам представляется, его функциональную многогранность могут раскрыть категории комического и трагического. Их взаимодействие порождает такие пары, как случай и неизбежность, свобода и детерминизм, оптимизм и пессимизм, выживание и разрушение, социальное и персональное, интеграционное и сепаратистское, банальность и серьезность, сниженность и возвышенность характера, удовольствие и боль, катэксис (выброс лишней энергии) и катарсис (очищение). Каждая из этих дихотомий указывает на возможность реализации посредством

юмора различных идеологем и способов воздействия на аудиторию. Мы полагаем, что выявление функционального характера юмора в дискурсе власти и контрдискурсии – перспективный подход к изучению данного явления. Он позволяет расширить наше представление о политическом дискурсе в целом и его различных вариантах.

Другой возможный путь познания специфики юмора в политике с учетом его не столько функциональной, сколько структурной данности – исследование с позиций так называемой *морфологической организации* (подход, предлагаемый по аналогии с работой В. Проппа «Морфология сказки»). Набор основных формообразующих элементов юмора (язык, т. е. код, логика, идентификация и действие) представлен в книге А. Бергера «Анатомия юмора» [9]:

○ языковые компоненты – аллюзия, напыщенность, ирония, дефиниция, преувеличение, шутливость (веселость, игривость), оскорбление, инфантилизм, непонимание, сверхбуквальность, игра слов (головоломка), остроумие, высмеивание, сарказм, сатира;

○ логика – абсурдность, случайность, ошибки, каталогизация, совпадение, аналогии, разочарование, невежество, повторение, неудача, непреклонность, тематичность/вариативность;

○ идентичность – до того/после, бурлеск, карикатура, гротеск, эксцентричность, неловкость, разоблачение, имитация, мимикрия, имперсонафикация, пародия, стереотип, снятие маски, взвешивание (сопоставление);

○ действие – погоня, хлопанье, скорость, время.

Здесь мы наблюдаем смесь жанровых, деятельностных и риторических начал, признание того, что юмор вербален (язык) и невербален (перформативен), экзистенциален (самодостаточен) и идеален (логичен). Это, в свою очередь, приводит к мысли о многоярусности и дополнительной методик, с помощью которых возможно изучение этого явления, неизбежности, в конечном итоге, дискурс-аналитических подходов с учетом постмодернистских «новаций».

5.4. ДИСКУРС-КАРТИНЫ МИРА И КОРТЕЖНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ СКАЗОК

Глаза и уши – свидетели ненадежные, говорил еще Гераклит. Мы видим, слышим что-то одно, возможно, в противопоставлении другому или созвучии с ним (другим фактом, мыслью, идеей или отношением к ним), но продолжаем держать во внимании и то, что остается на периферии глаза, уха – так называемые контекстные образы и шумы. И это уже, если использовать современную кинематографическую терминологию, фор-

мат 3D. Но есть и 4-, 5-, 6-D-форматы. Сколько же измерений, перспектив имеет (может иметь) реальность? Я думаю, что мы будем правы, если ответим емко – *открытое множество*.

А сколько реальностей в тексте, который включен в коммуникацию, т. е. стал событием, дискурсом? Как минимум две, ибо кроме реальности объективной, актуализуемой в тексте намерением автора, в нем присутствует и иная реальность, созданная кодом, актуализуемая помимо авторского намерения (а иногда и вопреки ему). Код не просто называет ту или иную реальность, он привносит в нее свою специфическую содержательную данность, а значит, удваивает ее потенциал, дает ей возможность «путешествовать» из *реальной* реальности в *виртуальную* и обратно. Какая из них первична, более значима? И та и другая могут стать главенствующей – как мысль диктует и конструирует форму, а потом в ней отражается и от нее отталкивается в своей реализации, так и материя задает репертуар значений, ограничивая мысль и ее понимание. Учитывая такую естественную для текста «поли-реальность», хочется предложить посмотреть на один из самых затребованных обществом тип дискурса – на дискурс народной сказки – и на ряд *методик работы с этими прецедентными текстами*.

Что манифестирует, о чем повествует *сказка славянских народов*? Чтобы это выяснить, нам надо *реконструировать множество кодов*, которыми подается, с помощью которых конструируется содержание сказки. И в связи с этим изначально обратим внимание на идею, предложенную и описанную Павлом Флоренским, – идею создания содержания в произведении искусства (он, в частности, говорит об иконописи) с помощью сознательного нарушения правил перспективы. Флоренский обратил внимание на то, что такой **код** обеспечивает реализацию в общении с иконой **каждый раз нового, иного содержания**. И это происходит благодаря использованию многоцентрированной перспективы – перспективы с особыми центрами, а иногда и горизонтами на одной картине, иконе. Сюда входит сложная разработка перспективных ракурсов с использованием *правил обратной, или обращенной, перспективы*, а иногда и *перспективы извращенной и ложной*, правил *раскрышки и линий разделки*, невидимых непосвященному глазу, которые, будучи начертанными на иконе, составляют, по замыслу иконописца, «совокупность заданий созерцающему глазу, линии заданных глазу движений при созерцании им иконы» [10]. Все это и составляет, по Флоренскому, применение **сознательного** приема иконописного искусства – искусства, с которым народ всегда соприкасался, искусства, которое ему не надо было понимать, но чувствовать и сопереживать.

Мы позволим себе предложить идею о том, что славянская сказка, включенная в коммуникацию, также имеет в своих текстах такого рода перспективу, а точнее, перспективы с их особыми линиями «разделки» и правилами «раскрышки», как бы руководящие чтением текста, создающего совершенно особое живые и подвижные, трансформирующиеся в контексте общения *картины реальности – дискурс-картины*. Каковы же они? Это картины особого знания, запакованного в них, и картины отношения к нему; картины особых миров и картины особым образом организованных сообществ в их интерактивной данности (коммуникативных коротежей); картины событий, обретающих особое значение в момент их совершения (актуальные смыслы), но и сохраняющих иные смыслы, будучи обращенными в историческое прошлое (прототипические смыслы).

Признавая наличие дискурс-знаний, -отношений, -миров, -сообществ, а также дискурс-смыслов, мы говорим о том, что их можно «достать», «распаковать». Отсюда и предлагаемый метод **реконструкции дискурс-картин**. Каким образом мы предлагаем подойти к реконструкции этого открытого множества реальностей сказки? Полагаем, что важно осознать целевой диапазон исследования, выбрать исследовательскую процедуру и техники, посмотреть, как они работали ранее и каких результатов можно от них ожидать.

И здесь мы однозначно выбираем каузально-генетический подход, предполагающий проведение функционально-динамического (подвижного, диалектически-осознанного) качественного исследования. **Качественное исследование** предполагает: (1) целостность видения изучаемого явления (сказки) как единого знака, что ведет за собой признание его изначальной двуликости, а с учетом того, что каждое лицо имеет пару глаз, то и признание множественности объектов наблюдения (исследованию подлежат: объект общения и его вербальное оформление (вербализация информационной стороны общения), а также субъекты общения и их вербальное оформление (вербализация интеракции)); (2) особое внимание к ментальной данности – структуре, задаваемой изучаемым явлением, также с признанием ее диалектического свойства, а значит, ее подвижности, изменчивости; (3) изучение взаимодействия актуального и латентного содержания с особым фокусом внимания на эксклюзивность каждой конкретной дискурсии; (4) селективность подхода, а значит, выбор между возможными логическими структурами исследования; (5) выявление тенденций, которые имеют место в конкретных дискурсиях (просто анализ текстов не является самоценным); (6) зависимость манифестируемой информации от субъектной (не субъективной) ситуации общения,

и, как результат, смену фокуса внимания с текста данного конкретного адресанта на сам текст и текст адресата. **Функционально-динамическое исследование**, в свою очередь, нацелено на поиск противоречий как движущей силы познания и их составляющих с учетом характера их взаимоотношений и порождения качественно новых смыслов, а значит, на поиск:

○ соотношения, интеракции новых смыслов и их осмысления в новых контекстах;

○ самостоятельного воплощения новых смыслов в их применении к разным событиям и сообществам;

○ их соподчинения в силу тех или иных обстоятельств (концентрация, соподчинение);

○ выход этих взаимоотношений в неприятие.

Но вернемся к **методу реконструкции** и тому, как он понимается в каузально-генетической перспективе. В его основе медленное чтение изучаемого материала (без предварительной установки на то, что именно следует «увидеть», но все же с поиском множественных ответов на одни и те же вопросы (о чем речь? что именно об этом говорится? как говорится? каково отношение к предмету общения? кто с кем общается? как именно? в каких отношениях находятся между собой общающиеся?). Повтор вопросов происходит с каждым прочтением и перепрочитанием, ибо каждый раз меняется фокус внимания. Таким образом происходит изначальный сбор базы данных. Каждый новый виток несет в себе определенную верификацию. Последняя имеет место и в вариативности организации базы данных – поиске оптимальной или оптимальных для каждого конкретного случая форм организации собираемого материала – структурных и линейных, системных, иерархических. Далее этап описания, иллюстрирования, комментирования каждой проработанной позиции. И наконец, идет поиск синтетических, или *кластерных* (совместно реализующих себя), составляющих, что переходит в поиск смысловых реализаций с учетом эксклюзивности и прототипичности изучаемого материала, контента и контекста реализации¹. Следует добавить также, что

¹ I. F. *Oukhvanova-Shmygova*, Cause-Genetic theory of text content in its application to mass media text studies. – Proceedings of the XVth International Congress of Linguists, July 20-25, 1997, Caron, ed., Paris: Pergamon. An imprint of Elsevier Science, 1998; статьи И. Ф. Ухвановой-Шмыговой в серии книг «Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы анализа текста». Вып. 1–6. Минск : 1998, 2000, 2002, 2008, 2010, 2011; План содержания языкового знака: от слова к тексту, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. 1993. № 24. С. 3–15; И. Ухванова-Шмыгова, Качественный анализ текста. Постмодернизм: энциклопедия, Минск : Интерпресс-сервис. Кн. дом, 2001.

каузально-генетический подход, используя одновременно аналитические и синтетические исследовательские практики, предлагает сделать более прозрачной границу между понятиями «контент» и «контекст» и *строить теорию контекста* как выходящую из *теории контента* (теории содержания) . В связи с этим понятия «вписанный», «актуализированный» контексты равны понятию «контент», а дискурс обретает черты текстов, конструирующих реальность (реальности), ее (их) прописывающих и предписывающих. Соответственно, понятие «дискурс-картина» обретает в гуманитарном знании свои особые, отличные от функционирующих в гуманитарной науке понятий «картина мира», «языковая картина мира». И суть отличия заключается в ее изначально задаваемой подвижности, изменчивости, функциональности, трансформационной данности, адаптивности. Эти характеристики картина приобретает, будучи в привязке к аудитории, создающей смыслы. Таким образом, мы не можем говорить о ее универсальности, а скорее, фрагментарности, которая, однако, не нарушает цельность, а образует каждый раз цельности. И это происходит благодаря тому, что дискурс-картины всегда работают в парах: знание – отношение, смысл – сущность, предмет-ориентированная – субъект-ориентированная.

Опыт работы последователей и разработчиков каузально-генетического подхода с дискурс-картинами в различных типах дискурса (А. Попова, Е. Савич, А. Маркович, Я. Зинченко, Л. Курчак, Е. Янченко, О. Туркина, О. Калиновская) показал, что ключевыми в их реконструкции становятся дискурс-категории «локальность» (фрагмент реальности), «системная характеристика» (номинализация реальности в ее системном развитии, вербализации), «структурная характеристика» (ментальные структуры с учетом глубины их разветвленности в каждой конкретной дискурсии), «операциональная или функциональная значимость» (функциональные и функционально-динамические модели реализации интеракции), социальная и ситуационная каузация (форматно-жанровые лимиты взаимодействия).

Предлагаемый взгляд на изучение сказки с позиций реконструкции в ней дискурс-картин настолько глобален, что, с учетом необходимости репрезентировать дискурс славянской сказки на примере реальных дискурсий, нам следует *ограничить* себя здесь, в данной статье, одной из функциональных пар и одной из техник репрезентации. Сконцентрируем свое внимание лишь на *одной из пар*: предмет-ориентированной дискурс-кар-

¹ См. статьи И. Ф. Ухвановой-Шмыговой и Е. В. Савич в сб. материалов международного круглого стола «Дискурс в академическом пространстве». (Серия La Table Ronde). Минск : Изд. центр БГУ, 2010. Вып. 1.

тине, или **дискурс-картине мира** (тематическая сетка содержания каждой конкретной дискурсии) и субъект-ориентированой, или **дискурс-картине короткежного взаимодействия** (ролевая сетка, определяющая характер взаимодействия общающихся в каждой конкретной дискурсии – сказке). Соответственно, ограничим себя актуализацией и *одной из техник* реконструкции – *техником открытого комментирования* (оставив остальные за пределами данной публикации). Полагаем, что схематичная репрезентация данной техники на примере трех коротких белорусских и трех еще более коротких украинских сказок поможет увидеть не просто данные дискурсии в их многофокусном приближении, но и *показать тенденции* того, как каждая нация подходит к описанию своего мира и своего стиля речевого поведения. Материалом для анализа послужили сборники сказок для малышей двух славянских стран¹.

Ниже мы предлагаем по три сказки, выбранные нами из каждого из сборников, с комментированием результатов реконструкции вышеназванных дискурс-картин. Сказки и комментарий к ним призваны продемонстрировать уникальность каждой сказки и понимание того, что реконструкция максимально открытого пространства каждой единичной сказки помогает на малом материале увидеть и единичное, и типовое, прототипическое содержание, а значит, и в чем-то понять людей, сочиняющих эти сказки, посмотреть на мир и взаимодействие людей в нем их глазами.

Дискурс-картины белорусских сказок для малышей (на примере трех сказок)

1. **СТАРЫ БАЦЬКА.** Даўней было так: як састарэе бацька, то сын завязе яго ў глухую пушчу, ды і пакіне там. Вось аднаго разу павёз сын бацьку ў пушчу. Шкада яму бацькі – моцна любіў ён яго, але што зробіш? Не павязеш – людзі смяяцца будуць: старых, скажуць, звычайў не трымаешся. Яшчэ з сяла выганяць... Едзе ён так маркотны, а бацька і кажа яму: «Няўжо ты, сынку, мяне, старога ды надужага, аднаго ў пушчы пакінеш?» Падумаў сын, змахнуў слязу і кажа: «Не, бацька, не пакіну. Але для людзей хоць трэба зрабіць гэта. Уночы я прыеду па цябе, забяру і буду трымаць да смерці ў цёмнай каморцы, каб ніхто не бачыў». Так сын і зрабіў. Як прыйшла ноч, прывёз ён бацьку з пушчы ды схавав у цёмнай каморцы. Здарылася няшчасце: град усё жыта выбіў, і няма чым нават новага пасеяць. Прышоў сын да бацькі ў цёмную каморку, бядуе: «Што рабіць? Не пасеем жыта – і налета без хлеба будзем».

¹ Не слай, а розумам. Бытываю казкі і казкі пра жывёл. Мінск : Юнацтва, 1998. 223 с. (Серия «Бібліятэка беларускай дзіцячай літаратуры») ; Сказки Украины. М. : Русский хронограф, 2006. 160 с. (Серия «Сказки православных народов»).

Бацька кажа: «Не, сынку, пакуль я жыў, без хлеба мы не будзем. Слухай мяне. Як ты быў яшчэ малы, тады я гумно ставіў. А ў тым годзе быў вельмі ж добры ўраджай. Дык я немалочаным жытам гумно накрыў. Здырны страху, абмалаці і мецьнеш насенне. Сын так і зрабіў. Садраў страху з гумна, абмалаціў і пасеяў увосень жыта. Суседзі дзівяцца: адкуль ён насенне ўзяў? А сын маўчыць, бо нельга ж прызнацца, што гэта стары бацька яму дапамог. Прыйшла зіма. Няма чаго есці. Зноў ідзе сын да бацькі. «Так і так, – кажа, – давядзецца з голаду паміраць...» – «Не, – кажа бацька, – з голаду не памром. Вазьмі рыдлёўку ды пакапайся ў хаце пад лаваю. Там я некалі, як быў яшчэ малады і дужы, закапаў трохі грошай на чорны дзень. Жышчэ, сынку, пражыць – не поле перайсці: усё можа здарыцца. Так я думаў, так і рабіў». Зарадаваўся сын, выкапаў бацькавы грошы і купіў збожжа. Сам з сям’ёю хлеб есць ды яшчэ і суседзям пазычае. Вось яны і пытаюцца ў яго: «Скажы ты нам, браце, адкуль ты хлеб бярэш?» Прызнаўся сын: «Бацька мяне корміць». – «Як жа так? – дзівяцца суседзі. – Ты ж завёз свайго бацьку ў лес, як і ўсе добрыя сыны!» – «Не, – кажа ён, – я не зрабіў так, як вы робіце, а пакінуў бацьку пры сабе дажываць веку. Загое, як прыйшла бяла – бацька мне і дапамог. Старыя людзі большы розум маюць, чым маладыя». Перасталі з таго часу сыны бацькоў у пушчу вазіць, а пачалі пад старасць шанаваць іх і даглядаць.

Аналіз-каментарый к сказке «Стары бацька». В реконструкції рэальнасці, запечатленній в сказке, вядущымі для нас сталі разнаобразныя дихотомічныя пары. Гэта – (1) *время* і рэальны *человек*, дзействующы по свому разуменію. Прычым дзействія чалавека *не параллельны дзействіям другіх*, яны не процывопаставляюць *его другім*, не деляюць невозможным дыялог між людзьмі, не разводзяць іх ценнасці по разныя бакі (гэта *не конфликт*). Чалавек застаецца часткай цэлага, і ў выніку мяняе якасць гэтага цэлага. Здарэньне часу несць у сабе сэнсавую нагрукку (время мяняюцца, время востановіцца), а чалавек – сутнасць (такія якасць чалавека, як любовь, доброе адношэньне к родным і саседям, памаць друг другу, застаюцца с ім востановіцца). Востановіцца і другія рэальнасці міра сказкі, напрыклад: (2) *знаніе* і адношэньне – чалавек знае, што должна, но востановіцца адношэньне, котрое і прыносіць новае знаніе; ці (3) *традыцыя* і рэальнасць – чалавек прызнае традыцыю, чціць, не хочет быць осмеянным, но і свое імае разуменіе (так подумал – так і сдэлаал). Можна реконструаваць із сказкі не толькі дихотомічныя аснованія, но і вечныя, непоступаючыя ценнасці, как то: (4) *жизнь* – чалавек ея ценіць во всех проявлєніях і бережеть, а отсюда *жизнь* і умєніе жить становяцца єдыным цєлым. Єще такой неразрывной ценностью, вокруг которой сконцентрировано содержание, являється (5) *сообщество* – куда входят не просто люди (яны все же застаюцца

несколько в стороне, с ними нет общения, есть только осторожное поведение по отношению к ним: как бы чего не вышло), а соседи (им помощь, их любопытство удовлетворено). Возможны и другие актуализации содержания реальности, как то: (6) жизнь как смена радостей и горестей, и, далее, ее горести заложены в окружающей действительности (град, зима и т. д.).

Реконструируя характер взаимодействия автора и читателя, можно отметить также, что смена в названиях временных отрезков, природных явлений, а также смены кортежей общающихся (групп, выступающих как коммуникативные единства, ситуативно обусловленные дискурсные сообщества) придают нарративу неспешность и значимую последовательность в презентации происходящих событий, а их номинация объясняет их характер, дает им оценку. В результате отношения становятся доверительными. Ожидается, что читатель примет описываемые события как должные, а результат изменения общего отношения к событиям – как логичный, обоснованный, приемлемый.

2. БЕЛЫ ВОЎК. Быў дзед і баба, мелі яны сабе адну дачку. Жылі яны бедна. Дзеду трэба было пайсці ў лес дроў насячы. Сячэ ён, сячэ, аж ідзе стада ваўкоў, а папярод *самы большы воук – белы*. Прыходзяць да старога і гавораць: «Стары! Мы цябе з’ямо». Стары стаў кланяцца беламу ваўку, аж белы воўк адзваецца: «Я чуў, што ў цябе, стары, ёсць харошая дачка: калі аддасі за мяне, то яшчэ паможам табе дровы ў вязку пазбіраць і падаць на плечы». Стары пакланіўся і згалзіўся аддаць дачку за белага ваўка. Воўк назначыў дзень, калі яны прыйдуць жаніцца з дачкою; дапамаглі дровы старому забраць і адпусцілі яго. Стары прыйшоў дадому, сказаў бабе і дачцэ, што ён бачыў у лесе і што мусіў абяцаць выдаць за белага ваўка дачку. Маці з дачкою паплакалі і ўжо чакалі таго дня, калі меў белы воўк прыйсці з вяселлем. Стары паралзіўся са сваёю бабаю, каб хаця самім уцячы ад ваўкоў, бо як не дагодзім ім, то і нас з’ядуць: «Няхай астаеша дачушка адна, што ёй бог дасць, а мы ўцякайма заўчасу за мора». Убралі дачушку, як да шлюбу, паблагаславілі яе, а самі за тры дні наўпярод уцяклі. Дачка чакае сватоў і плача, заліваецца слязамі, як хаваючы нябожчыка. А быў у яе *казельчык ды вельмі разумны*; пытаецца ён: «Чаго ты, *паненачка мая*, плачаш?» Яна яму расказала аб усім: як *татка абяцаў* яе выдаць за белага ваўка і што яны праз дзень ужо прыйдуць жаніцца. Казёл жа супакоіў: «Не бойся! Скідай з сябе ўсе гэтыя стужкі і ўборы, давай кулік саломы». Убралі куль, як маладую, і паставілі на покуце за сталом. Сам казёл набраў у рэзгіны сена, уклаў у сярэдзіну дзяўчыну, закінуў сабе на плечы і давай уцякаць за мора. Аж сустракаецца на дарозе з тымі ваўкамі. Яны ўжо йшлі да маладой. Пытаюцца ў казла: «Куды ты гэта ідзеш з сенам?» – «У майго гаспадара будзе вяселле – дачку аддае за белага ваўка, іду за мора купляць розныя віны і прыправы і нясу сабе сена на дарогу». Прыходзяць маладыя дахаты, сталі перад дзвярыма. Як завядуць, нібыта музыкі, – хацелі,

мусіць, марша зайграць, але, вядома, як ваўкі: адзін танчэй, другі таўшчэй... і равуць пад хатаю. Уваходзіць сам белы воўк, глядзіць – нікога няма ў хаце, а толькі маладая сядзіць на куце ўбраная. Залез туды і малады, прыглядаецца да маладой, але ў яе вочы завешаныя; загаварвае да яе, а яна не адзваецца. Ён і так і сяк, а яна маўчыць. Не стала ваўку цярпення і як штурхне яе – аж глядзіць: куль саломы ўпаў на зямлю. Як скокне воўк і ўсё яго вяселле, як затарзянуць усе гэты куль – разарвалі яго і растрэслі па саломінцы, а самі пабеглі даганяць казельчыка. Але пакуль яны дабеглі да мора, казёл ужо пераплыў на другі бок. Тады яны адзін на другога: «Скачы ты ўперад у ваду!» А той: «Скачы ты ўперад у ваду!» І ні той, ні другі не скача. А потым як папхнулі адзін другога – і ўсе патапіліся. Казёл убачыў з таго боку мора, што ваўкі патапіліся, быў вельмі рады, паслаў дачку, каб знайсці бацькоў – дзеда ды бабу. Тыя даведаліся, што ваўкі патапіліся, вярнуліся назад да свае хаткі. Сталі там смела жыць ды пажываць і сталі ўжо цяпер багатымі. Купілі сабе каня. Стары ўжо не на сабе дровы насіў, а возам вазіў; дачушка сама ткала і прала, і кашулі шыла, і краіла. Казёл глядзеў у іх за парадкам.

Анализ-комментарий к сказке «Белы воўк». В реконструкции реальности, запечатленной в сказке, ведущими могут стать разнообразные дискурс-категории, как, например, те, которые соединили вместе причинно-следственные связи: (1) бедность и то, что она с собой несет (с одной стороны, безволие родных – *параллельное существование*; с другой стороны, ум и преданность тех, кто вступает в диалог, становится героем и даже вершителем судеб тех, с кем рядом); или (2) проблемы одна за другой и их решение (уйти от проблемы обманом ли, манипуляцией или просто уйти физически: бежать в другие края или подождать, когда проблема разрешится сама, *не вступать в конфликт* (другие просто погибнут сами). В то же время могут быть реконструированы из этой сказки и единичные дискурс-категории, как, например, (3) категория «пространство» (а не «время», как это было в предыдущей сказке); именно она несет в себе *смысловую нагрузку* (его можно изменить в целях безопасности), эта категория идет вне прямой привязки к субъекту, герою. Также интересно развитие (4) категории «субъект» (герой): и он сохраняет в себе многоликость, возможность смены своих качеств, мобильность, адаптивность (*сущностная характеристика* содержания). Можно реконструировать из этой сказки и то, что (5) *жизнь* есть ценность (отсюда и значимость качества «адаптивность»). В то же время категория (6) сообщество распадается на малые группы при появлении проблем (смешанные группы – люди, звери) и вырастает количественно (опять-таки смешанные группы), когда проблемы решены. И в этой сказке возможны и другие актуализации содержания реальности, как то: жизнь есть смена радостей и горестей,

а горести заложены в окружающей социальной реальности (чужие). Можно добавить, что реконструкция такого явления, как «бедность», здесь возможна не только в причинно-следственной связи, но и в сочиненной: что есть бедность (сообщество как бы рассыпается), а что есть богатство (совместный труд во благо всех).

Реконструируя характер взаимодействия автора и читателя, можно отметить, что автор держит читателя в некотором напряжении – события сменяют одно другое, и нет уверенности у читателя в том, что развязка будет счастливой. Это происходит потому, что события как бы «тасуют» кортежи (кто с кем, почему). Впрочем, становится очевидным, что дети свободны в своих действиях (взрослея) и сами строят свою судьбу, выбирая себе тех, с кем им быть. Так же, очевидно, свободен и читатель в выборе трактовки сказки. Никто ни на кого не в обиде, никто ни за кого окончательно не принимает решений.

3. ПЧАЛА І МУХА. Жылі-былі пчала і муха. Пчала з ранку да вечара па лугах лятала, мёд збірала. А муха мёд толькі есці любіла. Дзе мёдам запахне, там і яна. А дзе мёду не чуваць, там муха не хоча нават і пераначаваць. Аднаго разу прысела муха адпачыць на зялёным лузе. Сонейка муху прыгравае, лёгкі ветрык абвьявае. Кругом кветкі цвітуць, шустрыя конікі скачуць. У небе птушкі спяваюць. Задумалася муха: як добра на свеце жыць! Думала-думала, ды і задрамала. А ў гэты час над лугам пчала пралятала. Ляціць, гудзе, мёд у вулей нясе. Цяжка ёй, аж стогне небарака. Прахапілася муха ды як закрычыць на пчалу: «Ах ты сякая-такая! Чаго тут над вухам стогнеш, мне спаць не даеш!» «Выбачай, – сказала пчала. – Я шмат мёду нясу, дык і стагну». – «Ха-ха, – засмяялася муха, – шмат мёду нясеш, а сама, нябось, галодная: вунь якая худая – адны косці...» – «Праўда, – адказвае пчала, – мы, пчолы, збіраем пуды, а самі худы». – «А чаму ж вы худы? І мёд у вас, і вашчына ў вас...» – «Дык жа мёд мы збіраем не толькі сабе, а і сваім дзеткам, і гаспадару, які нам хату зрабіў, даглядае нас». – «Чакай, чакай, – кажа муха, – я нешта не зусім добра цябе разумею: як гэта можна збіраць мёд для іншых? Мы, мухі, так не робім. Мы толькі гатовага мёду шукаем». – «Ат, – замахала крыльцамі пчала, – няма мне калі з табою гаманіць: трэба хутчэй дадому спяшацца, мядовую кашку дзеткам варыць». – «А дзе возьмеш ты мядовую кашку?» – «На сабе вязу». – «У чым?» – «У вазку, у палазку і за пазушкай». Загула пчала ды паляцела ў свой вулей.

Анализ-комментарий к сказке «Пчала і муха». В реконструкции реальности, запечатленной в сказке, ведущими становятся *параллельные миры* пчелы и мухи: одна – в работе, заботе о своей семье и своем благодетеле – хозяйине; другая в неге, отдыхе, мыслях о красоте. Пересечение этих миров все же есть, и хотя оно случайно и нежелательно для мухи (оно

нарушило ее покой), эти параллельные миры «вошли в контакт», в *диалог*. Обменялись отношением друг к другу (недовольство с одной стороны и извинение с другой), информацией друг о друге, убедились, что они не похожи, и разошлись. О чем сказка? О том, как отличаются миры разных существ, живущих по существу рядом, о том, что узнавание другого не такая уж и большая ценность, каждый занят своим, у каждого свои роли, которые ему и выполнять, а другие могут быть лишь временной помехой, не более того. Кому что на роду написано, тому так и жить.

Параллельные миры становятся и категорией картины короткого взаимодействия в данной сказке. Автор предлагает читателю простое описание, без анализа, оценок, морали. Глядя на мир животных – параллельный мир – со стороны, читатель волен делать свои выводы из ситуации безотносительно еще одного параллельного мира – мира повествователя.

Дискурс-картины украинских сказок для малышей (на примере трех сказок)

1. **ПОХВАСТАЛИСЬ**. Купил себе мужик новые чоботы, жинке – перстеньков, а дочери – сережки. Пришел праздник; они все и понадевали обновы. Мужик сел на лавку, выставил ногу, чтобы все видели его чоботы, стучит по полу и говорит: «Жинка, отчего у нас хата не метена?» А жинка протянула руки вперед, растопырила пальцы, чтобы видели ее кольца, и водит руками: «Я говорила, я говорила!» А дочка замотала головой, чтоб ее сережки болтались, и приговаривает: «Сколько ж раз хату мести! Сколько ж раз хату мести!»

Анализ-комментарий к сказке «Похвастались». Ценность и радость обновы в центре внимания героев. Их мир в праздник меняется благодаря обнове: они в ней – и как будто другие, демонстрируют ее друг другу, сами довольны. А говорят о другом – и невпопад. Но это как бы и неважно. К месту – обновы, а не предмет разговора, форма, а не содержание. То есть мир здесь и не параллелен, и не конфликтен. Нет и диалога как такового, ибо нет предмета разговора, но есть интеракция с поворотом на свой мир, свою обнову, свою эксклюзивность. Каждый показывает себя.

Данная сказка настолько мала, что и по форме, и по композиции является, скорее, народным анекдотом. Этот малый жанр угадывается с первых же слов и сразу настраивает читателя на соответствующую реакцию. Интенция высмеять в данном случае настолько заразительна, что даже не требует анализа и пояснения, автор и читатель вместе изначально. Они вместе смеются над героями и над абсурдностью ситуации, а *prigotiv* понимая, что ценность не в форме, а в содержании: человеку не гоже быть эгоцентричным.

2. **КРИВЕНЬКАЯ УТОЧКА.** Жили-были дед да баба; детей у них не было. Скучно им жилось. Однажды пошли они по грибы. Берет баба грибочки и видит – под кустом гнездо, а в гнезде сидит уточка. Баба и говорит деду: «Смотри, старик, какая красивенькая уточка!». Дед обрадовался: «Возьмем, – говорит, – ее домой, пусть у нас живет». Стали они ее из гнезда вынимать, закричала она. Видят старики: у нее ножка сломана. Они взяли ее тихохонько, принесли домой, сделали ей гнездышко, обложили его перьями и посадили туда свою уточку. А сами опять пошли в лес за грибами. Воротились, все у них в хате прибрано, хлебы испечены, борщ сварен. Удивились старики, пошли к соседям, спрашивают: «Кто у нас в хате хозяйничал?» Соседи ничего не видели, ничего не знают. На другой день дед и баба снова пошли по грибы. Приходят домой, а у них и вареники сварены, и у окна прялка стоит. Побежали к соседям и спрашивают: «Не входил ли кто в нашу хату?» Соседи говорят: «Дивчина ведро воды к вам несла, такая пригожая, только немного кривенькая...». Думали-думали дед да баба, баба и говорит: «Знаешь, старик, сделаем вот что: скажем, что идем по грибки, а сами спрячемся и посмотрим, кто понесет к нам воду». Так и сделали. Притаились они за клетью, смотрят. Из их хаты выходит дивчина, такая пригожая, только немного кривенькая. Пошла она к колодцу, а дед с бабой – в хату. Смотрят: в гнезде уточки-то и нет. Взяли они ее гнездышко, бросили в печку, и оно там сторело. Идет дивчина с водою. Вошла в хату, увидела деда и бабу и бросилась к своему гнездышку... А гнездышка-то и нет. Горько заплакала она. Дед и баба утешают ее: «Не плачь, галочка, оставайся у нас за дочку. Мы будем беречь тебя, как родную дитинку». А дивчина отвечала им: «Я бы век жила у вас, а теперь не могу. Зачем вы подглядели за мною и сожгли мое гнездышко?». И стала она просить старика: «Сделай мне, дидусь, кружилочку да веретенце, и я уйду от вас». Сделал ей дед кружилочку и веретенце, она пошла на двор, села на крылечко и стала прясть. Вот летит стадо уток; увидели утки дивчину и запели в один голос: «Вот где наша дивчина, вот где наша гарна: на метеном дворике, у тесаного столбика; кружилочка шумит, веретенце звенит... Бросим ей по перышку, пускай летит с нами». А дивчина запела им в ответ: «Не хочу лететь я с вами: как была я в горе, сломала ножку, вы меня покинули, прочь улетели». Утки бросили ей по перышку и полетели дальше. Летит другое стадо уток, и запели ту же песню, так жалобно-жалобно. Затосковала дивчина, заслышав жалобную песню. Бросили ей утки по перышку. Одедась она в эти перышки, стала уточкою, поднялась в поднебесье и улетела со стаей. А дед и баба опять остались одни-одинешеньки. Вот вам и сказка да еще бубликов вязка.

Анализ-комментарий к сказке «Кривенькая уточка». Здесь мы видим *два параллельных мира* – мир деда и бабы и мир уточки, которую они нашли и хотят удочерить. У уточки свои секреты, своя личная жизнь, свои проблемы, которыми она не хочет делиться, хотя она и готова жить вместе и помогать чем может. А баба с дедом хотя и прозрачности отношений, знания всего, что происходит вокруг них. В этом (в желании уточ-

ки сохранить личное пространство и невозможности более его иметь) и заключается конфликт: нежелание уточки жить более вместе со стариками. Впрочем, *конфликт* вполне мирный, выходящий в *диалог*. Она возвращается в свой мир (ибо мир ее зовет и даже помогает ей вернуться), а они ее отпускают и тоже помогают в этом.

О чем сказка? О том, что, чтобы узнать другого, не надо применять хитрость, а надо общаться с этим человеком. О том, что естественно людям помогать друг другу. Автор сказки показывает читателю, что мир не так прост, что в нем есть проблемы, что следует понимать других, а не только потакать своим желаниям. Сказка ненавязчиво учит принимать ценности других.

В этой сказке взаимодействие автора и читателя эксплицитно: «Вот вам и сказка да еще бубликов вязка». Благодаря этой присказке обнажается намерение автора научить читателя, заставить его искать смысл и извлекать из сказки урок.

3. *ОТЧЕГО КОШКА ПРЕСЛЕДУЕТ МЫШЬ*. Шел как-то раз один человек на охоту и повстречал двух зверьков. «Откуда вы, звери?» – спросил он. «Мы из воды». – «Куда вы идете?» – «Мы теперь будем жить на земле». – «Как вы называетесь?» – «Собаки». – «Да, может, вы лжете?!» Собаки вынули свои паспорта и показали. «Верно действительно, вы – собаки, – сказал человек, посмотрев паспорта. – Смотрите только, вам позволено жить на земле один год, а потом опять ступайте в воду». Прошло более года. Человек опять встретил тех же зверей и стал бранить: «Отчего же вы живете на земле, когда уже прошел срок? Ступайте жить в воду!» – «Нам нельзя идти в воду без паспортов». – «А где же ваши паспорта?» – «Мы отдали коту на хранение». – «Пойдите же возьмите их у кота». Собаки пошли к коту и стали требовать свои паспорта. «Нет их у меня: мыши утащили и съели», – отвечал кот. Нечего делать, пришлось собакам остаться на земле. Но с тех пор человек преследует собаку, собака – кошку, а кошка – мышь.

Анализ-комментарий к сказке «Отчего кошка преследует мышь».

Мир этой сказки населен правилами, и его герои следуют определенному порядку, установленному кем-то (что, впрочем, не уточняется). Таким образом, можно сказать, что порядок здесь, соподчинение всех, исполнение каждого своей роли – это ценность, которая должна признаваться и организовывать совместную жизнь сообщества. Но порядка нет, хотя каждый его требует в своем случае. Таким образом, порядок – центральная тема, но подается и эксплицитно, и имплицитно: эксплицитно порядок установлен, а имплицитно он подается как абсурд.

И здесь мы видим взаимодействие автора и читателя – сказка явно объясняющая. Она для читателя, а не сама по себе.

Так что мы увидели в белорусских и украинских сказках? Учитывая тот факт, что белорусы и украинцы являются соседствующими славянскими народами, считающими себя братскими, можно было бы предположить, что эпос этих народов будет отражать приблизительно одинаковые миры и строить приблизительно одинаковые отношения. Наш анализ, представленный здесь на уровне комментирования, показывает, что это не так.

Белорусская реальность, запечатленная в сказке, выводит в качестве ведущих ценностей неконфликтность человека, соседство и отношения с родными и соседями, приверженность традициям, жизнь и умение жить. Белорус беден, его жизнь полна проблем. Решение проблем может быть разным: можно выбрать параллельное существование и плыть по течению; можно вступить в диалог, стать героем и хозяином судьбы, можно уйти от проблемы обманом или просто уйти физически. Главное – не быть в конфликте. Картина отражаемой в сказках реальности полностью поддерживается дискурс-картиной взаимодействия автора и читателя. Здесь «неконфликтность» также подчеркнута, читатель свободен в выборе трактовки сказки. Его мир *параллелен* миру сказки и миру повествователя.

Украинская реальность, запечатленная в сказке, – это праздник, смех, неразбериха. Она индивидуальна, с поворотом на свой мир, свою эксклюзивность. Возникающие проблемы связаны с выбором других, а решение этих проблем достигается в *диалоге* с этими другими. Диалог, в котором в полной мере проявляется роль и ценность его участника, является и основной коммуникативной стратегией украинской сказки, таким образом подтверждая дискурс-картину актуализуемого в сказках мира.

Дискурс-анализ в контексте каузально-генетического подхода – это и *прогностические выводы*, например выводы о том, как могут в дальнейшем взаимодействовать культуры, тексты которых так зримо отличны друг от друга. Полагаю, что выводы прогностического плана, однако, здесь делать несколько преждевременно с учетом того, что данное исследование дискурса сказки в проекции на дискурс-мира с использованием вышеописанных техник анализа является, по сути, пилотным, что говорит о необходимости проверки результатов с учетом расширения исследовательской выборки.

Добавим лишь, что каждая новая исследовательская позиция в гуманитарном знании (мы полагаем, что одну из них читатель и увидел в нашем материале) – новый виток в познании реальности, себя, но также и другого, иного стиля мышления и поведения, речевого поведения в том

числе. И это виток в осмыслении и реализации своего и иного национального стиля как в ретроспективе, так и в перспективе, а точнее, перспективах, ибо, как было продемонстрировано выше, их – открытое множество. Впрочем, выбор всегда остается за настоящим.

Вместо заключения

Лингвистика дискурса выступает как теоретическая и прикладная отрасль знания. Предложенный каузально-генетический подход изучает специфику функционирования дискурса как явления по сути, казалось бы, идеального: на основании *связи между материальными явлениями* (субъектами, объектами, языковыми и речевыми знаками) в дискурсе воспроизводятся *идеальные* образы и структуры в их соотношении с непосредственно наблюдаемыми или знаково-опосредованными мирами. Но *осознание единства* материального и идеального, актуального и потенциального в *многолико-проявленной* деятельности людей (со-дискурсиях) кардинально преобразует и материю и идею: миры, смыслы, деятельность и саму жизнь. В преобразующем синтезе – смысл подхода.

Библиографические ссылки

1. Дискурс в академическом пространстве : материалы Междунар. круглого стола, Минск, 3–5 апр. 2009 г. / под общ. ред. И. Ухвановой-Шмыговой, М. Сарновского. Минск : Изд. центр БГУ, 2010.
2. *Dijk van T. A.* Discourse as Structure and Process // *Discourse and context: a sociocognitive approach.* London: Thousand Oaks; New Delhi : SAGE Publications, 1997.
3. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М. : Флинта, 2012.
4. *Dijk van T. A.* Discourse and context: a sociocognitive approach. Cambridge University Press, 2008.
5. *Ревзина О. Г.* Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // *Критика и семиотика.* Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 11–20.
6. *Ревзина О. Г.* Язык и дискурс // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* № 1. 1999. С. 25–33.
7. *Борботько В. Г.* Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М. : Либроком, 2011.
8. *Тичер С., Мейер М., Водак Р, Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков : Гуманит. центр, 2009.
9. *Berger A. A.* An Anatomy of Humor. New Brunswick, N. J., 1993.
10. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины : в 20 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. С. 47.

СЛОВАРЬ БАЗОВЫХ ТЕРМИНОВ КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Принятые сквозные сокращения:

КГП, КГТ, КГМ – каузально-генетический(ая) подход (теория, модель);

СЯЗ – сложный языковой знак;

С, ПС – содержание, план содержания;

ССЯЗ – содержание сложного языкового знака.

Аксиоматические и системные положения концепции

КГМ – октаэдр, репрезентирующий (с учетом и во взаимодействии с порождающими **причинами**) внутренние элементы и подсистемы ССЯЗ в их функциональной данности (**типах, видах**, аспектах, дихотомиях, триплетях, **квадриумах/ дискурс-картинах**); системная таблица элементов, определяющая место каждого с позиции его структурной и системной организации;

КГП – исследование ССЯЗ с позиции выявления факторно-фактурных величин (**причин**, обладающих определенной векторной направленностью) и их результатов как элементов генетического кода явления; *система знаний* о ССЯЗ (макротексте, дискурсе) с учетом динамики развития и вариативной репрезентативности знака, аналитической и синтетической направленности, кодирования и декодирования. Теория носит формализованный характер, ибо рассматривает *аналитически* и практику человека, формирующую *идеальные конструкты* (социальную, интеллектуальную, текстологическую и системно-языковую), и деятельность человека в ее коммуникативной реализации (практическая, интерактивная, номинативная, опыт-формирующая), сохраняя при этом целостный (!) взгляд на функциональное бытие СЯЗ (*синтез*).

МОДЕЛЬ – воспроизведение структуры и механизма взаимодействия элементов объекта, включая порождающие **причины** их существования.

ПРИЧИНА (КАУЗА) – исходное начало, источник ССЯЗ, условие его функционального бытия; **фактор, фактум**.

ПАРАДИГМА – содержательные отношения языковых знаков, обусловленные их вхождением в знаковую систему; парадигматически-ассоциативные (системно-ассоциативные) реминисценции (коннотации).

СИНТАГМА – линейные (секвентные) отношения языковых знаков, обусловленные их вхождением в дискурс; речевые реминисценции (коннотативно-коллективная связь).

СИСТЕМА – динамическое единство структурно определенных элементов.

ССЯЗ – совокупность категориальных и феноменологических смыслов СЯЗ (макротекста, т. е. текста с позиций его интертекстуального, интерсобытийного, интересубъектного развития, что, по сути, и есть дискурс). Включает в себя различные **типы, виды, аспекты** С, которые реализуют себя и в индивидуальном звучании (анализ), и в аккордах, **квадриумах**, преобразующих ПС (синтез); динамическая система, постоянно испытывающая на себе воздействие ряда взаимозависимых и взаимопроникающих **факторов и фактумов**, формирующих *категориальный* (сущностный), *феноменологический* (дискретный, ограниченный временными рамками) и *универсальный* (смешанный) типы С; преодолевает рамки лингвистической традиции и способно вместить многообразие трактовок и подходов к проблеме, что в перспективе совпадает с тенденциями развития современной гуманитарно-социальной науки.

СЯЗ – 1) единица языка, реализующая свою функциональность путем трансформации в единицу речи (языковой контекст реализации) и единицу дискурса (социальный контекст реализации); слово, предложение, текст, газета, книга, собрание сочинений, вид словесности, т. е. знак в контексте его постоянного движения и самоопределения, как прогрессивного (укрупнения), так и регрессивного (упрощения); дискретная, многомерная самостоятельно функционирующая *единица* практической, номинативной, речеповеденческой и типовой (опыт-аккумулирующей) деятельности, характеризующаяся многоплановостью и цельностью: единством формы и С, значения и значимости, *элемент коммуникации*; единица комплексного, феноменологически-категориального плана, объект лингвосомиотического исследования, поддающийся аналитическому и синтетическому изучению, проявляющий себя с позиций статики и динамики (структуры и функционального бытия), *элемент познания*;

2) *информационный пакет*, обладающий структурной, системной, линейной (секвентной) и иерархической организацией (*пространственная* определенность знака), но также и ограниченной во *времени* организацией реальности (практической деятельностью, социальной, знаковой, типовой). Актуализация элементов организации – основа самоопределения ССЯЗ в его аналитической и синтетической проявленности; элемент языка, поддающийся структурированию в рамках октаэдра, определяющего направленность его структурно-системных информативно-значимых отношений. В качестве критерия сложности знака может быть

предложена степень самостоятельности (многоплановость значения) и диапазон функциональных нагрузок (широта значимости) знака в коммуникативной деятельности и идеальной практике; макротекст, дискурсия, дискурс.

ФАКТОР (ФР) – причина длительного и направленного действия; представлен в 4 типах организации ССЯЗ: **ФР социальной организации С** – процесс информативно-регулятивного воздействия *социальной практики* коммуникантов на речевую деятельность, преломляющийся в константной иерархической (эмотивно-оценочной) регуляции ССЯЗ (кодирование и декодирование); источник прагматической информации; **ФР интеллектуальной организации** – процесс информативно-регулятивного воздействия *познавательной деятельности* коммуникантов на речевую деятельность, преломляющийся в константной структурной регуляции ПСЯ; источник гносеологической информации; **ФР парадигматической организации С** – процесс информативно-регулятивного воздействия *языковой системы* на речевую деятельность, преломляющийся в константной систематизирующей регуляции ПСЯ; информативно-инвентаризационная регуляция; источник парадигматической информации; **ФР синтагматической организации С** – процесс информативно-регулятивного воздействия текстовых реминисценций на речевую деятельность, преломляющийся в константной линейной (секвентной) (информативно-коллокативной) регуляции ПСЯ; практическое мышление; источник синтагматической информации.

ФАКТУМ (ФМ) – результирующая причина, порождающая конкретные языковые феномены. Ключевыми ФМ в контексте КГМ являются: **ФМ референции** (*практическая деятельность*) – взаимодействие познавательной и оценочной деятельности в процессе выявления референтов (фактов действительности); **ФМ номинации** (*функционирование языка*) – взаимодействие речевой и языковой (системообразующей) деятельности в процессе выявления знаков референтов (знаковых референтов) как фактов коммуникативной действительности; **ФМ стилизации** (*речевое поведение*) – взаимодействие оценочной и речевой деятельности в процессе определения речевого поведения (стиля общения); **ФМ типизации** (*языковой опыт*) – взаимодействие познавательной и языковой (системообразующей) деятельности в процессе определения типа общения и, следовательно, знака кортежа.

ЯДРО ССЯЗ – ключевые дихотомически верифицируемые элементы ПС СЯЗ, коммуникативно-деятельностная основа функционирования языка в социуме, основа функциональных подсистем ССЯЗ – **квадриумов**. Теоретически (метафорически) можно говорить как о **феноменологическом ядре** (*ядро как мера С во времени*: референт, кортеж, знаковый референт, знаковый кортеж), так и **категориальном** (*ядро как начало пространственной самоорганизации, или мера С в пространстве*: прагматическом (в иерархических отношениях), парадигматическом (системных), когнитивном (структурных) и синтагматическом (секвентных)), а также **универсальном** (*ядро как основа жизни, как рождение движения к самоопределению и самоорганизации*: референты оцениваемые и структури-

руемые (самоопределение в деятельности), кортеж оцениваемый и линейно развивающийся (самоопределение в поведении), знаковый референт как синтагматически и парадигматически репрезентируемый (самоопределение в вербальной деятельности), знаковый кортеж как структурируемый и систематизируемый (самоопределение в форматно-жанровой деятельности)).

КВАДРИУМЫ ССЯЗ – макрокатегории дискурса, функциональные единства, подсистемы С, открытые взаимодействию с себе подобными, определяют специфику бытования и функционирования СЯЗ; их составляющие – элементы универсального вида С, реализующие С в единстве социального и индивидуального начал; каждый квадриум имеет проекции одновременно во всех четырех пространственно определяемых измерениях С: иерархическом, структурном, линейном и системном; квадриум метафорически определен как дискурс-картина (**ДК**): **ДК мира** – система взаимодействия практической (референтной) и знаковой (знаково-референтной) деятельности, **ДК коммуникативного кортежа** – система взаимодействия поведения и опыта общения, **ДК «Знание»** – система взаимодействия мышления (реальное знание) и речи (функциональное знание) с учетом типовой (исторически заданной) и индивидуальной специфики протекания этих процессов, **ДК «Отношение»** – система взаимодействия языка и социальной практики, **ДК «Смысл»** – система индивидуальных проявлений функционирования СЯЗ, **ДК «Сущность»** – система социальных проявлений функционирования СЯЗ; ДК как подсистема С открыта вхождению в дихотомические единства: Референт (фрагмент мира) + Коммуникативный кортеж, Знание + Отношение, Смысл + Сущность).

Структурные и функциональные положения концепции

СТРУКТУРА – совокупность элементов, включенных определенным образом в систему (с учетом принципа включения).

ВИД ССЯЗ – структурно-функциональное проявление С; разнообразие видов ПС обеспечивается реализацией причин: ФАКТОРного характера (категориальный вид), ФАКТУМного (феноменологический) и факторно-фактумного (универсальный); универсальный вид С – основа КВАДРИУМОВ, или дискурс-картин.

ВИД КАТЕГОРИАЛЬНОГО С (сущностное, идеальное, ideational, idea-centered) – отражает идеальные конструкты человеческого сознания; репрезентирован такими видами функционального С, как *гносеологическое* и *текстологическое* (элементы **квадриума** «Дискурс картина “Знание”»), *прагматическое* и *парадигматическое* (элементы **квадриума** «Дискурс-картина “Отношение”»), каждый из которых есть результат взаимодействия С *аспектного* характера: **гносеологическое С** – это информация о предмете коммуникации и типовом *кортеже* общения в их единстве, поступаемая в процессе как индивидуального структури-

рования мира (*тематизация предмета общения, конструкт индивидуальной когниции*), так и типового (*форматирование субъектов общения, **кортеж** как конструкт формата социального опыта*); структурная организация С в единстве референтного (предмет общения) и знаково-кортежного (тип общения) аспектов функционального С, **синтагматическое С** – это информация о знаковой репрезентации предмета общения и индивидуальном кортеже общения в их функционировании в единстве индивидуального текстологического опыта (**кортеж** как реализация субъект-субъектного взаимодействия в секвенциях), так и типового (*вербализация тем общения, конструкт знаковой репрезентации предмета общения*); **прагматическое С** – это информация о субординации элементов референтного (*конструкт индивидуальной оценки реальности, субъект-предметная прагматика*) и кортежного (*конструкт социальной оценки общающихся, субъект-субъектная прагматика*) аспектов С; **парадигматическое С** – это информация о степени адаптации коммуникантами языковой системы, обретение как индивидуального опыта оценки потенциала знаковой системы (*индивидуально открытая знаково-референтная картина мира, конструкт парадигмальной организации номинативного потенциала языка*), так и социального опыта оценки (*социально-закрытая знаково-кортежная картина мира, конструкт парадигмальной организации жанрового потенциала языка*).

ВИД ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО С (*смысловое, *phenomenon-bias**) – отражение в СЯЗ образа как предмета общения (референта), так и субъектов общения в их единстве (кортежа); конструкты субъект-предметного и субъект-субъектного планов в «привязке» к реалиям субъектного (а значит, и знакового) мира в их пересечении (социальный контекст в его дихотомической репрезентативности); реализован *референтным и знаково-референтным, кортежным и знаково-кортежным аспектами содержания, они же* – элементы ЯДРА ССЯЗ: **кортежное С** – отражение и конструирование взаимодействия субъектов коммуникации в их единстве (информация актуального плана), результат речеповеденческой деятельности; **знаково-кортежное С** – отражение и конструирование статуса, типа (знака) каждого участника коммуникации социальным контекстом в целом и группой общающихся в частности; информация потенциального плана (социально-исторического, типового), результат деятельности по аккумуляции языкового опыта; **референтное С** – отражение и конструирование субъект-предметного взаимодействия), результат практической экстенциональной деятельности людей; **знаково-референтное С** – отражение и конструирование предмета с опорой на вербализацию, знак; результат знаковой деятельности людей.

ВИД УНИВЕРСАЛЬНОГО С – совокупность элементов содержания, порождаемых параллельным действием факторов и фактумов; объединяет категориальный и феноменологический виды С, что позволяет полноценно исследовать ПС с позиции как идеального, так и феноменологического варианта реализации СЯЗ. Изучение специфики функционирования СЯЗ с опорой на универсальный вид хорошо вписывается (что является ее верификацией) в современные классификации лингвистической науки: так, с одной стороны, **КГП** вписан и специфици-

рует направления функциональной лингвистики, как, например, лингвистика речи (синтагматическая лингвистика) в аспектах актуализаций ее кортежного (речеповеденческого) и функционально-языкового направлений, прагмалингвистика в аспектах актуализаций объектной и субъектной детерминаций и т. д., а с другой стороны, направления лингвистики деятельности или коммуникативистики, как то: социальное и текстологическое направления коммуникативистики, аксиологическое и когнитивное и т. д.

КОРТЕЖ – группа коммуникантов в их взаимодействии, вовлеченных во фрейм общения; оригинальная, открытая изменениям, субъектно-субъектная деятельность.

ЗНАКОВЫЙ КОРТЕЖ (тж. исторический кортеж, знак кортежа) – знак группы коммуникантов, тип общения; исторически (социально) зафиксированная и получившая свое структурно-системное решение, содержательная форма; жанрово-композиционное решение общения.

РЕФЕРЕНТ – сущность реального мира, на которую указывает СЯЗ, образ, тема; оригинальная, открытая изменениям субъект-предметная деятельность.

ЗНАКОВЫЙ РЕФЕРЕНТ (знаковая тема) – знак темы, предмета общения, включенный в деятельность и определенный в системном и линейном измерении; знак субъект-предметной деятельности.

СПИСОК СТАТЕЙ, ПО МАТЕРИАЛАМ КОТОРЫХ НАПИСАНА МОНОГРАФИЯ

Раздел 1

Ухванова И. Ф. Введение // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : БГУ, 1998. Вып. 1. С. 7–13.

Ухванова И. Ф. Интеграция парадигм и методов в дискурс-исследованиях // La Table Ronde: Дискурс в академическом пространстве. Минск : Изд. центр БГУ, 2010. Вып. 1. С. 23–26.

Ухванова И. Ф. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : БГУ, 2000. Вып. 2. С. 22–29.

Ухванова И. Ф. Критерии самоиндефикации // La Table Ronde: Дискурс в академическом пространстве. Минск : Изд. центр БГУ, 2010. Вып. 1. С. 49–51.

Ухванова И. Ф. Каузально-генетическая перспектива исследования дискурса // La Table Ronde: Дискурс в академическом пространстве. Минск : Изд. центр БГУ, 2010. Вып. 1. С. 82–90.

Раздел 2

Ухванова И.Ф. Введение // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : БГУ, 2000. Вып. 2. С. 7–11.

Ухванова И. Ф. Каузально-генетическая модель // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : БГУ, 1998. Вып. 1. С. 39–52.

Ухванова И. Ф. Смысловые и сущностные параметры политического дискурса в фокусе внимания исследователя: постановка вопроса // Язык и социум : материалы II Междунар. науч. конф. Минск : БГУ, 1998.

Ухванова И. Ф. Лингвистика дискурса и теория познания: кластерные контент-контекстная и практико-деятельностная теория дискурса // La Table Ronde: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 2. С. 51–59.

Ухванова И. Ф. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в славянском научном сообществе: анализ прецедентных дискурсов (в контексте актуализации дискурсных групп) // La Table Ronde: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 2. С. 364–368.

Ухванова И.Ф., Гуренчик Е. Терминологический потенциал лингвистики дискурса (на материале французского словаря дискурс-анализа «Dictionnaire d'analyse du discours») // La Table Ronde: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 2. С. 76–94.

Раздел 3

Ухванова И. Ф. Прошлое и будущее понятия «дискурс» // La Table Ronde: Дискурс в академическом пространстве. Минск : Изд. центр БГУ, 2010. Вып. 1. С. 11–14.

Ухванова И. Ф. Дискурс-анализ: этапы и модели исследования // Язык и социум : материалы VI Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2004 г. : в 2 ч. / редкол.: Л. Н. Чумак (отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2004. Ч. 1. С. 73–78.

Ухванова И. Ф. Реконструкция социального контекста из текста: категоризация и моделирование // Коммуникативные стратегии: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 28–29 мая 2003 г. : в 2 ч. / отв. ред. Т. В. Поплавская. Минск : МГЛУ, 2003. Ч. 2. С. 148–151.

Ухванова И. Ф., Маркович А.А. Дискурс-категория: классификационный аспект // La Table Ronde: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 2. С. 122–126.

Ухванова И. Ф. Интегративная модель контент-исследований // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : БГУ, 2000. Вып. 2. С. 283–289.

Ухванова И. Ф. Дихотомия «жанр – формат» в контексте каузально-генетического моделирования содержания дискурса // Язык и социум : материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 дек. 2008 г. : в 2 ч. / под общ. ред. Л. Н. Чумак. Минск : РИВШ, 2009. Ч. 1. С. 115–116.

Ухванова И. Ф. Операционализация коммуникативных стратегий с позиций каузально-генетической теории // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : БГУ, 2000. Вып. 2. С. 198–202.

Раздел 4

Ухванова И. Ф. Актуализация методологического аппарата лингвистики дискурса в искусствоведческих работах Павла Флоренского // La Table Ronde: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 2. С. 179–183.

Ухванова И. Ф. Введение в дискурс-аналитические практики, или Чем отличается контент-анализ от дискурс-анализа // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : БГУ, 2008. Вып. 5. С. 49–78.

Ухванова И. Ф. От понимания текста к пониманию мира и как использовать новое знание в педагогическом процессе // Jezyk a edukacja: Kształcenie językowe / red. J. Nocon i V. Skowronka. Opole, 2012. P. 29–43.

Ухванова И. Ф., Попова А. В. Дистанционное обучение: опыт и перспективы // Технологии информации и управления : сб. науч. ст. / редкол. : А. М. Кадан (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2011. Вып. 2. С. 229–233.

Раздел 5

Ухванова И. Ф., Савич Е. В. Лингвистика дискурса в контексте лингвистических и филологических дисциплин: дискурс-анализ паспортов специальностей высшей аттестационной комиссии // La Table Ronde: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск : РИВШ, 2013. Вып. 2. С. 295–303.

Ухванова И. Ф. Дискурс-портреты политических лидеров: новые тенденции // Язык и социум : материалы V Междунар. науч. конф. 6–7 дек. 2002 г., Минск : в 2 ч. / редкол. : Л. Н. Чумак (отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ БГУ, 2003. Ч. 1. С. 70–74.

Ухванова И. Ф. Юмор в политическом дискурсе печатных СМИ // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : БГУ, 2000. Вып. 2. С. 145–151.

Ухванова И. Ф. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия славянских сказок // Stylistyka (ed. S. Gaida). № XXI. Styl naradowy – National Style. Opole, 2012. P. 45–60.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСЛОВО	3
-----------------	---

Раздел 1. КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

1.1. Многозначность и многоплановость содержания понятий «текст» и «дискурс»	5
1.2. Интеграция парадигм и методов в дискурс-исследованиях	10
1.3. От постмодернистской к каузально-генетической перспективе	13
1.4. Критерии самоидентификации ученого в контексте своего исследования	20
1.5. Каузально-генетическая перспектива исследования дискурса	25

Раздел 2. КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ НОВОЕ ЗВУЧАНИЕ В КОНТЕКСТЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА

2.1. Лингвистика и социальные науки в аспекте интегрирования	32
2.2. Каузально-генетическая модель	35
2.3. Каузально-генетическая модель в приложении к изучению политического дискурса	45
2.4. Каузально-генетическая модель в ее переосмыслении с позиции кластерной теории	49
2.5. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в славянском научном сообществе	59
2.6. Лингвистика дискурса в ее репрезентации во французском словаре дискурс-анализа	65

Раздел 3. АППАРАТ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА: КАТЕГОРИИ, МЕТОДЫ, ПРИЕМЫ И ПРОЦЕДУРЫ АНАЛИЗА

3.1. Прошлое и будущее понятия «дискурс». Анализ дискурса, дискурс-анализ и дискурсное исследование	92
--	----

3.2. Дискурс-анализ как тип дискурса: этап сбора базы данных	96
3.3. Реконструкция социального контекста из текста: категоризация и моделирование	102
3.4. Дискурс-категории и их операционализация: классификационный аспект.....	105
3.5. Тема-центричные и проблема-центричные контент-исследования (расширение операционального объема категорий контент-анализа)	110
3.6. Жанр и формат в дискурс-проекции.....	115
3.7. Операционализация коммуникативных стратегий с позиции каузально-генетического подхода.....	117

**Раздел 4. МЕТОДИКИ И ПРИЕМЫ, АКТУАЛЬНЫЕ
ДЛЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ
ПОНИМАНИЮ ТЕКСТОВ И ДИСКУРСОВ**

4.1. Актуализация методологического аппарата лингвистики дискурса в искусствоведческих работах Павла Флоренского.....	124
4.2. Введение в дискурс-аналитические практики, или Чем отличается контент-анализ от дискурс-анализа	129
4.3. От понимания текста к пониманию мира. Как использовать новое знание в педагогическом процессе	158
4.4. Дистанционное обучение: опыт и перспективы	171

**Раздел 5. ТИПЫ ДИСКУРСОВ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

5.1. Лингвистика дискурса в контексте лингвистических и филологических дисциплин: дискурс-анализ паспортов специальностей высшей аттестационной комиссии	180
5.2. Дискурс-портреты политических лидеров: новые тенденции	189
5.3. Юмор в политическом дискурсе печатных СМИ	194
5.4. Дискурс-картины мира и короткого взаимодействия славянских сказок	199

СЛОВАРЬ БАЗОВЫХ ТЕРМИНОВ КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА.....	214
--	-----

СПИСОК СТАТЕЙ, ПО МАТЕРИАЛАМ КОТОРЫХ НАПИСАНА МОНОГРАФИЯ	219
---	-----

Научное издание

Ухванова-Шмыгова Ирина Фроловна

**КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА**

Ответственный за выпуск *Т. М. Турчиняк*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Т. К. Раманович*
Компьютерная верстка *О. В. Гасюк*
Корректор *Е. И. Бондаренко*

Подписано в печать 30.12.2014. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,32.
Тираж 150 экз. Заказы 39, 78.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.